

SHOUT
SHARE IT

Annotation

«Серебряный век» стал для России временем нерешительных мужчин и роковых женщин. Ослабление воли правящего класса предреволюционной России привело к тому, что без всякого официально провозглашенного равноправия «русские амазонки» принимали все большее участие в политике и экономике, управляли мужчинами, а не подчинялись им. Героини этой книги сейчас практически забыты, но каждая в свое время была известна и сыграла в жизни России роковую роль.

- Лев Лурье

- Бабье царство

- Глава 1

- О'Рурки

- Тарновские

- Васюк

- Новобрачные

- На свободе

- Боржевский

- Драма у подъезда «Гранд Отеля»

- Самоубийство Шталя

- Суд в Гомеле

- С Прилуковым

- Падение Комаровского

- Задуманный двойной удар

- Те же и Наумов

- Смерть в Венеции

- Следствие

- «Русское дело»

- Слава

- Тарновская исчезает

- Наследники Тарновских

- Глава 2

- Арфа как средство продвижения

- Королева «доминиканцев»

- Несостоявшиеся управляющие

- Генеральша фон Штейн

- Новые жертвы Ольги Григорьевны

- Благотворительница

- Падение
- Из России в Америку
- Тюрьма и ссылка
- Второе дело
- Эпилог
- Глава 3
 -
 - Девочка из Харькова
 - От консерватории до театра
 - Родина не помогла
 - Из Елизаветы в Эльзы
 - На ярмарке
 - В конце века. Любовь
 - Элизин раб
 - Антрепренерша
 - Крах
 - Сладость мести
 - Коммерческий суд и арест
 - Главная роль
 - Любовники на поединке
 - Что сказал защитник Шабельской
 - Как оправдывали Ковалевского
 - Новое амплуа
 - Первое русское фэнтези
 - Борьба за Распутина
 - Загадка Петра Шабельского-Борка
- Глава 4
 -
 - Бесприданница
 - Помещица
 - «Солнечный удар» генерала Сухомлинова
 - Между Круполем и Киевом
 - Ответ Бутовича
 - Друзья познаются в несчастье
 - Из Киева в Петербург
 - В должности министра
 - Расходы министерши
 - Финансовые махинации
 - Окружение четы Сухомлиновых
 - Красавец-мужчина Мясоедов
 - Клубок змей
 - Отставка Мясоедова
 - Бутович возвращается
 - Кампания против Сухомлинова

Лев Лурье

Хищницы

© Лурье Л. Я., 2012

© Оформление, издательство "БХВ-Петербург", 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Бабые царство

В начале XX века казалось: императорская Россия будет существовать вечно. Даже 47-летний Владимир Ленин в январе 1917 года говорил молодым швейцарским социал-демократам: «Революция, конечно, произойдет, но не на глазах моего поколения». И вдруг все рассыпалось мгновенно и, как оказалось, окончательно. С расстояния времени виден один из признаков угасания старого режима – ослабление воли правящей элиты. «Серебряный век» стал для России временем нерешительных мужчин и роковых женщин.

Правящий класс перестал быть хищным и модным. Чехов или Блок никогда не бывали в Зимнем дворце у царя и не жалели об этом. Поместное дворянство – Гаев, Иванов, дядя Ваня, герои Алексея Толстого и Ивана Бунина – лишены воли не то что к власти – к жизни. Это мужчины, остающиеся детьми и в старости. Любители лошадей, хорошего шампанского, балетных танцовщиц и солисток ресторанных хоров. Астения дворянства особенно видна в материалах тогдашних сенсационных судебных процессов.

В 1910 году главная мировая сенсация – «Коза руссо» («Русское дело»): в Венеции сотни судебных репортеров со всех концов света, среди любопытствующих зрителей – Эдгар Дега, Сара Бернар, Габриэле Д'Аннунцио. Венецианские судьи подробно рассматривают быт и нравы российской элиты «Серебряного века».

Недаром на процессе в Венеции адвокаты вспоминали австрийского романиста Захер-Мазоха. Главные героини писателя – гордые украинки, доминирующие над слабыми европейскими мужчинами.

Ослабление воли правящего класса предреволюционной России привело к тому, что без всякого официально провозглашенного равноправия «русские амазонки» принимали все большее участие в политике и экономике, управляли мужчинами, а не подчинялись им.

Самовластной хозяйкой Мариинского театра на долгие годы стала Матильда Кшесинская. Попутно, через своего покровителя великого князя Сергея Михайловича, управлявшего российской артиллерией, она проталкивала (не безвозмездно) заказы на пушки и пулеметы для русской армии. В Александринском театре распределяла роли дважды разведенная Мария Савина.

«Бабым царством» становится и правящая династия. При Александре III морганатические браки были исключены, при

Николае II они стали обыкновенным явлением. Причем их инициаторшами были, как правило, именно женщины, уводившие мужчин из императорской семьи.

Второй по значимости (после наследника) претендент на трон, великий князь Михаил Александрович, тайно женился на Наталье Вульферт (в первом браке – Мамонтова). Кирилл Владимирович (третий по близости к трону) вступил в брак со своей двоюродной сестрой – Викторией Мелитой, разведенной супругой герцога Эрнста Людвиг Гессенского.

Дядя Николая II Павел Александрович был выслан из России за то, что отбил у генерала Эриха фон Пистолькорса супругу Ольгу, и женился на ней. Его дочь Мария Павловна бросила мужа, шведского короля Вильгельма, ради французского герцога Монпансье, искусного охотника на тигров. Наконец, родная сестра Николая II Ольга Александровна жила не со своим мужем принцем [Петром Ольденбургским](#), а с офицером Кирасирского полка [Николаем Куликовским](#).

Известно, какую огромную политическую роль играла сама царствующая императрица Александра Федоровна. Распутина, а до него других «целителей» – Папюса и Филиппа – ввели в царскую семью «черногорки» Стана и Милица – жены великих князей Николая и Петра Николаевичей. В заговоре великих князей, желавших удалить Распутина и императрицу, важную роль играла жена великого князя Владимира Александровича – Мария Павловна.

Русский правящий класс «обабивался». Чудо-богатыри, входившие в Париж, через столетие превратились в Ипполитов Матвеевичей Воробьяниновых. И, когда настала пора защищать монарха и самодержавие, на помощь государю не пришел ни один из великих князей, ни один командующий фронтом. Да и в Гражданскую войну против «красных» воевали не великие князья, не представители знаменитых русских родов, а – скромные фронтовые офицеры, тянувшие до 1914-го лямку в провинциальных гарнизонах. Словами Георгия Иванова, «Овеянный тускнеющею славой, в кольце святош, кретинов и пройдох, не изнемог в бою Орел Двуглавый, а жутко, унизительно издох».

Американский историк Сэм Рамер назвал события 1917 года «революцией фельдшеров». Ее делали те, кого в старое время не подпускали к власти, кто не имел шанса – прапорщики, провизоры из черты оседлости, фрезеровщики Путиловского завода, журналисты левых газет, кронштадтские матросы. И что бы ни говорили о «красных», в них была настоящая жестокая воля. Потому Троцкие, Фрунзе и Буденные победили выпускников

Пажеского корпуса и Николаевского кавалерийского училища.

Эхо этого социального подъема чувствовалось в стране вплоть до 1960-х. Некогда было «бабиться» – страной правили выходцы из народа, прошедшие от деревенской избы или барака в рабочем поселке до Кремля.

Мы снова видим ослабление правящего, да и среднего класса с 1970-х. Система становится непроницаемой. «Любимый мой летит с одним крылом». Нервные герои Олега Янковского и Олега Даля обречены на пьянство и «личную жизнь». Леонид Брежнев – мелкий политический деятель эпохи Аллы Пугачевой. Защитить СССР, как и старую Россию, оказалось некому.

Нынешний режим мало кому нравится. Публицисты любят предрекать скорые и радикальные изменения. Их пророчества быстро становятся пошлостью. Петя звал, но волки не пришли. Долговечие нынешнего строя обеспечивают люди, сделавшие себя сами, альфа-самцы. Эти люди – мужчины, чаще всего неприятные.

Глава 1

Русская Цирцея

В центральном венецианском квартале Сан-Марко в доме под номером 2497 находится гостиница «Ада», а внизу – популярный в городе бар «Тарновска». Назван он в честь киевлянки, графини Марии Николаевны Тарновской, которая сто лет тому назад заставила говорить о себе весь мир. Эта сенсационная история началась с преступления, не вызвавшего поначалу особого интереса.

В 1910 году Россия – в центре внимания мировой прессы. Бежит из Ясной Поляны и умирает на станции Астапово Лев Толстой. В Париже с невероятным успехом проходят гастроли труппы Сергея Дягилева: «Русские сезоны». И, наконец, «Коза руссо» в Венеции – судебный процесс над русскими, собравший сотни репортеров со всех концов света. Даже для многочисленных случайных туристов он стал главным аттракционом венецианской ранней весны. Больше, чем голуби на площади Святого Марка, львы у ратуши и дом Шейлока.

На скамье подсудимых – сын пермского губернатора, известный московский адвокат и русская графиня, в предках у которой Мария Стюарт. Среди людей, которых она загубила – молодой украинский аристократ, польский шляхтич, остзейский барон и русский граф. Она пыталась довести до каторги мужа – наследника знаменитого малороссийского дворянского рода. Это суд не только над Марией Тарновской. Венецианские судьи подробно рассматривают быт и нравы российской элиты «Серебряного века».

Мария Николаевна Тарновская

Графиня Мария Николаевна О'Рурк происходит из древнего, славного и многочисленного ирландского рода (выходец из него, например, знаменитый актер Микки Рурк).

О'Рурки ведут свое происхождение с времен Брайана, одного из сыновей ирландского короля.

После смерти короля в 362 году и кровавой междоусобицы среди наследников, Брайан и его потомки утвердились на западе Ирландии, в Коннахте. Это самая суровая, неплодородная часть страны. Сюда англичане позже ссылали непокорных. Оливер Кромвель говорил, что у бунтующих ирландцев один выбор: в ад или в Коннахт.

Подданные Брайана, племя Уи Брюин в X веке раскололось на два кельтских клана: О'Рурков и О'Рейли. После многовековой вражды, в 1100 году, О'Рурки утвердились в Брефне (ныне – графство Литрим), которым владели вплоть до XVII столетия. До сих пор на границе Ольстера и Республики Ирландия высятся многочисленные замки клана, в том числе величественный Клонкоррик.

Со времен английского короля Генриха II (XII век) англичане постепенно завоевывали «Зеленый остров». В 1541 году Генрих VIII провозгласил Ирландию королевством, а себя – ее королем. Между Ирландией и Англией была установлена уния. Особое ожесточение в англо-ирландские отношения внесла Реформация, проведенная Генрихом: англичане стали протестантами, ирландцы остались католиками. Противостояние между двумя народами не раз приводило к кровавым восстаниям и политическим убийствам.

Оно сказалось и на судьбе предков Марии Тарновской. Брайан на Мурта О'Рурк, один из вождей ирландского сопротивления, отряды которого контролировали значительную часть острова, во время войны протестантской Англии с католической Испанией, поддерживал единоверцев. Когда испанская Непобедимая армада, огромная флотилия с десантом, была в 1588 году разбита англичанами в Ла-Манше, большинство уцелевших кораблей не смогли доплыть до родины, попав в сильный шторм. Многие жертвы кораблекрушения спаслись в Ирландии благодаря Брайану на Мурта. Объявленный британцами вне закона, он пытался получить убежище в Шотландии, но был выдан англичанами, обвинен в государственной измене и повешен в 1591 году в Лондоне.

XVII век сулил О'Руркам одни неприятности. Оливер

Кромвель конфисковал их земли в Ирландии. Ирландские аристократы отправились в эмиграцию. После Славной революции 1688 года они приняли сторону низложенного короля Якова II. Все попытки шотландских и ирландских якобитов, при поддержке Ватикана и Франции, возвести своего претендента на британский престол закончились неудачей. Во время битвы на Бойне 1690 года, Брайан О'Рурк смело сражался с англичанами, но якобиты потерпели поражение. Руководители клана перебрались в континентальную Европу, где превратились в «солдат удачи».

В 1760 году внуки Брайана – братья Джон и Корнелиус О'Рурки – отправились в Россию, служить императрице Елизавете Петровне. Елизавета официально признала за ними титулы «ирландских графов». Джон О'Рурк к тому времени снискал больше славы: это был опытный офицер, служивший до России в Англии и Франции. Бретер и смельчак, он четырежды выходил победителем на дуэлях в Париже. Но в России сэр Джон задержался всего лишь на год – майор конных кирасир участвовал во взятии Берлина и вернулся во Францию с рекомендательными письмами от Петра III, фельдмаршала Суворова и генерала князя Волконского.

А вот Корнелиус прочно обосновался на новой родине. Страстный ирландский патриот, он навсегда простился с отечеством. Жена его была ирландка – дочь генерал-майора Стюарта и Ханны Марии Ласси (сестры русского фельдмаршала, ирландца Петра Ласси). Корнелиус О'Рурк воевал в Польше и на Северном Кавказе и умер в чине генерал-майора, будучи комендантом Дерпта (нынешний Тарту).

Сыновья Корнелиуса – Егор, Иосиф и Патрикий – наследники О'Рурков и Стюартов (в том числе знаменитой Марии Стюарт). Наиболее прославлен Иосиф – участник Итальянского похода, войны со шведами, битв при Аустерлице и Прейсиш-Эйлау. С Кутузовым они воевали в Турции, потом гнали французов из России. Иосиф Корнилович отличился в Битве народов под Лейпцигом, брал Париж. Он закончил военную карьеру в чине генерала от кавалерии. Портрет его украшает «Галерею 1812 года» в Зимнем дворце. От него происходит белорусская ветвь О'Рурков (в 1819 году он вышел в отставку и получил огромное имение рядом с Новогрудком).

Но наша героиня Мария Николаевна происходила от другого сына Корнелиуса – Джорджа (Егора). Пятый сын этого Егора – полковник Мориц (Маврикий) Егорович – закончил Пажеский корпус и, естественно, поступил на военную службу. Выйдя в отставку, он в 1843 году прикупил имение в селе Ярмаки

Миргородского уезда Полтавской губернии, был выбран уездным предводителем дворянства и женился на местной дворянке. Его потомство – украинская ветвь О'Рурков – постепенно перешло из католицизма в православие.

Полковник Мориц О'Рурк

Граф Николай Морицевич закончил Морской корпус и, будучи юнкером, участвовал в знаменитом кругосветном путешествии фрегата «Аврора» и обороне Петропавловска-Камчатского от нападения англо-французского флота. Вспоминая события на Камчатке, Николай О'Рурк писал: «Поразительное бывает у некоторых людей предчувствие, указывающее ожидающую их смерть или великую беду. Так случилось и с князем Максutowым, который вечером накануне сражения в глубокой задумчивости сидел на своей батарее. Он часто думал о

своей смерти и, между прочим, говорил о ней со мной. Пал он героем и особенное присутствие духа показал, когда ему пилили кость раздробленной руки. Ни звука не издал, он только сжимал губы и перекусил сигару, которую держал в зубах. Как только появлялся кто-нибудь с фрегата, он намеренно говорил: “Молодцы наши авроровцы!”»

Выйдя в отставку капитан-лейтенантом, Николай Морицевич служил чиновником по особым поручениям при киевском генерал-губернаторе. Затем был председателем съездов в миргородских уездных учреждениях; закончил службу почетным мировым судьей. Его жена – в девичестве Екатерина Селецкая – дочь крупного чиновника – тайного советника, гофмейстера Петра Дмитриевича Селецкого, выпускника киевского и берлинского университетов, киевского вице-губернатора и предводителя дворянства, владельца села Малютинцы (Отрада) Пирятинского уезда Полтавской губернии.

Мария Николаевна О’Рурк родилась в мае 1877 года в имении матери в Отраде. У нее было четыре брата и сестра Ольга (вышла замуж за Харьковского губернатора и сенатора Катеринича).

У Марии – странное детство. Ребенком, качаясь в гамаке, она сильно ударилась головой о дерево и начала слепнуть. Из-за неправильно поставленного диагноза много лет прожила с плотной повязкой на глазах. Считалось, если ее снимут, девочка окончательно потеряет зрение. Мария О’Рурк избавилась от повязки только в 12 лет, после того как ее начал лечить доктор, специально привезенный из Англии. Стройная рыжеволосая, с голубыми глазами девица, в жилах которой текла кровь и ирландских, и английских королей, и украинских помещиков. Что называется, кровь с молоком, с юности она привлекала внимание мужчин.

В 17 лет Мария окончила Полтавский институт благородных девиц (где ее прозвали *demivierge*, то есть «полудевственницей»). Демивьержками в те годы называли девиц, которые, оставаясь физически девственными, познали тайны плотской любви, не уступая в опытности замужним женщинам. Были ли это лесбийские отношения с товарками по институту или извращенные способы удовлетворять желания мужчин – мы можем только догадываться. Во всяком случае, первые опыты разврата, приобретенные в институте, дали ей с юности невиданное бесстыдство.

В последних классах института Мария обнаружила: в нее без памяти влюблен красавец и богач Василий Тарновский – самый модный жених Киева. Поклонник, как и его избранница,

происходил из знатного, хорошо известного на Украине рода. Мария решила рискнуть: такие мужчины на дороге не валяются.

Тарновские

К концу XIX века богатые и знатные малороссийские роды обосновались в Петербурге: Разумовские, Кочубеи, Безбородко. Впрочем, если их богатство было несомненным, то знатность находилась под вопросом. Пушкин в «Моей родословной» гордился тем, что его потомки – те, кто «в князя не прыгал из хохлов».

Из тех, кто остался в Малороссии, самыми заметными и состоятельными считались Галаганы, Скоропадские, Тарновские.

Тарновские утверждали, что они происходят от гетманов, хотя всем было известно: основатель рода Иосип не имел даже фамилии, а его сын Иван Иосипович по прозвищу Ляшок был простым мельником. Удача пришла к Тарновским в 1824 году, когда одному из них, титулярному советнику Григорию Степановичу Тарновскому, по завещанию досталось роскошное имение фельдмаршала Румянцева-Задунайского Качановка в Черниговской губернии (мать Григория была вторым браком замужем за неким Почекой, которому имение и принадлежало с начала XIX века).

Григорий Тарновский стал обладателем огромного дворца, окруженного парком с прудами, павильонами, «гротами любви». На одном из прудов был плавающий остров: деревья, трава и камыши. Но не на земле, а на искусно замаскированном понтоне. А поддерживали все это хозяйство 9 тысяч крепостных.

Григорий Степанович был человек ловкий и обходительный. Он щедро снабжал знатных земляков в столице плодами своих черноземов: соленьями, медом, водкой, наливками и медовухой, а также домашними колбасами, салом. А летом петербуржцы гостили в королевских чертогах Качановки. Тут Михаил Глинка писал «Руслана и Людмилу», а Гулак-Артемовский – «Запорожца за Дунаем», Николай Гоголь занимал хозяев только что написанным «Тарасом Бульбой», а Тарас Шевченко ухлестывал за хорошенькой родственницей хозяина. В Качановке имелся крепостной театр, картинная галерея и оркестр. У хозяина был гарем, состоявший из крепостных девок. За стол садилось по 100 человек, и трезвыми и голодными не выходили. Благодаря хлопотам высокопоставленных земляков, Григория Степановича заметили при дворе. Он стал камер-юнкером (как Пушкин).

После смерти бездетного Григория Степановича в 1853 году поместье перешло к его двоюродному племяннику Василию Васильевичу Тарновскому. Одноклассник Николая Гоголя по Нежинскому лицей, Тарновский закончил юридический

факультет Московского университета, преподавал русскую историю в Житомирской гимназии. Гоголь писал про одноклассника: «Он добрый и свежий чувствами, как дитя, немного мечтательный и всегда готов к самопожертвованию... Для него не существует ни чинов, ни повышений, ни честолюбия». Это был человек либеральный и еще при Николае I составлял проекты освобождения крестьян от крепостной зависимости. Александр II вызвал его в Петербург, где Василий Васильевич участвовал в работе редакционных комиссий, составивших положение об освобождении крестьян.

Как и все Тарновские, Василий Васильевич кутил. Его сын свидетельствовал: «Отец мой все свое имущество прогулял на водку. За всю свою жизнь он так замечательно проспиртовался, что лежит в церковном склепе совсем нетленный. Можно его хоть сейчас причислять к лику святых и выставлять напоказ, как новоявленные мощи».

В 1866 году, после смерти Василия Тарновского-старшего и его супруги (они умерли в один день), Качановку унаследовал сын, было ему тогда 29 лет. Его принято называть Василий Васильевич-младший – выпускник историко-филологического факультета Киевского университета, любитель искусства, эксцентрик, деградант. Он, скажем, пустил в Качановке водочный фонтан: «Вот там возле села у меня был винокуренный завод. Когда я женился, то приказал пустить фонтан водки. Пей, крещеный люд, сколько душе угодно! Боже ж мой, сколько бросилось к этому фонтану народа! И сколько их валялось возле него, как трупов после великой битвы! Кто с ведром, кто с кружкой, кто рот подставлял под струи водки, а кто хватал пригоршнями! А бабы бежали с горшками, макитрами и бутылками: что схватили, с тем и неслись, а оттуда – домой, и снова к фонтану. Один дядька отбежит от него, а потом снова назад: «Ось тіки ще раз ковтну!» Много было таких, что спали возле фонтана до следующего утра. А некоторые и кости свои там сложили».

Василия Васильевича не считали красавцем. Это был человек маленького роста, худенький, с черными, как смоль, волосами и длинными «казацкими» усами. Женат был на статной, высокой красавице, но оставался знаменитым «ходоком». «Была ли это хорошенькая и податливая пани или простая босоножка, на двадцать верст вокруг Качановки, – говорили люди, – не было такой красивой девки, которая не побывала бы в руках пана Тарновского». Горячая казацкая кровь делала Василия Васильевича-младшего неуправляемым и опасным. Однажды он пистолетным выстрелом убил местного крестьянина, рубившего в

его лесу дерево. Ему угрожала каторга. Пришлось тратиться на адвокатов и подкуп свидетелей, выдавших преступление за несчастный случай на охоте.

Василий Тарновский был человек исключительно тщеславный, с далеко идущими политическими планами. Он мечтал стать ни более ни менее – гетманом вольной Украины. А пока Малороссия прочно входила в состав единой и неделимой императорской России, он всячески холил свое украинское происхождение. Одевался в одежду запорожского казака: свитка, широкие шаровары, пояса-шарфы. Стал предводителем дворянства Нежинского уезда. Собрал огромную, лучшую в России, коллекцию казацко-гетманских музейных и архивных древностей. Издал альбомы с фотографиями шевченковских офортов и портретов украинских гетманов, каталог своих музейных коллекций. Сейчас оставшаяся часть собрания – основа двух музеев: Черниговского областного исторического музея имени Василия Тарновского и киевского Национального музея Тараса Шевченко. Он жертвовал немалые деньги на памятник над могилой Тараса Григорьевича, на сооружение памятников Богдану Хмельницкому в Киеве и Ивану Котляревскому в Полтаве, на создание Киевской публичной библиотеки, издание библии на украинском языке, создание журнала «Киевская старина».

При Василии Васильевиче-младшем парк в Качановке процветал. Садовники обустроили новые шедевры ландшафтной архитектуры – «Швейцарию», «Горку Любви», «Холм Верности», «Хвойную Горку».

Имение Тарновских Качановка

Столовая в имении Тарновских

Так же как и во времена Григория Степановича, Качановка в конце XIX века стала своеобразным летним пансионом для художников.

Константин Маковский оставил три работы, связанные с имением: картину «Запорожский казак», на которой изображен Василий Васильевич в своем излюбленном запорожском костюме, портрет жены хозяина имения Софьи Васильевны Тарновской и матери Василия Васильевича со стариком-служгой («Помещица»).

Летом 1880 года в имении побывали Илья Репин и его ученик Валентин Серов. Илья Ефимович использовал пребывание в Качановке для работы над одной из своих самых популярных картин «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Для этой вещи были необходимы предметы казацкой старины из коллекции Василия Васильевича Тарновского. Репин зарисовал походные чернильницы, которые носили на поясе казаки, кобзы, бандуры, печать на грамоте гетмана, запорожские сабли, ружья, короткие пушки, медные кувшины. В Качановке Репин сделал и множество портретных этюдов для «Запорожцев». Кучер Тарновского превратился на холсте в казака с протянутой рукой,

а сам Василий Тарновский – усатый казак в черной шапке, стоящий по правую руку от писаря. Василий Васильевич позировал Репину для портрета гетмана. В то же лето художник написал в Качановке еще две работы: «Вечорницы» и «Аллея в парке. Качановка».

У последнего владельца Качановки было трое детей: два сына – старший Василий и младший Николай – и дочь Софья.

Вспоминает внук Василия (Васюка) Тарновского Алексей Алексеевич Каплер: «Мой дед, Василий Васильевич Тарновский, родился в 1872 году в родовом имении Качановка. Когда ему исполнился один месяц, его отец собрал всех соседей и родственников и после крещения с гордостью вынес наследника на серебряном блюде показать гостям. Васючок рос невероятным шалуном и затейником, которому все прощалось, ибо все его обожали. Так, например, его мать, Софья Васильевна с особой тщательностью по всем христианским правилам готовила пасхальный стол, на котором, среди прочего, должен был быть поросенок с яйцом во рту. Однако, как она ни проверяла, а в момент, когда гости садились за стол, яйцо оказывалось у поросенка под хвостом. Казаки, охранявшие парк, научили Василия скакать на лошади и стрелять, отец обучил псовой охоте, качановские мальчишки – бороться, а после рассказов о запорожских казаках, их набегах и вольной жизни набеги вместе с качановскими приятелями на соседские бахчи, где арбузы были турками, привели к тому, что Васючка отослали учиться в столицу».

В Петербурге Василий Васильевич учился в каком-то военном учебном заведении и брал уроки пения у Камилло Эверарди. Знаменитый баритон, выпускник Парижской консерватории, Эверарди пел в Неаполе, Милане, Вене и Петербурге. В 1870–1888 годах он был профессором Петербургской консерватории, а с 1890 по 1897 год – Киевского музыкального училища.

Согласно семейным воспоминаниям, Васюк дружил с Леонидом Собиновым и Федором Шаляпиным, заезжавшими в Качановку запросто. Пел он и в России, и за границей под сценическим псевдонимом Снежков. Свою дочь позже назвал Татьяной потому, что в день ее рождения исполнял Онегина.

Василий Тарновский никогда нигде не служил, а досуг посвящал пению. По словам Алексея Алексеевича Каплера, отец Васюка «...категорически не принимал таланта сына и его увлечения пением. Он считал, что для родовитого дворянина фиглярствовать на сцене – моветон, поэтому дед пел под различными псевдонимами».

И вот Васюк влюбился в Марию О'Рурк и сделал ей предложение, которое было принято.

Васюк Тарновский – молодой человек без специальности и положения, неслужащий дворянин 22-х лет. По слухам, его ожидает огромное наследство, но пока – живет на полном родительском содержании. От военной службы Васюка освободили врачи: нашли следы семейного вырождения – неврастения в соединении с алкоголизмом и неблагоприятной наследственностью.

О'Рурки считают: Мария Николаевна – представительница английского королевского рода и русская графиня – может рассчитывать на более обеспеченного, имеющего положение и постоянный доход жениха.

Меж тем, Васюк – человек бесхарактерный, уже расстроивший свои нервы неправильной жизнью и злоупотреблением алкоголя. Пользуется репутацией доброго малого и кутилы. Его властный, жестокий, разгульный отец известен своим эксцентризмом; имение Тарновских – на грани разорения.

Но и Тарновским избранница Васюка не по душе. Они соседи по имениям и хорошо знают: невеста взбалмошная, странная, с дурной славой, без настоящего приданого. Да и Василий Тарновский пока еще не достаточно зрел, чтобы стать главой семьи.

Молодые, впрочем, решают по-своему. К тому же на их стороне бабушка Васюка – Людмила Тарновская, лихая казачка. Она посоветовала внуку устроить «похищение» невесты. 15 апреля 1894 года они венчались в маленькой сельской церкви. Старших не было – только светские приятели.

Брак состоялся помимо воли отца, этому не сочувствовали ни мать, ни старшая сестра – Софья Глинка. Но родители, в конце концов, смирились. Что делать: человек предполагает, а Бог располагает. После примирения новобрачные ездили к отцу в имение, он был неожиданно мягок с Марией Николаевной. Мура (так муж называл Марию Тарновскую) поселилась в Качановке.

Молодая пара жила зимой в Киеве или путешествовала по Европе. А летом проводила время в Качановке или Отраде – полтавском имении О'Рурков. Супруги вели беззаботную, богатую и суетную жизнь, переходя от бала к рауту, из театра в театр, из одного фешенебельного ресторана в другой, меняли курорты и наряды. Тарновская обожала роскошь, ее муж не скупился.

Они быстро стали «ньюсмейкерами» киевского света. Поклонники говорили, что у Тарновской опьяняющие глаза и титанический цвет волос, что она обаятельная и смелая, то, что в

Америке называется «tomboy» (женщина с манерами мужчин). А те, кому Мария Тарновская почему-либо не нравилась, называли ее за высокий рост «дылды» и «красивой колокольней».

Василий Тарновский – светский, всегда пребывающий в отличном состоянии духа хорошо сложенный брюнет. У него огромное состояние.

В 1897 году у Тарновских родился сын – тоже Василий, через два года – дочь Татьяна.

Прекрасный, южный, легкий Киев... Как писал Михаил Булгаков, «весной зацветали белым цветом сады, одевался в зелень Царский сад, солнце ломилось во все окна, зажигало в них пожары. А Днепр! А закаты! А Выдубецкий монастырь на склонах! Зеленое море уступами сбегало к разноцветному ласковому Днепру. Черно-синие густые ночи над водой, электрический крест Св. Владимира, висящий в высоте...»

Мура и Васюк Тарновские – веселые, богатые, красивые, лучшая киевская пара. Гостеприимные, дерзкие, открытые новым знакомствам и приключениям, в городе, где не стесняются огромных трат и новинок моды, где все всех знают, и все – напоказ. Как писала Ахматова, Киев того времени – «...город вульгарных женщин. Там ведь много было богачей и сахарозаводчиков. Они тысячи бросали на последние моды, они и их жены... Моя семипудовая кузина, ожидая примерки нового платья в приемной у знаменитого портного Швейцера, целовала образок Николая-угодника: “Сделай, чтобы хорошо сидело“».

Как складывались отношения между молодыми супругами, достоверно неизвестно. Внешне все выглядело прекрасно, но позднейшие показания и мемуары Муры описывают Василия Тарновского развратником, пьяницей, плохим мужем и отцом.

По ее словам, молодой муж со второго дня брака стал вести себя непозволительно. Когда она тяжело болела тифом в номере флорентийской гостиницы, он веселился с друзьями и подругами. По-холостяцки кутил в киевских увеселительных садах – «Олимпе» и «Шато», возвращался домой поздно. Или не бывал дома, или возвращался пьянехонек. В свои «сердечные тайны» Василий Тарновский охотно посвящал жену.

Постепенно степень его откровенности становилась все шире и шире. Он рассказывал и показывал разнообразные сексуальные трюки, к которым прибегали его любовницы и обладательницы древнейшей профессии. Она даже была знакома с некоторыми из этих женщин. И инкогнито посещала с мужем сомнительные гостиницы и даже бордели Ямской улицы.

А там, по описаниям завсегдатая «Ямы» и автора одноименной повести, Александра Куприна, дело обстояло так:

«До самого утра сотни и тысячи мужчин поднимаются и спускаются по этим лестницам... Приходят свободно и просто, как в ресторан или на вокзал, сидят, курят, пьют, судорожно притворяются веселыми, танцуют, выделяют гнусные телодвижения, имитирующие акт половой любви. Иногда внимательно и долго, иногда с грубой поспешностью выбирают любую женщину и знают наперед, что никогда не встретят отказа. Нетерпеливо платят вперед деньги и на публичной кровати, еще не остывшей от тела предшественника, совершают бесцельно самое великое и прекрасное из мировых таинств – таинство зарождения новой жизни. И женщины с равнодушной готовностью, с однообразными словами, с заученными профессиональными движениями удовлетворяют, как машины, их желания, чтобы тотчас же после них, в ту же ночь, с теми же словами, улыбками и жестами принять третьего, четвертого, десятого мужчину, нередко уже ждущего своей очереди в общем зале».

Вначале Тарновская противилась мужу в его сладострастных затеях, но постепенно вошла во вкус и уже сама выбирала партнерш и диктовала сценарий. Увлекалась эфиром, морфием и кокаином. Ничто не мешало веселью супругов – великосветская дама, графиня Мария Тарновская родила сына прямо в отдельном кабинете одного из киевских ресторанов.

Тарновская никогда не признавалась в том, что их эскапады с мужем были совместными и добровольными. Однако, «Мидинетка» с профилем Мадонны, темпераментом Мессалины и сердцем Иродиады, для многочисленных своих потребностей имевшая множество любовников и умеющая уверить каждого, что он у нее один, вряд ли заслуживает доверия.

Тарновский, даже будучи пьяницей и развратником – обыкновенный человек, избалованный, обаятельный, несмелый, но уж не какой-то демонический тип. Известно, что Василий, после того как вынужден был расстаться с Марией Николаевной, перестал кутить, серьезно занялся певческой карьерой, оказался превосходным, заботливым отцом. В Киеве его любили, а вот Мария Николаевна симпатии не вызывала.

Младший брат Василия, ученик реального училища Петр, в 17 лет повесился. Из оставленного им письма известен мотив: он подскоблил отметки, поставив вместо дурных – хорошие. Отец собирался на другой день ехать в реальное училище проверить успехи сына и, возможно, нанять репетитора. Петр – юноша самолюбивый – понимал: его обман обнаружат. Отец – человек бешеного нрава, мальчик перед ним трепетал.

Но это семейная версия, что называется, «для людей». В Киеве

же многие считали: Петр повесился из-за своей прекрасной невестки. Она – из злобы и скуки развратила юношу, играла с ним, как кошка с мышкой. Не в силах выбрать, разрываясь между братом и невесткой, Петр предпочел самоубийство. Мария вообще наслаждалась нравственным истязанием мужчин, она этим гордилась.

Между тем огромные амбиции и соответствующие им траты привели В. В. Тарновского-старшего на грань разорения. В 1897 году он продал Качановку миллионеру-сахарозаводчику Павлу Харитоненко. После продажи имения Василий Васильевич разделил вырученную сумму на три равные части: себе, дочери Софье Васильевне и сыну Васюку. На эти деньги Тарновский-старший купил в Москве дачу и снимал в Москве дом. А в 1899 году глава клана Тарновских умер.

До этого времени Мария Николаевна была вынуждена жить в основном в Качановке, воспитывала детей под присмотром строгого тестя. Теперь она получила полную свободу.

Знаменитый адвокат Николай Карабчевский говорил о нашей героине: «Это природный злой гений. Очевидно: только нравственная дряблость окружающих ее людей сослужила ей эту службу, возведя на пьедестал таинственной леди Макбет. Тарновскую я бы защищал с истинным наслаждением; подумайте только, какая гигантская психологическая задача: «Как дошла до жизни такой?»»

В начале 1900-х – в моде *femme fatale* — роковая женщина. Она манипулирует мужчинами, подчиняет их своей воле, заставляет страдать, разоряет, доводит до самоубийства. Она в пьесах Оскара Уайльда, произведениях Валерия Брюсова, картинах Густава Климта. Ее жизнь – рискованна и скандальна. Такова и Мария Тарновская.

После раздела Качановки у Василия Тарновского еще оставалось почти 500 тысяч рублей. Супруги снимали квартиру в Киеве и прикупили имение в Житомирской губернии рядом со станцией Янушполь.

Мария Тарновская понимала: денег на продолжение роскошной жизни скоро не будет хватать. Она же хороша собой, порочна и постоянно притягивает мужские взгляды. Теперь бы избавиться от супруга, и можно составить другую партию, или жить с разными любовниками. Она занялась последовательной, садистической травлей своего мужа. Не просто изменяла ему, а делала это на глазах всего города.

А он, между тем, не менялся. Каждый вечер говорил себе: «Завтра начну новую жизнь». Но все шло по-старому – разгул продолжался, состояние таяло: за пару лет от полумиллиона осталось 180 тысяч рублей. Васюк по-прежнему был человеком, популярным в шантанах, деньги не считал, у него одалживались, его обирали.

Раз как-то Тарновская рано утром исчезла из дома. Муж ждал ее до позднего вечера, затем поехал в клуб и много времени спустя возвратился домой. Между супругами вспыхнула ссора. Васюк ушел в свой кабинет и лишь под утро, усталый и растерзанный, заснул. Вдруг он почувствовал, что кто-то крадучись входит в кабинет. Это была Тарновская. Она была бледная, с распущенными волосами, вся в белом, она казалась страшной. «Что с тобой?» – «Я отравилась, пришла с тобой проститься. Зови скорей детей...»

Все оказалось ловко подстроенным представлением. Или вот такой историей: Тарновская железной шкатулкой ударила о

колено мужа, причем сама кричала диким криком. На вопрос горничной, почему барыня в то время как она била мужа, кричала, Тарновская с улыбкой заметила: «Надо уметь жить, дитя мое... Надо бить, а самой кричать».

Поклонников она предпочитала искать среди бретеров. Как будто хотела принудить мужа к смертельной дуэли. Или погибнет, или отправится на каторгу.

В заграничных странствиях Василий Тарновский на своей горе познакомился с дальним родственником, гвардейским ротмистром графом Павлом Голенищевым-Кутузовым-Толстым, правнуком фельдмаршала. Графу было 31 год, он был женат на княгине Екатерине Шереметевой, но развёхался с супругой. Из-за непрерывных скандалов у него возникли служебные неприятности, и Василий посоветовал Толстому перевестись в армейский полк, стоявший в Киеве. Представленный Марии Тарновской, Толстой начал за ней волочиться, демонстративно и настойчиво. Муре это явно нравилось. Богат, красив, знатен, свободен – чего еще надо?

Несмотря на то, что в 1899 году Василий Васильевич закрыл свой киевский дом в знак скорби после смерти отца, Толстой находил способы встречаться с Марией Николаевной и стал ее любовником. Они проводили время в гостиницах, об их похождениях знал весь город.

В июне 1899 года, заехав на ближайшую станцию, чтобы забрать свою корреспонденцию, среди прочих писем, Тарновский получает от почтмейстера конверты для супруги и ее французской горничной мадмуазель Мадеры.

Василий видит: почерк на адресе горничной – мужской, письма отосланы из Киева. Вскрывает конверт и читает: «Какие грустные дни я провожу вдали от тебя! Не иметь вблизи друга. Моя жизнь разбита. Дорогая Мура, я с ума сойду, если ничего не случится, я кончу жизнь самоубийством. Я виделся с Т-м, я телеграфировал отцу. Хотят посорить нас с тобой. Если так же любишь меня, то возврати мне свои чувства! Явись! Говоря, благоговею, твой навеки. Павлик».

Васюк рассчитал француженку, изругал жену, но делу это не помогло никак. Как писал о Тарновской знаменитый тогда писатель Петр Боборыкин, она – «...светская дама с натурой. Хищная охотница за чужими мужчинами, особенно богатыми. Она не только хищна, но и продажна, и пока, до какого-нибудь крупного скандала, еще принадлежит к так называемому «избранному обществу». И жены тех мужей, на которых она охотится, принуждены встречаться с ней в тех же гостиных и принимать ее у себя».

У Тарновского оставалось два выхода: дуэль или развод. Но, как вспоминала его родная сестра Софья Глинка, «несмотря на рассеянный образ жизни, он жену свою очень любил. Всегда просил его вызвать по телефону, как только жена вернется домой. Главой семьи была жена, она женщина характера сильного, всегда умеет настоять на своем. Дома часто не бывал, иногда любил с приятелями в ресторан поехать. Она любит своих детей, но мало занимается ими. Мальчика любит больше. Развод не состоялся потому, что Мария Николаевна не хотела отдавать ему детей».

В результате Тарновский, пытаясь избежать дуэли, делал вид, что ему ничего не известно о романе жены. Но именно Мура толкала Толстого на физическое оскорбление мужа. Толстой писал ей: «Жить вдаль мне невозможно. Брось все, заклиная тебя, Мура! Мне тяжело одиночество! Что делаешь ты со мной? Ты меня упрекаешь, что я не сделал последней попытки на вокзале. Я не поступил согласно твоему проекту – он был при встречах так предупредителен, так корректен, что не нашлось повода. Он удалился и был со мною все время сух очень. Я не решился!»

Впрочем, в то же лето, в Ницце, Тарновские вновь встретили Павла Толстого. На этот раз, подзуживаемый своей любовницей, граф пытался публично ударить Василия Васильевича, но тот отклонил удар, и в свою очередь нанес наглецу пощечину. Секунданты – князь Кочубей со стороны Тарновского и граф Рагузинский, представлявший Толстого, – примирить стороны не смогли.

Дрались на пистолетах, потом на шпагах. Толстой ранил Тарновского в руку. По французскому дуэльному кодексу поединок был закончен. Инцидент считался исчерпанным. Дуэль запротоколировала знаменитая парижская газета «Фигаро».

План Марии Тарновской сорвался, ее муж не был убит и не попал на каторгу. Надо было предпринимать новую попытку. В Киеве существовало два взгляда на мотивы поведения Марии Тарновской. Уже входил в моду Зигмунд Фрейд, и стервозная иррациональность Марии Николаевны объяснялась людьми просвещенными научно: действие подсознательных импульсов и дурной наследственности. Но киевские кумушки Фрейда не читали и склонялись к другому объяснению поступков Тарновской. Она сознательно довела своего племянника до самоубийства, а мужа подталкивала к убийству, чтобы он загремел на каторгу. Тогда она станет единственной обладательницей все еще значительного состояния Тарновских. Мария Николаевна любила, когда ее называли «генеральшей», она любила разрабатывать планы сражений и выигрывать их.

Весной 1903 года Марии Тарновской был представлен молодой помещик Стефан Здиславович Боржевский, 28-ми лет. Бретер и охотник на женщин, он не обладал собственным состоянием и жил на какие-то таинственные средства (видимо, обиранием слабых на чувства дамочек) широко и разгульно и даже был выселен из родной ему Варшавы.

С людьми, которые спуску не давали, бретер был весьма корректен и даже уступчив. Но заметив малейшую слабость, садился на шею. При любом разногласии грозил «дуэлью на два шага».

Как-то Мария Тарновская спросила Михаила Семенцова, приятеля своего мужа: «А вы не боитесь Стефана Здиславовича?» На что тот ответил: «Я и настоящих босяков не боюсь, а это – просто босяк в смокинге».

Боржевский принялся преследовать супругов Тарновских: он оказывался «случайно» рядом с ними то в цирке, то в ресторане, то на скачках. Тарновский почувствовал новую опасность тотчас, он умолял жену прекратить знакомство с этим господином, и, по словам горничной, при этом рыдал. Его эмоции были, как показало будущее, вполне оправданны.

Стефан Боржевский приехал к Марии Николаевне в Янушполь немедленно, когда Василий Васильевич задержался по делам в Киеве. Вскоре Тарновский получил телеграмму «Срочно приезжай с хирургом». Муж приехал и застал у жены Боржевского, который, по словам Марии Николаевны, стрелял с ней в тире. Она вообще любила огнестрельное оружие и случайно прострелила милому Стефану руку. Хирург перевязал рану, и Боржевский скоро уехал.

Понимая, что повторяется история с Павлом Толстым, Тарновский решил от греха подальше отвезти жену за границу. Отправились в баварский Бад-Киссинген, бальнеологический курорт. И на второй день, гуляя по Кургартену, местному парку, увидели... Стефана Здиславовича. Тот с наглым видом заявил: мне врач рекомендовал лечить раненую руку в местных источниках. И продолжил свои brutальные ухаживания за Мурой; видимо там, на курорте, они и стали любовниками.

Осенью, вернувшись с Тарновскими из Германии, Боржевский практически поселился у Марии Николаевны в Янушполе. Днем он приходил во флигель, куда им подавался обед, а ночью, когда дети засыпали, отправлялся в усадебный дом, в супружескую постель. Перед приездом в имение Василий Тарновский непременно давал телеграмму с просьбой послать лошадей на

железнодорожную станцию. А горничная Изотова садилась за кучера на господскую бричку и увозила Боржевского от греха подальше (за эту услугу Стефан Здиславович даже подарил ей золотые часики). В любовные игры Марии Николаевны были посвящены многие: швея Косенкова, лакеи Вовк и Захарченок.

Иногда Изотова оказывала любовникам еще одну услугу: когда Мария Николаевна отправлялась с ней в имение (всегда в купе 1-го класса), через некоторое время раздавался стук в дверь – входил Боржевский, а Изотова пересаживалась на его место в 3-м классе, предоставляя пылким любовникам время побыть вдвоем.

Осенью Мария Николаевна с детьми вернулась в Киев и под присмотром Боржевского сняла новую семейную квартиру в 4-м этаже знаменитого дома Гинцбурга. Фасад выходил на Николаевскую улицу (№ 9), черный ход – на Институтскую. Как только Василий Тарновский отправлялся в клуб, швейцар Пузынин телефонировал Стефану Здиславовичу на Подол в гостиницу «Лондон», поднимал его на лифте на 4-й этаж и сообщал, при необходимости, о приближении мужа. Тогда Боржевский уходил на Институтскую через черный ход. В кармане у него на всякий случай всегда лежал заряженный револьвер.

Беззастенчивое преследование Боржевским жены в течение нескольких месяцев в Киеве, в деревне и за границей ставило Тарновского в невыносимое положение. Тарновский плакал, умолял прекратить знакомство с Боржевским. Отказ Марии Николаевны привел его в отчаянье и довел к концу ноября 1903-го до полного расстройств нервной системы и страданий сердца. Но Тарновская говорила своей горничной: «Настя, надоели мне эти слезы, и он надоел».

Не то чтобы Боржевский был обожаем Марией Николаевной, – у нее бывали и другие любовники: студенты, адвокаты, офицеры. Но у Тарновской имелся план дальнейшей жизни.

Драма у подъезда «Гранд Отеля»

21 ноября 1903 года супруги Тарновские были приглашены на бал к барону Владимиру Александровичу Шталю. Шталь-фон-Гольштейны происходили из рыцарей Тевтонского ордена, в этом роду были фельдмаршалы, генерал-адъютанты, послы.

Хозяин – красавец с тонкими чертами античного римлянина – по окончании университета, благодаря женитьбе на дочери профессора медицины, миллионера Виктора Субботина, стал играть в местном свете видную роль. Приятель его, граф Павел Толстой (тот самый, с которым Василий Тарновский дрался на дуэли), во время ужина в общественном саду, раскроил барону шашкой череп. Потом сам Шталь кого-то ударил по голове, дважды дрался на дуэли, трижды был секундантом – словом, огонь-парень; приятель Боржевского (который был среди гостей 21 ноября) и тоже бретер.

Поведение Марии Николаевны на балу было непристойным, она не скрывала близости с Боржевским и на мужа поглядывала с презрением. Тарновский сделал жене публичный скандал, и они оба ушли с бала.

Мария Николаевна нажаловалась на мужа любовнику. Она показала Боржевскому большой синяк на груди и сказала, что муж ее истязает, щиплет, требует порвать со Стефаном Здиславовичем. Боржевский заявил: «Я не успокоюсь, пока не избавлю тебя от тирана-мужа!»

26 ноября Тарновский получил записку от Боржевского: «Дорогой В. В., назначьте мне сегодня полчаса, и напишите только, в котором часу». Ответ гласил: «Дорогой Стефан Здиславович. Через четверть часа буду в “Гранд Отеле”».

Боржевский пригласил Тарновского в свой постоянный номер. На всякий случай в смежной комнате спрятался Владимир Шталь: он должен был стать свидетелем рокового разговора.

Боржевский прямо и нагло заявил Тарновскому: он любит Марию Николаевну, они – любовники. Он не позволит обижать ее никому. «Если не дашь жене развода – буду бить тебя, как собаку. Я, – сказал Боржевский, – не успокоюсь, пока не освобожу любимую женщину от тирана-мужа». Затем достал револьвер, сказал: «Хотел было убить тебя, а затем и себя, но раздумал», – и предложил стреляться на расстоянии двух шагов. На вопрос Тарновского, женится ли тот на Марии Николаевне, если она разведется, Боржевский ответил: «Не женюсь, я не настолько богат, у меня нет полумиллиона, а она привыкла к богатству».

Дрались Тарновский не хотел и на другой день написал

Боржевскому любезную записку, как будто ничего между ними и не было: «Прошу Вас зайти на один момент».

Боржевский написал: «Меня удивило, Василий Васильевич, что после нашего разговора 26 ноября Вы могли меня звать к себе, Вы не придали нашему разговору никакого значения! Прошу Вас дать мне категорический ответ немедленно: будете ли Вы драться со мной или нет».

Василий Васильевич ответил так: «Наш разговор 26 ноября – простое недоразумение! Поэтому я совершенно отказываюсь вновь разговаривать с Вами. Между нами не произошло ничего такого, что дало бы право трепать дорогое имя! Поэтому я не нахожу возможным ни драться с Вами, ни вести дальнейшие объяснения по этому поводу. Такое решение удовлетворит меня и мою семью».

Тарновский бретера смертельно боялся, а тот мириться не собирался. Ситуация была патовой, Василий Васильевич оказался близок к помешательству. За дело взялась Мария Николаевна. Убийство мужа при таких скандальных обстоятельствах было ей невыгодно, женой Боржевского она не стала бы ни при каких условиях. У Тарновского еще были деньги, пренебрегать им окончательно не следовало. И Мура придумала другую комбинацию. Обвинив мужа в трусости (что, надо сказать, соответствовало действительности), она обещала сама решить вопрос о дуэли.

4 декабря Тарновский сказал своему лечащему врачу Афанасьеву: «Ах, если бы вы знали, что со мной делают! Я с ума схожу».

5 декабря, пока муж находился в клубе, на его супружеской кровати резвились жена и Боржевский. Любовник ушел только в 3 ночи.

А 6 декабря 1903 года Тарновская объявила мужу, что готова примирить их с Боржевским, дуэли – не будет. Но это должно быть сделано публично, чтобы раз и навсегда пресечь уже ходящие по Киеву сплетни. Они должны встретиться с Боржевским в театральной ложе, а потом поужинать вместе в общей зале ресторана гостиницы «Гранд Отель».

7 декабря Тарновский был весь день в ужасном состоянии, мечтал даже уехать из Киева и всеми силами отказывался от поездки в театр и ужина с Боржевским, но жена настаивала, заявляя, что это необходимо для примирения с Боржевским.

Главной в доме всегда была Мария Николаевна и, в конце концов, супруги отправились в театр, в сопровождении компаньонки Тарновской, ее троюродной сестры Марианны Вишневецкой. По окончании спектакля, компания переехала

ужинать в ресторан гостиницы «Гранд Отель».

Ужин проходил в общей зале ресторана, на глазах многочисленных посетителей. Отношения между ужинавшими внешне выглядели хорошими. Разговор шел о цыганских романах. Много пили: шампанское, ликеры, коньяк, водку.

Для Василия Тарновского ужин с женой и ее любовником был мукой мученической. Боржевский смеялся, приказывал музыкантам играть любимые романсы Марии Николаевны. Во втором часу ночи ужин, наконец, закончился, и общество оставило ресторан. Боржевский, против обыкновения, не позволил Тарновскому принять участие в плате за ужин, перед выходом из «Гранд Отеля» он продолжал о чем-то тихо говорить с его женой, целуя ей кисть руки. По дороге договорились: завтра для закрепления договора Боржевский будет в 2 часа дня завтракать у Тарновских, а потом поедет к Шталю – на охоту.

Директор гостиницы показывал на суде: пальто Марии Николаевне подавал швейцар. Впереди шли Тарновская с подругой своей, Вишневецкой, следом за ними – Тарновский и Боржевский. Боржевский несколько раз поцеловал у мадам руки. Боржевский и Тарновская много и скоро говорили по-французски. По словам свидетелей, он сказал: «Я тебя люблю, я тебя обожаю, и готов жизнь за тебя отдать». А она: «Слушай, не можешь ли потише, здесь люди. Услышат».

Так вышли они к освещенному подъезду. Был подан экипаж, и Боржевский взял под руку Тарновскую, чтобы помочь ей войти в коляску.

Когда Боржевский, выйдя провожать Марию Николаевну, у подъезда гостиницы, на глазах мужа наклонился к ее лицу и, как показалось Тарновскому, ее поцеловал, у Василия Васильевича потемнело в глазах. Он вынул пистолет, раздался выстрел, и Боржевский упал, как подкошенный, на снег. Пуля попала в заднюю часть шеи, но сонной артерии не задела.

На выстрел подоспели служащие ресторана и публика. Раненый был поднят с земли и сам, чуть поддерживаемый прислугой, поднялся в занимаемый им номер 91 гостиницы. Тарновская его сопровождала, давая понять, на чьей стороне она в этом конфликте. На ночь она осталась в «Гранд Отеле», в соседнем с Боржевским номере.

К Боржевскому тут же вызвали «Скорую помощь» и хирурга, ему сделали перевязку. Пуля засела очень глубоко, и поэтому извлечение ее было отложено до более удобного времени: рана, по заключению врачей, для жизни опасности не представляла.

А Василий Тарновский, убежденный в том, что совершил страшное преступление, сел в ближайшие извозчицьи санки и

приказал ехать в полицию. Кучеру Панченко сказал: «Позови городского, я человека убил!» Пытался застрелиться, вел себя, как сумасшедший.

Явившись к киевскому полицмейстеру в 2 часа ночи, он вручил ему револьвер (в котором оставалось еще 5 пуль) и рассказал о происшествии, виновником которого являлся. Полицмейстер счел известного всему Киеву господина безумным. Тарновский попросил полицмейстера, чтобы тот ему позволил отправиться к своему доброму знакомому Петру Николаевичу Семенцову. Желание преступника было без колебаний удовлетворено.

К Семенцову Тарновский приехал в таком же возбужденном состоянии, и, несмотря на все старания, его не могли успокоить до утра.

Ночная драма у гостиницы «Гранд Отель» немедленно стала достоянием киевской молвы, вызывая оживленные толки об участниках ее, людях хорошо известных в городе.

Самоубийство Шталя

Пока муж находился под домашним арестом на квартире приятеля, Мария Николаевна горя не знала. Детей она, в сопровождении Владимира Шталя, отвезла к О'Руркам в полтавское имение Отрада.

Уезжая на Полтавщину, Мура хохотала и говорила слугам: «Прощайте, мои люди. Может, мне удастся как-нибудь барина в Сибирь послать». Перспектива услать мужа на каторгу ее радовала необычайно: ей оставались и дочь, и сын; она получала полную свободу и оставшиеся у Василия Васильевича немалые деньги.

У Тарновской появился новый любовник, еще один киевский бретер, барон Владимир Александрович Шталь. Ради нее барон бросил жену, официально развелся. Шталь пригласил Марию Николаевну провести месяц в Крыму, она согласилась.

Меж тем, 1 января 1904 года Стефана Боржевского успешно прооперировали в Варшаве, и он отправился долечиваться в Ялту. Туда же выехала Тарновская в сопровождении верного Шталя, который, к слову, в нее смертельно влюбился. Встреча с Боржевским в их планы, вообще говоря, не входила.

Но он – в Ялте, и серьезно болен. 10 января у Боржевского поднялся жар, его преследовали страшные головные боли. Диагноз неутешительный – воспаление мозговых оболочек. 15-го его оперировали, но облегчение не наступило; через 4 дня он умер.

Смерть любовника не помешала Тарновской прекрасно проводить время с бароном Владимиром Шталем. Характерно ее восклицание в часовне, где находился труп Боржевского. Она обратилась к одной из своих служанок: «Скорее его похоронили бы, а то он ужасно воняет!»

Тело Боржевского предали земле, а влюбленные прекрасно провели время на русской Ривьере. У Шталя были деньги, полученные после развода, и они не стесняли себя экономией. Впрочем, служанкам Мария Николаевна говорила, что Шталь импотент, он просто забавляет ее; будущее свое она с бароном не связывает. Вскоре они, и вправду, расстались.

В ночь на 27 января 1904 года 10 японских эсминцев внезапно атаковали русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура. 28 января Япония объявила войну России. Барон, офицер запаса, в составе конной артиллерии, убыл на фронт. Вскоре барона ранили, и он возвратился в Киев.

Шталь влюблен в Тарновскую. Она цинично объяснила ему:

взаимность стоит дорого. Барон готов купить ее любовь.

Шталь застраховал свою жизнь в пользу Тарновской и через два дня, 4 января 1905 года, в Киеве, в половине первого ночи застрелился на улице у анатомического театра. Владимир Александрович пустил себе пулю в рот. Перед смертью он был в мундире, при шашке с аннинским темляком. За полчаса до смерти его видели в ресторане «Версаль» на углу Фундуклеевской и Нестеровской улиц. При бароне нашлось предсмертное письмо: «Сознательно лишаю себя жизни; это мое право. В погребении не нуждаюсь, и свой труп прошу предоставить анатомическому театру. Прапорщик конной артиллерии Владимир Шталь. Письма к родным у меня в кабинете в третьем томе “Истории” Шлоссера».

Как сообщили киевские газеты, покойному было 32 года.

После его смерти Тарновская предъявила страховку и письмо Шталя: «Своим честным словом и всем, что осталось во мне незапятнанного и сильного, обязуюсь я, Владимир Шталь, перед Марией Николаевной Тарновской, сделать все, что она мне прикажет во время моего пребывания в Киеве. Заявляю, кроме того, что с моей стороны это не будет жертвой, и что я ничего не требую взамен.

Вырезка из киевской газеты

Я всегда буду действовать во имя той чистой любви, которая овладела всей моей жизнью».

После чудовищной гибели барона Шталя Тарновская получает 50 тысяч рублей по страховому полису, оставленному бароном. Она понимает: в Киеве ей больше не жить. Тарновская довела мужа до преступления, одного любовника до смерти, а другого до самоубийства. Но ей плевать: отныне Мария Николаевна станет профессиональной охотницей на мужчин.

Скоро суд над мужем, его отправят в Сибирь, это облегчит ей развод.

Необычайное сочетание быстро возникающей страсти и мстительной жестокости называется в психиатрии синдромом Клеопатры. Египетская царица Клеопатра, как известно, предлагала своим придворным провести с ней ночь с тем условием, что наутро любовник будет казнен. Синдром Клеопатры – это ненасытная жажда подтверждать свою высокую значимость для мужчин и нежелание попасть к ним хотя бы в малейшую зависимость, быть «покоренной». Двойственное, подчиненное положение женщин в обществе вызывало и вызывает у многих из них чувство затаенного недоброжелательства к лицам противоположного пола.

Дело по требованию министра юстиции, в силу возможности сторонних влияний, из Киева перенесли в Могилевский городской суд. Судебная сессия началась в Гомеле.

Город был заполнен судебными репортерами всех ведущих российских и мировых газет. Одновременно с делом Василия Тарновского шел процесс о знаменитом Гомельском погроме осени 1903 года, когда впервые на защиту единоверцев выступили вооруженные отряды еврейской самообороны. Процесс начался в октябре 1904 года и закончился только в январе 1905-го.

22 января 1905 года начался суд над Василием Тарновским. Защищали его Сергей Андреевский и киевский присяжный поверенный В. Э. Неметти. Даже если бы не Гомельский погром и не привлекательная для прессы история убийства мужем любовника в присутствии жены-изменницы, участие в процессе самого Сергея Андреевского уже производило фурор.

Суд присяжных, появившийся в России в середине XIX века, был невероятно популярен. Судебные отчеты воспринимались тогда, как сейчас ток-шоу, спортивные репортажи и детективные сериалы. Адвокаты в то время были знамениты, как сейчас телеведущие. Их речи заменяли и сценическое действие, и проповедь, и психотерапию. Имена подсудимых становились нарицательными. Имена свидетелей, судей, прокуроров и адвокатов мгновенно становились известны всей читающей России. Судебные залы забивались любопытными, судебными репортерами и художниками. Уже на следующий день все желающие могли ознакомиться с результатами последнего заседания.

Сергей Аркадьевич Андреевский, изгнанный из прокуратуры за отказ выступить обвинителем на скандальном процессе, быстро вошел в ведущую пятерку русских адвокатов. Его речи по делам об убийствах Сарры Беккер и Андреевой читались, как бестселлеры. Он не ограничивался юриспруденцией – переводил Бодлера и Эдгара По, писал стихи и критические статьи. И в дополнение всего, он был хорош собой: высокая, стройная фигура с обрамленной седыми волосами головой казалась воплощением благородного изящества.

Прежде о Тарновских знали в Киеве, теперь, благодаря газетам, их известность стала всероссийской. Самой Марии Николаевны на суде не было, в ее защиту выступала только ее спутница в злосчастный вечер убийства Боржевского, троюродная

сестра – Марианна Вишневецкая.

Все же остальные свидетели, по существу, оправдывали Василия Васильевича. Показаниями самого обвиняемого, его сестры Софьи Глинки, тетки Александры Корбут, знакомых Василия Цымбалистова, Петра Семенцова и врачей вырисовывалась личность Васюка. Человек добрый, бесхарактерный, расстроивший нервы гулянкой и алкоголем. Плохая наследственность: вспыльчивый и строгий отец, брат – самоубийца. Не герой, но уж никак и не злодей.

С другой стороны, убитый и виновница преступления выглядели мерзко. Свидетели наперебой рассказывали об их наглости, на глазах прислуги, романах, о том, как они не только не стеснялись Василия Тарновского – просто издевались над ним. Казалось, у Тарновского был выход – развод, хотя ему бы пришлось пройти через унижения и судебные дразги. Но развод не мог состояться из-за детей. Тарновский, страстно желая развестись, не хотел лишать детей матери. А суд в России в этом случае всегда оставался на стороне мужчины, и оставлял детей за ним. То есть именно Тарновский в деле о разводе проявлял благородство.

Как сказал Сергей Андреевский, обращаясь к присяжным, «видимый закон – против Тарновского, потому что он выстрелил в человека. Но тот внутренний закон жизни, который чувствуется нашей совестью, ясно говорит нам, что из трех участников этой драмы Тарновский несравненно лучше двух остальных, то есть своей жены и ее любовника».

О Марии Тарновской адвокат говорил так: «Эта женщина вообще к душевной любви не способна. Вы знаете, скольких мужчин, страдающих от обожания к ней, она легко переменяла и безмятежно забыла. Она любила театры, ужины, туалеты, заграничные поездки, блестящую жизнь и поклонение красивых мужчин. Цветущая, здоровая, избалованная, она была уверена, что все ее прихоти естественны и законны».

Василия Тарновского оправдали.

С 1904 года Тарновские окончательно разъехались. До бракоразводного процесса решено было разделить детей: сын Вася мог до 10 лет оставаться с Марией Николаевной, дочь Тата жила с отцом. В Киев переехала сестра Василия Васильевича Софья Глинка – тетка девочки, которая фактически заменила ей мать. Несколько раз бабушка Таты Екатерина Петровна О'Рурк пыталась выкрасть свою внучку, и каждый раз Василий Васильевич отбивал ее от похитителей.

Вскоре деньги барона Шталя закончились. Но Мария Николаевна не нуждалась: ее обожали родители, и она всегда могла поселиться в родовом имении Отрада. Василий Васильевич выплачивал содержание на воспитание сына. Но Тарновская – словами Пушкина, «беззаконная комета в кругу расчисленном светил», – и ее неостановимо тянуло к развлечениям, мужчинам. Да и жизнь в имении ее не привлекала.

Двор, большой свет, гвардия начала XX века находились в Петербурге. Но столичные аристократы – высокомерны и подозрительны. Полуразведенная героиня шумного уголовного процесса никогда не войдет в их круг. Ну, и не надо.

Настоящие деньги, неподдельное веселье и истинное гостеприимство царили в Москве. Первопрестольная соединяла шарм старинных дворянских родов и энергию купечества. И Мария Николаевна оказалась там. Ей надо было, наконец, развестись с мужем.

В круг многочисленных светских знакомых Марии Николаевны входил Донат Дмитриевич Прилуков, 37-ми лет. Дворянин Серпуховского уезда, выпускник юридического факультета Московского университета. Присяжный поверенный, специалист по коммерческим и гражданским делам. С 1904 года – владелец собственной юридической конторы. Женат; супруга (в девичестве Конкевич) – дочь капитана 2-го ранга, известного флотского деятеля и писателя. Милая, серьезная, любящая женщина; трое детей. Прилуков – примерный муж и отец.

Тарновская познакомилась с супругами Прилуковыми еще в 1900 году в Москве, когда она приезжала в Первопрестольную с мужем. У Василия Васильевича и Прилукова оказались общие приятели, и они покучивали вместе в «Яре». С тех пор Тарновские и Прилуков не раз встречались и переписывались.

Прилуков – человек разумный, просвещенный, известный специалист в коммерческом праве и, одновременно, знаток судебной медицины. Он работал в своей конторе по 12–16 часов в

сутки. У него огромная библиотека на нескольких языках, он в курсе последних открытий в естественных науках. Словом, не адвокат, а мудрец.

В 1905 году, когда началось следствие по делу Василия Тарновского, Мария обратилась к Донату Дмитриевичу за советом: не стоит ли ей нанять гражданского истца, который отстаивал бы ее интересы на процессе в Гомеле. Прилуков посчитал, что ввязываться в это дело не следует.

Между тем Тарновская зачастила в Москву, то сопровождаемая знаменитым киевским архитектором графом Игнатием Ледоховским, то в одиночестве, то с сыном Василием, горничной Элизой Перье и репетитором Золотаревым. Мария Николаевна стала частой гостьей семейства Прилуковых. Ее Вася и дети московского адвоката вместе гуляли и играли.

Тарновская попросила Доната Дмитриевича представлять ее на бракоразводном процессе. Прилуков согласился взять на себя хлопоты. Поначалу отношения между ними были деловыми и приятельскими. Прилуков – человек серьезный, обстоятельный; он даже не думал о связи с «соломенной вдовой».

В Киеве, по словам Марии Николаевны, жить ей было решительно невозможно. Ее бойкотировало тамошнее женское общество. Предлагавшие помощь знакомые киевские юристы делали двусмысленные предложения. Видеться с дочерью не позволяли. Положение ее стало невозможным. Прилукову льстило, что Тарновская сделала его своим конфиденнтом, рассказывала о несчастьях и одиночестве, просила советов. Ему было жалко Марию Николаевну. К тому же Прилукову казалась, что она им увлечена.

В 1906 году на Рождество Прилуков получил письмо из Киева от Тарновской не на домашний адрес, а в контору. В нем она неожиданно признавалась адвокату в любви. Вскоре Мария Николаевна снова приехала в Москву. Прилуков при встрече сделал вид, что письма как бы и не существует. Но Тарновская пригласила его в гостиничный номер, и отдалась, почти изнасиловала. Впрочем, противиться даме у Прилукова не было ни смелости, ни желания.

Невероятный успех Тарновской у мужчин, несомненно, был связан с тогдашним викторианским отношением к сексу. Жены, и вообще замужние «дамы общества» – существа воздушные, как бы бесполое. Между браком и эротикой не было никакой связи. Об этом много писал поздний Толстой («Анна Каренина», «Крейцерова соната», «Дьявол», «Воскресение»). Мужья спали с женами не для удовольствия, а чтобы произвести потомство (заметим, что надежных способов предохранения от

беременности тогда не знали).

Для разврата существовали проститутки. Вероятно, Донат Прилуков, как и другие студенты Московского университета, посещал один из вертепов Соболева переулка. Но проститутка не считалась человеком вполне. Ее можно было жалеть, но не любить. Ее невозможно было пригласить в гости или в приличный ресторан. Она, как правило, – прагматична, необразованна, вульгарна. Любовь к проститутке, воспетая в «Что делать?» и в «Воскресении», на деле заканчивалась, как правило, трагически.

Мария Тарновская – графиня, дама света, в чьих жилах текла кровь Марии Стюарт – тип в тогдашней России невиданный: развратная, сама выбирающая мужчину, не склонная к лирике. Она ошеломляла.

Неизвестно, какие еще чары пустила в ход русская Цирцея, но однажды вечером Прилуков пришел домой и сообщил жене, что сошелся с Тарновской, любит ее, но по-прежнему считает необходимым заботиться и о законной супруге, и о детях. «Между нами, – сказал он жене, – не должно быть лжи».

Какое-то время Прилуков жил на два дома. Для любовницы он снял особняк Чижиковой на Садовой-Кудринской. О славе своей возлюбленной Донат Дмитриевич знал, и поначалу держал ее в черном теле, оставляя себе пути к отступлению. Расходы они делили напополам: половина – Прилукова, половина – Тарновской.

Она не могла выйти из дома одна, даже с маленьким Васей. Донат гулял в Сокольниках без Марии Николаевны, в присутствии одной лишь гувернантки. Тарновская занимала квартиру в бельэтаже. Прилуков жил на этаж выше и принимал там клиентов. Телефонировать Тарновской могли только через Доната Дмитриевича.

Но Марии Николаевне этого было мало. Она настаивала, чтобы любовник окончательно бросил семью и жил только с ней. Пыталась отравиться кокаином. Предлагала адвокату уйти из жизни вместе. И чары ее действовали. Прилуков понимал: страсть к Тарновской – неизлечима, хотя и ведет, несомненно, в пропасть. Чтобы избавиться от наваждения, он посещал психиатров и даже гипнотизеров, совершал паломничества в церкви и монастыри, горячо молился, но все было тщетно. Как ни крепился московский адвокат, в конце концов его, как и всех мужчин Тарновской, что называется, понесло. Он стал ее рабом, а она наслаждалась, унижая любовника. Как-то на глазах у всей светской Москвы Прилуков, по ее приказу, прыгнул из театральной ложи на сцену прямо во время спектакля.

Тарновская, с ее любовью к нарядам, ресторанам,

украшениям и Ницце, стояла Прилукову в среднем 4 тысячи рублей в месяц. По нашему, примерно 40 тысяч долларов. Жалование губернатора в то время (со всем «социальным пакетом») – примерно 12 тысяч рублей в месяц. При этом Мария Николаевна поставила Прилукова перед выбором: или они вместе уезжают за границу, или расстаются. А он без нее уже никак не мог.

Ежемесячный доход не восполнял расходы. Семейные накопления давно ушли на сладкую жизнь. Прилуков постепенно начал залезать в клиентские деньги. Для того чтобы обосноваться в Европе, сумма нужна была нешуточная – 100 тысяч рублей. Донат Дмитриевич застраховал жизнь в пользу жены и в ноябре 1906 года, похитив 80 тысяч, доверенных ему клиентами, бежал с Марией в Алжир.

Коллеги Прилукова терялись в догадках. Успешный юрист с безукоризненной репутацией, прекрасный семьянин совершил поступок, которого от него никак не ожидали, и который можно объяснить только внезапным безумием.

Влюбив в себя Прилукова, Тарновская за год превратила преуспевающего, уверенного в себе адвоката в рабски преданного ей преступника, скрывающегося от должников и семьи и вынужденного повсюду сопровождать свою любовницу.

Они путешествовали вчетвером: Прилуков, Мария Николаевна, сын и Элиза Перье – гувернантка и горничная. Зиму 1906–1907 годов провели в Африке, Марселе и Ницце, а весной перебрались сначала в швейцарский Невшатель, а затем принялись странствовать по Германии. Мария обожала роскошь и купеческий размах – они останавливались в самом роскошном отеле Ниццы – «Негреско», ужинали в «Лондон Хаус», который имел репутацию самого дорогого ресторана в мире.

Деньги у Доната Прилукова закончились. Тарновская предлагала ему или застраховать жизнь на ее имя и застрелиться, или уехать в Россию (деньги на билет до Москвы обещала ссудить). Его уговаривала уйти из жизни и преданная госпоже Элиза Перье: «Если вас не станет, госпожа будет всегда вспоминать вас с теплотой». Впереди его ждал выбор: нищенство за границей или тюрьма на родине.

Донат Дмитриевич понимал: он дошел до края. Страсть к Тарновской его не отпускала. Но надо было как-то выкарабкиваться. Мария Николаевна была обречена на зависимость от мужчин, она хотела получать и не очень любила давать. Такой талант нуждался в своего рода антрепренере. Но пока нужно было как-то удержаться на плаву.

Донат Дмитриевич клятвенно обещал графине застраховать

жизнь на ее имя и затем покончить самоубийством, как это сделал барон Шталь. Только для получения полиса на имя Тарновской нужны были кое-какие дополнительные хлопоты, ведь адвокат спасался от московских должников, жил по поддельному немецкому паспорту и не мог появиться в России. Тарновская решила ссудить Прилукова деньгами и какое-то время держать при себе, как слугу и секретаря. Мужчина, да еще адвокат, в путешествиях не помешает.

Графиня решительно не могла сидеть на месте и из Германии отправилась в Венецию.

Туризм в XVII веке придумали англичане. Финальным аккордом в воспитании молодого джентльмена, выпускника Оксфорда, считалось путешествие во Францию и Италию. Именно английские путешественники сделали Венецию модной. К началу XX века – Венеция любима и интеллектуалами, и богатыми бездельниками всей Европы. Для незнающих, куда девать свои деньги и время светских людей, к югу от Венеции открыли курорт Лидо с пляжами, ресторанами, казино и роскошными отелями.

В Лидо Тарновская и ее свита заняли несколько гостиничных номеров в только что открытом дорожном отеле «Эксельсиор»: для Марии Николаевны, ее приживала Доната Дмитриевича и Элизы Перье с маленьким Васей Тарновским.

Совершая променад, Тарновская неожиданно встретила своих старинных приятелей по Ницце – графа и графиню Комаровских.

Падение Комаровского

Дворянский род Комаровских имеет польские корни и в России известен с XVII века.

Евграф Федотович Комаровский, прадед нашего героя, родился в 1769 году и первый из родственного клана сделал настоящую карьеру. Являлся секретарем всемогущественного Александра Безбородко, крупнейшего государственного деятеля екатерининского и павловского царствований. Адъютантом великого князя Константина Павловича прошел Итальянский и Швейцарский походы. Ведал снабжением армии лошадьми в 1812 году. Руководил первыми внутренними войсками России – Отдельным корпусом внутренней стражи. Граф (грамотой австрийского императора Франца II от 1803 года), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, сенатор, георгиевский кавалер, переводчик и мемуарист, он основал родовое гнездо Комаровских – имение Городище в Орловской губернии (в 35 верстах от Орла в сторону Карачева, – ныне Урицкий район Орловской области). Там он и жил благополучно, выйдя в отставку в 1829 году, с женой, урожденной Елизаветой Егоровной Цуриковой.

Городище – образцовое имение с пейзажным и регулярным парками, разбитыми императорским архитектором Адамом Менеласом, с разнообразными затеями, включая крепостной театр.

Сын Евграфа Федотовича – Павел Евграфович-старший (начиная с него, в роду Комаровских Евграфы сменяют Павлов, а Павлы – Евграфов) учился одновременно с Михаилом Лермонтовым в школе гвардейских подпрапорщиков, откуда вышел в 1832 году в лейб-гвардии Измайловский полк. Добрый, сердечный человек, писал романсы, самый известный – «Дайте крылья мне перелетные». Женат на Марии Павловне Галаган. Он всецело подчинялся своей властной и болезненной жене, владелице знаменитых Сокиринцев в Прилуцком уезде на Полтавщине. Умер гвардии штабс-капитаном в отставке, в своем имении, в 1873 году.

Их сын Евграф Павлович Комаровский-младший (родился в 1841 году) женат был на Элеоноре Ивановне Орловой. И вот их сыном и был наш герой – Павел Евграфович Комаровский – очередная жертва Марии Тарновской.

Он родился в 1869 году, нигде не служил и занимался благородными дворянскими делами: был организатором съезда Российских пожарных, проходившего в Орле в августе 1899 года;

первым президентом Международного комитета по предотвращению и тушению пожаров с 1900 по 1903 годы. Любитель искусств. Жертвователю в Орловский губернский музей (коллекции древнерусских крестов и образов, серебряные монеты, древние рукописи). Член Орловской губернской ученой архивной комиссии, действительный член Орловского общества любителей изящных искусств, председатель выставочного комитета первой художественной выставки в Орле в 1896 году. Член Губернского комитета попечительства о тюрьмах. В Городище Павлом Комаровским была собрана большая библиотека из книг конца XVIII века – свыше 10 тысяч томов, включавшая книги по истории, музыке, естественным наукам на нескольких языках.

6 июня 1894 года в Орле открылась Тургеневская читальня. Существовала она на средства, пожертвованные частными лицами и ассигнования городской думы. Открытие сопровождалось концертом знаменитого трио виолончелисток сестер Редер. Дочери известного московского дантиста Марка Редера, державшего свой модный стоматологический кабинет на Петровке, они славились по всей музыкальной России. Их пригласило в Орел местное музыкальное общество и его председатель граф Павел Комаровский.

Одна из них – Эмилия – поразила воображение Комаровского, и, несмотря на то, что она принадлежала к иудейской вере, граф тут же после концерта сделал ей предложение. Семейство Редер было категорически против, они предпочитали видеть зятем единоверца. Но Павел Евграфович перешел от штурма к осаде, целый год, где бы ни выступало трио Редер, в зале присутствовал граф, а на сцену выносили от него изысканнейшую корзину цветов. Эмилия Марковна готова была принять православие и стать графиней Комаровской, но отец-дантист уперся.

В конце концов, к Марку Редеру на Петровку пожаловал приятель Комаровского – граф Луи Наполеон. Потомок Бонапарта, полковник русской службы, командир 44-го драгунского полка, владелец замка Пранжен в Швейцарии, произвел такое впечатление на Редеров, что они согласились, хотя и без восторга, отдать Эмилию за Павла Евграфовича.

Брак состоялся в церкви русского посольства в Вене. Из ближайших родственников присутствовала только мать новобрачного – графиня Элеонора Ивановна Комаровская. Редеры церемонию бойкотировали, отсиживались в Будапеште. В 1898 году у Павла и Эмилии Комаровских родился сын, которого по семейной традиции называли Евграфом.

Элеонора Ивановна обожала сына, но не приглянулась невестке. Эмилия отличалась свободным нравом и не любила

подчиняться, не желала жить под присмотром свекрови, и та вынуждена была покинуть родовое имение Городище.

Комаровские жили в усадьбе либо отправлялись в заграничные путешествия. В Ницце они встретились с супругами Тарновскими. Поговаривали, что еще тогда, на Лазурном берегу, между Комаровскими и Тарновской завязались особые отношения, которые французы называют «ménage à trois». Классический пример: Владимир Маяковский – Лиля Брик – Осип Брик. Но Маяковским в этом случае стала Мария Тарновская – бисексуалка, она испытывала чувственные восторги и с Эмилией, и с Павлом Комаровским. Граф любил Марию Николаевну за «эксцентричность и удалство». Ничего серьезного, – не слишком обычный курортный роман.

Комаровские после Ниццы несколько лет не виделись с Марией Николаевной. В 1904 году Павел Евграфович добровольцем пошел на войну с японцами. И сражался там в качестве хорунжего (чин соответствует подпоручику) Уральского казачьего войска.

26 мая 1904 года под Сюяном на Фынхуанченской дороге сотня уральских казаков столкнулась с 10-й дивизией японцев. Силы были неравны. Потеряв одного человека убитым и семнадцать ранеными, уральцы отступили. Начальник отряда свидетельствовал о мужестве в бою офицеров и нижних чинов, называя среди наиболее отличившихся Комаровского. За этот бой Павел Евграфович был награжден орденом Святого Станислава, а в 1905-м – светло-бронзовой медалью «В память русско-японской войны». Медсестрой на войну отправилась и Эмилия Марковна Комаровская-Редер.

Именно там, в Манчжурии, она подцепила какую-то странную болезнь, от которой слабела прямо на глазах (сейчас болезнь эту называют геморрагической лихорадкой с почечным синдромом). Надежды, по словам врачей, не было. Благородный граф поселился со страдающей от неизвестной болезни супругой на острове Лидо в самом комфортабельном отеле мира «Эксельсиор». Здесь Эмилия пользовалась солнечными и воздушными ваннами, лечебными грязями.

Тарновская прогуливалась с Прилуковым по самому длинному в Европе променаду, и вдруг увидела печальную пару: Павел и Эмилия Комаровские. Павел толкал впереди себя инвалидную коляску, на которой сидела жена. Боже, как обрадовалась и одновременно опечалилась Мария Николаевна. «Что с вами Эмилия?! Я уверена, мы еще будем пить шампанское вместе! Граф, я не видела вас после войны, вы, говорят, настоящий герой!» Тарновская представила Прилукова как своего

адвоката, с которым случайно встретилась в поезде. Разговор стал общим. Выяснили, что и у Тарновской, и у Комаровской в Лидо дети сверстники – Вася Тарновский и Евграф Комаровский.

Договорились вместе поужинать, познакомить детей, и расстались на время. Но вечером в холле «Эксельсиора» оказались только Мария Николаевна и Павел Евграфович. Графиня Комаровская чувствовала себя плохо, заснула, с ней осталась сиделка. Сын занимался с гувернанткой-англичанкой. Но граф именно и хотел провести вечер вдвоем со старинной приятельницей, чтобы хоть как-то отвлечься от своих несчастий.

Сервировали на террасе. Закат был прекрасен, пища изысканна, шампанское такое, каким ему следует быть. Языки развязались. Они делились своими несчастьями: он говорил о долгой и, видимо, безнадежной болезни супруги, о том, как она рассорила его с матерью и сестрами. Ему еще нет сорока, а жизнь как будто не начиналась. Мария Николаевна рассказывала о судебном процессе, о том, как она, порядочная женщина, старалась помирить мужа и случайного поклонника, а все закончилось убийством, судом и позором. Положение ее неопределенно, процесс о разводе затягивается. А главное, рядом нет мужчины, которому она могла бы довериться. Мужчины-рыцаря. Такого, как сам Комаровский, если бы он был свободен.

Разговор, видимо, взволновал Павла Евграфовича. Он признался, что много раз вспоминал их совместные с Эмилией эскапады в Ницце. Мария Николаевна нравится ему давно и искренне, но пытаться ухаживать за ней сейчас, при страдающей жене было бы бестактно. Конечно, такое предположение кощунственно, но если бы он стал вдовцом – мог ли бы он рассчитывать на взаимность?

Павел Евграфович Комаровский

Мария Николаевна взяла графа под руку, а вышколенная прислуга отеля немедленно передала им ключ от номера, в алькове которого Тарновская продемонстрировала Комаровскому все свои умения и артистизм. С этой минуты судьба Павла Евграфовича была решена. Через два часа он вернулся к законной супруге, а Мария Николаевна вышла на вечернюю прогулку с Прилуковым.

Задуманный двойной удар

Тарновской нечего было скрывать от адвоката, который являлся отыгранной картой. Донат ознакомился с новой ситуацией в жизни своей хозяйки: увлеченный ею богатый, глупый, непривлекательный Комаровский, его супруга, которая может умереть завтра, а может протянуть годы, единственный сын. Как извлечь из этого выгоду?

Сложность, многогранность прилуковского анализа, чисто адвокатское внимание к деталям поразили Марию Николаевну. И она подарила Прилукову в его номере, что называется, аванс, тем более что любовником Комаровский оказался никудышным.

В те годы публика зачитывалась материалами сенсационных уголовных процессов и вошедшими в моду детективами. В них преступники устранили свои жертвы самыми причудливыми способами, используя новейшие научные достижения. Бульварные романы становились своеобразными учебниками для начинающих убийц. Шерлок Холмс и доктор Ватсон стали героями времени.

В начале XX века первые шаги сделала научная криминалистика. Прилуков по своей адвокатской практике знает: самый эффективный метод убийства – отравление.

Правда, с 1840 года, после того как французский суд на основании экспертизы химика Орфила приговорил к пожизненному заключению Марию Лафарг, отравившую мужа мышьяком, преступникам следовало быть осторожнее.

В 1851 году бельгийский химик Жан Серве Стас сумел вывести на чистую воду графа и графиню Бокармэ, отправивших на тот свет Гюстава Фуњи (брата графини) посредством экстракта никотина.

В 1864 году парижский суд приговорил к гильотинированию доктора Де Ла Поммерэ, отравившего свою любовницу мадам Де Пов экстрактом из листьев красной наперстянки. Предварительно он уговорил мадам застраховать свою жизнь на 550 тысяч франков в его пользу. Но парижский профессор Амбруаз Тардьё вывел мерзавца на чистую воду.

Нью-йоркского врача, тридцатилетнего Роберта Буханана, в 1892 году обвинили в убийстве своей жены Анни, женщины 60 лет, бывшей содержательнице публичного дома. Был поставлен диагноз «кровоизлияние в мозг». Такие кровоизлияния часто вызывали симптомы, похожие на отравление морфием. Коронеру Шульце и обвинителю Френсису Уэллмэну удалось представить суду неопровержимые доказательства того, что Буханан выписал своей жене рецепт на шесть капсул, каждая из которых должна

была содержать 4,16 грана хинина, 0,16 грана морфия. Потом он закапал Анни атропин, чтобы не было видно сужения зрачков – важнейшего признака отравления морфием. 2 июля 1895 года Буханан закончил свою жизнь на электрическом стуле.

Донат Дмитриевич предложил довольно рискованную, но, при удаче, обещающую крупный куш операцию. Манчжурская лихорадка, которой болела г-жа Комаровская, – болезнь, несомненно, смертельная, но плохо изученная. При определенной помощи (а Прилуков всегда интересовался фармакологией) смерть Эмилии Марковны можно было бы ускорить, не вызвав особых подозрений. Затем следовало навязать Комаровскому полное ощущение будущей семейной жизни, но потребовать обеспечить Тарновскую еще до официального бракосочетания. Ведь она пока не разведена, и открытая связь с Комаровским может осложнить судебный процесс.

Прилуков вечерним поездом выехал в Вену, где с этого момента находилась штаб-организация будущих преступников. Следовало закупить яды, перечитать новейшие исследования по судебной медицине и фармакологии. Прodelать некоторые эксперименты.

Тарновская, оставаясь нежным другом Павла Комаровского и заботливой подругой его недужной супруги Эмилии, стала любовницей для мужа и сестрой милосердия для его жены. Тарновская умела делать инъекции, так как еще со времен жизни с Василием злоупотребляла морфием. И Павел Евграфович, и лечившие Эмилию Комаровскую доктора, и сама больная полностью доверяли Марии Николаевне. Состояние страждущей не улучшалось, ее мучили страшные боли, и венецианские врачи посоветовали Комаровским отправиться в Дрезден, где клиника Святого Иосифа Штифта специализировалась на лечении тропических болезней.

С отъездом из Венеции больная стала чувствовать себя много хуже, и не успел ее осмотреть дрезденский врач, как ему пришлось констатировать смерть больной. В причинах разбираться не стали: муж был резко против вскрытия. Уже потом, когда Тарновскую арестовали, родственники Эмилии Редер заподозрили неладное и потребовали эксгумации тела. Но итальянская юстиция, ведшая дело Тарновской, не была заинтересована в затягивании следствия. И поэтому предположение, высказываемое многими о том, что непосредственной причиной смерти Эмилии стал яд, введенный Тарновской вместо лекарства, так и не было расследовано.

После смерти Эмилии Мария Николаевна повела себя, как хозяйка: слуги Комаровского и, прежде всего, английская

гувернантка маленького Евграфа, смотревшая на Тарновскую с подозрением, немедленно были уволены. Гувернанткой Евграфа и сына Тарновской Васи стала верная Марии Николаевне камеристка Перье. Васю отправили к дедушке с бабушкой в Отраду, Евграфа определили в кадетский корпус.

На похороны Эмилии Редер собирались приехать ее многочисленные родственники, поэтому захоронение отложили на два месяца, а тело решили бальзамировать.

В марте 1907 года Комаровский с Тарновской, Перье и Евграфом, не дожидаясь похорон, отправились в Россию. Граф, на следующий день после смерти жены, сделал Марии Николаевне официальное предложение. Тарновская обещала связать свою судьбу с ним сразу после развода с Василием Васильевичем.

Перье с Евграфом сразу отправились в имение Комаровских Городище. А граф с Марией Николаевной вначале заехали в Петербург, посоветоваться с тамошними адвокатами. Комаровский жаждал видеть любимую женщину свободной от брачных уз. Остановились в шикарной гостинице «Дагмар» на Большой Садовой недалеко от Невского. Поговорили с адвокатами, сходили в Михайловский театр, ужинали в «Контане» и «Кюба». Выяснилось: бракоразводный процесс затянется минимум на год. Однако богатства Комаровского завораживали, и Тарновская пошла на важный компромисс с бывшим мужем, она согласилась признать себя виновной в прелюбодеянии и отказаться от прав на обоих детей.

А для того чтобы граф Комаровский не передумал искать ее руки, Мария Николаевна искусно разожгла его ревность: она утверждала, что ею серьезно увлечен князь Петр Трубецкой (с которым на самом деле была лишь шапочно знакома). Князь-де даже готов развестись с женой ради нее. Прилуков послал Тарновской в Россию письма от имени мнимого поклонника. Тогда, чтобы доказать серьезность своих намерений, Павел Комаровский обручился с Марией Николаевной и повез ее в Орел официально представить родным.

Орел – небольшой губернский город. Дворяне проводили время в клубе за карточным столом, а их жены сплетничали. Главные события того времени – арест конокрада и приезд цирка. Когда из московского курьерского поезда на перрон станции вышел главный местный аристократ и богач граф Комаровский об руку с Марией Николаевной Тарновской – это вызвало сенсацию.

В городе было мало людей круга Комаровского, разве что Николай Наумов – его младший приятель, в некотором смысле ученик. Потомственный дворянин, сын пермского губернатора, выпускник Московского лицея в память Цесаревича Николая, вольноопределяющийся лейб-гвардии Семеновского полка, чиновник особых поручений при орловском губернаторе. Он из старой дворянской семьи, его двоюродный дед – Иван Тургенев. Это эlegantный молодой человек 24-х лет. Он пьет абсент, переводит Бодлера, словом, декадент.

Фридрих Ницше провозгласил: «Бог умер». Декаденты считали себя людьми вне христианской морали. Наука конца XIX века доказывала: человек – социальное животное, движимое подсознательными импульсами. Тарновская – порождение декадентства. Ее любимый десерт состоял из клубники в эфире,

она колола себе морфин позолоченным шприцем и пила одуряющий абсент – спирт, настоенный на полыни.

Наумов был странным малым. Многие объясняли его «инакость» происшествием на Волге: как-то, купаясь, он поднырнул под лодку и получил веслом по голове. С тех пор стал странным: страстно верил спиритам, легко подвергался гипнозу, однажды бежал за экипажем некой дамы, как собачка (так приказал медиум). Из-за явной ненормальности был освобожден от воинской повинности.

В Орле все всех знали, а Комаровский считался губернским «львом». Человек крайне правых убеждений, член «Союза русского народа», он однажды публично избил местного либерала, редактора «Орловского вестника» Аристова (кстати, орловский архиерей Серафим за это графа благословил). Наумов, тоже монархист, писал в черносотенной газете «Орловская речь» абсолютно бескорыстно – только из убеждений. Комаровский и Наумов – приятели, и граф, конечно, представил молодому человеку свою невесту.

Николай Наумов влюбился в нее немедленно и страстно. Он даже написал поэму в честь графини, где клялся быть ей верным до гроба.

Представив Марию Николаевну родственникам, Комаровский отправился в Венецию, чтобы купить там палаццо, где собирался поселить любимую. Она же задержалась в Орле в доме Комаровских на Карачевской улице. Ей предстояло устроить будущего пасынка Евграфа в местный кадетский корпус.

В конце XIX века вышли романы австрийского писателя Леопольда фон Захер-Мазоха. Все его произведения, в том числе и знаменитая «Венера в мехах», описывают страстную влюбленность слабых, романтических юношей во властных и жестоких женщин. Во времена декадентства такая страсть, сопряженная с подчинением и унижением, входит в моду, ее называют мазохизмом. Наумов – типичный мазохист.

Зря графиня времени не теряла. Вскоре Наумов стал очередным и самым преданным сексуальным рабом госпожи Тарновской.

Она, по его просьбе, ежедневно проделывала над ним разнообразные эксперименты: тушила папиросы об его кожу, заставила наколоть свои инициалы в качестве татуировки, стегала плетью, ездила на нем, как на лошади. А Наумова это приводило в восторг.

Между тем Тарновская осмотрелась в Орле, побывала в имении Городище и мысль о браке с Комаровским стала казаться ей не такой уж привлекательной. Имение выглядело запущенным

и было, как выяснила Мария Николаевна, обременено долгами. И граф вовсе не был так баснословно богат, как ей казалось. Никакой приязни к нему она не испытывала и начала понимать, что ввязалась в дурацкую историю.

Между тем переписка с Прилуковым, оставшимся в Вене, не прерывалась. Донат разработал хитроумный план, который помогал устранить соперников и обогатить Марию Николаевну. Оставив влюбленного Наумова в Орле, Мария Николаевна с верной Перье отправилась в Венецию. Прилуков последовал за ней из Вены. Они обговорили подробности и начали действовать. Необходимо было обобрать Комаровского, а затем убить его так, чтобы не вызвать подозрений.

Донат предложил два способа покончить с Комаровским: пронзить его отравленным кинжалом где-нибудь на узкой венецианской улице или подсунуть папиросу со стрихнином – настойкой чилибухи. Этот яд трудно подмешать к еде – у него сильный горький запах, его присутствие в пище скрыть практически невозможно. Разве что в кофе... Но граф предпочитал английский черный чай. А вот если незаметно подмешать в табак – смерть со страшными конвульсиями и спазмами – неизбежна. Проверено на крысах.

Прилуков остановился в окраинном районе Венеции Канареджо и наблюдал за происходящим как бы со стороны.

А вот Павел Комаровский купил палаццо Маурогонато для своей любимой в двух шагах от собора Святого Марка – на площади Санта-Мария. Окна – на знаменитую барочную церковь Санта-Мария дель Джильо. Но Тарновская, посоветовавшись с Донатом Дмитриевичем, держалась с графом холодно.

Мария Николаевна объяснила графу Комаровскому: бракоразводный процесс затягивается. Положение ее двусмысленно. Она всерьез подумывает о том, чтобы принять предложение князя Трубецкого. В случае если с графом Комаровским что-нибудь случится, она останется одна без детей, без родины. Они даже посетили вместе российское консульство, где им официально объяснили: никакой надежды заключить брак на Апеннинах для неразведенной в России женщины – нет.

В конце концов, 16 июля 1907 года Павел Евграфович снял со своего счета и отдал Тарновской 80 тысяч рублей; кроме того, он обещал составить страховой полис на ее имя на 50 тысяч франков и завещать все движимое и недвижимое имущество.

Тарновская с Прилуковым отправляются кутить в Вену, туда летит письмо от графа.

«Моя дорогая Мария!

Вчера, когда я расстался с тобой, я все обдумывал. Как бы

лучше устроить дела, согласно твоему желанию, которое для меня священо. Не думай, что только один Трубецкой тебе предан и готов пожертвовать для тебя своей жизнью. Комаровский все для тебя готов забыть. Верь ему, как он тебе верит. Что касается страховки – будет все сделано, как ты требуешь. Если сегодня не придет инспектор страхового общества “Мутуал Лиекс”, тогда мы обратимся в общество “Нью-Йорк”. Единственная причина, почему я прошу тебя подождать – это для твоей же пользы, так как ты получишь больше денег. Дорогая моя, верь, что я все сделаю для тебя. Люби меня хоть немножко, тогда ты получишь все, о чем ты мечтаешь.

Твой Комаруля.

PS. Прежде, чем ты уедешь в Россию, все будет исполнено, а именно: первое – завещание будет утверждено. Второе – страховка сделана. Третье – все препятствия удалю, для того, чтобы мы могли с тобой обвенчаться.

Если тебе еще что-нибудь надо – приказывай, моя радость! Тебе отказа быть не может. Ты – вся моя жизнь, мое существование.

Твой навсегда П. Комаровский.

Малютка, как я тебя люблю!»

В двух страховых обществах желание Комаровского показалось подозрительным. Но в отделении австрийской компании «Анкор» полис согласились выписать. Тарновская вновь прибыла в Венецию. 9 августа, в ее присутствии, у русского консула в Вене Комаровский заверил завещание и страховку. Затем их посетил страховой агент, и Мария Николаевна настояла на том, чтобы в договор о страховке вписали пункт о том, что все деньги она сможет получить и в случае насильственной смерти графа. С этого момента судьба графа Комаровского – решена.

В глаза Тарновская называла графа «Комарулей» (а он, вслед за ней, и сам подписывался так в любовной корреспонденции) и рассказывала о планах обустройства семейного гнездышка. А Прилукову объясняла, что этот слизняк ей решительно надоел: следует его как можно скорее убить.

Прилуков вызвался сделать это сам. Но Тарновская решила: если убийство совершит Прилуков, это вызовет подозрения: их связь известна многим.

Поэтому она задумала новую комбинацию. Использовать Наумова как зомби-убийцу, превратить его в послушное орудие. Скорее всего, Наумову удастся бежать с места преступления. Но и будь он словлен, убийство это сочтут преступлением из ревности, в преданности Наумова она не сомневалась, он не выдаст ее, ну а

после того как будет осужден – отбудет тюремный срок, скорее всего недолгий. Прилуков согласился: план Марии Николаевны выигрышнее его собственного.

Что будет с самим Прилуковым – не обговаривалось. Настойчивые попытки заставить его покончить жизнь самоубийством Донат Дмитриевич игнорировал.

Между тем он участвовал в планировании убийства Комаровского, знал все о Наумове и становился сообщником, от которого непросто избавиться. Прилуков был согласен участвовать в задуманной адской комбинации, страховать Наумова, следить за ним, а потом, если надо, убить глупого киллера. Тарновская и Прилуков договорились о шифрованной телеграфной связи. Комаровского решили называть «Адель», Наумову дали кличку «Берта», огнестрельному оружию – «горячее блюдо», холодному оружию – «закуска».

В Орле без Тарновской Николай Наумов запил. Узнав об этом, Мария Николаевна послала ему телеграмму с одним словом: «Дорогой!» И вот она снова в Орле. Графиня играла с Николаем, как кошка с мышкой, то отпускала, то приближала. Отдавалась, мучила, то обещала бросить навсегда, то соглашалась выйти за него замуж. Она говорила о том, что тяготится жизнью с Комаровским, что он непрерывно оскорбляет ее. Для того чтобы разогреть ревность Наумова, Прилуков, по просьбе Тарновской, отправил ей телеграмму якобы от Комаровского: «Я знаю все. Ваш Наумов – мерзавец. Сожалею о моих хороших чувствах к вам, так как вы – продажная женщина». «Видишь, как Комаровский вознаградил меня за мою дружбу к нему», – говорила она в слезах своему пылкому любовнику.

Они едут вместе в имение Тарновской Отраду. Для Наумова – это идиллия, самое счастливое время его любви; в деревне Тарновская устроила ему однажды даже сцену ревности. Наумов предложил вызвать Комаровского на дуэль, но она против: «Я не хочу, чтобы ты рисковал своей жизнью».

На самом деле резон у Марии Николаевны другой: в случае дуэли, в присутствии секундантов, скрыть имена участников поединка будет невозможно. Отношения между Тарновской и Наумовым всплывут в судебном процессе. И история со страховкой Комаровского сразу покажется подозрительной. Если все произойдет так, как задумала графиня, она получит страховую премию, избавится от Наумова и продолжит разбивать сердца.

«Так что же делать?» – спрашивает Наумов в отчаянье. – «Убить Комаровского. Освободи меня от графа, и я выйду за тебя замуж».

Наконец Наумов твердо согласился на убийство. Они поехали вместе в Киев, Тарновская повела любовника на могилу своей матери и заставила поклясться в вечной любви и верности. Затем они отправились на другое кладбище, где находилась могила Шталя. Здесь Тарновская рассказала Наумову о человеке, покончившем жизнь самоубийством вследствие того, что она не разделяла его любви. Они обменялись подарками: Мария Николаевна подарила Наумову медальон со своими волосами, а он ей браслет.

Чтобы добавить улик на случай расследования, Прилуков отправил Тарновской телеграмму за подписью Наумова: «Вы оттолкнули меня ради Комаровского, но я знаю, где он находится. Я его ненавижу и помешаю браку». А Комаровскому: «Наумов оплакивает свои чувства по отношению к Вам, потому что Вы – ничтожество». Прилукову в Вену летят телеграммы от Тарновской: «Действие превосходно» (то есть Наумова удалось уломать), «Берта – девушка горячая, пусть одна воспитывает Адель», «Берта предпочитает горячее» (и Прилуков покупает два револьвера), и, наконец, «Берта выезжает, вид ее должен быть американский: фуражка и серый костюм». Прилуков находит магазин готовой американской одежды и отвечает: «Сделаем все возможное».

Наумов уехал в Орел, Тарновская – в Вену. Они условились встретиться в Варшаве. И вскоре Тарновская вызвала Наумова, но не в Варшаву, а в Вену.

Стесненный в средствах, он наделал долгов, попросил денег у матери, но все-таки собрался туда, куда звала его Тарновская. На службе он сообщил о недомогании и выехал в Вену.

Смерть в Венеции

Август 1907 года, Вена. В отеле «Захер» напротив Венской оперы живут четверо: Тарновская, Перье, Наумов, Прилуков. Доната Дмитриевича разыскивает за долги русская полиция, и он регистрируется по чужому паспорту на имя немецкого подданного Зейферта. Тарновская не позволяет Наумову (тоже зарегистрировавшемуся под чужим именем) и носа показывать из гостиницы.

Однажды Наумов все же бежал в город и напился в первом попавшемся кабаке. Возвращаясь в гостиницу, он увидел, как Тарновская садится в экипаж с каким-то бритым господином, и устроил ей сцену ревности. Бритый господин – Прилуков, которого Наумов никогда не видел и о существовании которого не подозревал, и Тарновская объяснила: не ревнуй, это русский консул в Вене.

Вначале Тарновская уговаривала Наумова убить Комаровского в вагоне поезда, когда они вместе поедут в Москву. Наумов отказывался, пил, плакал. Тарновская угрожала, что выйдет замуж за Комаровского и, в конце концов, сошлись на том, что убийство произойдет в Венеции.

Наумова обрядили в одежду богатого американского туриста. На случай задержания карабинерами, Перье срезала с его верхней одежды и белья все бирки. Тарновская вручила Наумову план Венеции с местоположением палаццо Маурогонато и план квартиры Комаровского. Купили билет на поезд, заранее забронировали номер в шикарном отеле «Даниэль», который находится во дворце XV века, принадлежавшем когда-то венецианскому дожу Дандоло. Здесь до Наумова останавливались императрица Сисси Австрийская, Вагнер, Байрон, Рескин, Фосколо, Альфред де Мюссе и Жорж Санд, Штраус, Гете, Пруст. «Даниэль» находился в двух шагах от палаццо Маурогонато, где жил Павел Комаровский. Из отеля за 15 минут можно добраться до вокзала – на гондоле или пешком.

Тарновская проводила Наумова на вокзал, сняла с него свой медальон, вручила пистолет и надела золотой нателный крестик. Перекрестила, пожелала удачи. Обещала грядущее совместное счастье. Николай Наумов сел в экспресс.

Он не знал, что в другом вагоне этого же поезда разместились Донат Прилуков и два нанятых им австрийских детектива. Они должны были следить за каждым шагом потенциального убийцы.

Тарновская с Перье ожидали новостей в Киеве.

Граф Комаровский готовился к приезду Марии Николаевны. Ремонтировал дом. Заказал портрет художнику Самадену Эриху, где он будет изображен в мундире и папахе казачьего полка; на шее должен быть крест – знак ордена Св. Станислава; на груди – золотые и серебряные медали на колодке. Портрет этот хранился в экспозиции Орловского музея, но пропал в годы войны, когда Орел заняли немцы.

4 сентября 1907 года. Венеция. Квартира графа Павла Комаровского. Молодой человек в коричневой шляпе и сером пальто звонит в дверь ранним утром. Хозяин еще не вставал ото сна. Открывает горничная – итальянка. Через несколько минут граф в халате выходит к незнакомцу в прихожую. По словам горничной, Комаровский явно знал визитера, был удивлен, но обрадован. Пытался обнять молодого человека. Она вышла. В этот момент из передней раздался один за другим четыре выстрела. Когда туда вбежала она и другие слуги, то увидели лежащего в луже крови Комаровского и склонившегося над ним посетителя, который плакал. Они решили, что произошел несчастный случай. Тут молодой человек встал, открыл входную дверь и убежал на улицу.

Тяжело раненного графа доставили на санитарной гондоле в единственную венецианскую больницу «Оспедаль Сивиль ди Венеция». Раны его казались несмертельными, но он потерял много крови. Комаровский назвал имя покушавшегося – это Николай Наумов, безнадежно влюбленный в его невесту. Раненый попросил вызвать в Венецию Марию Тарновскую. В больнице Комаровский составил завещание на имя Тарновской, он отдал ей все состояние, и поручил своего сына Евграфа. Завещание заканчивалось так: «Прошу браслет и письма Марии Николаевны положить ко мне в гроб».

Мария Николаевна получила в Киеве сразу две телеграммы: от Прилукова о том, что покушение состоялось, Наумов благополучно бежал с места преступления; и от Комаровского о том, что он ранен, но не смертельно: «Умоляю – приезжай». Тарновская с сыном и Перье выехали в Вену.

По описаниям, данным прислугой Комаровского, служащими гостиницы и гондольерами, перевозившими Наумова от дома графа до отеля и от отеля до вокзала, были установлены приметы убийцы. И уже через несколько часов после покушения его задержали в Венском экспрессе и доставили в полицию Вероны.

Поначалу Наумов отказывался давать какие-либо показания, потом признался (допрос велся по-французски): да, он – Николай Наумов, посетивший Венецию под именем Дюмона для того, чтобы убить своего соперника Комаровского. Даму, из-за которой

он стрелял в графа, назвать отказался. Проявлял сильное волнение, когда перед заключением в камеру с него снимали золотой нательный крестик.

Заключенный в камеру, Наумов рыдал, у него случилась истерика и, наконец, он начал давать показания. Он не скрывал от карабинеров ничего: ни своих мазохистских пристрастий, ни историю любви-амока, которая связала его с Тарновской, ни названия венской гостиницы, где они должны были встретиться через несколько дней.

Между тем, на вторые сутки после ранения и операции по извлечению пули, Комаровскому сделали в больнице промывание желудка. Оно привело к внутреннему кровотечению и смерти.

Наумову объявили о смерти графа Комаровского. Убит он был не на дуэли (что было бы понятно в ссоре из-за женщины). Его подло и коварно убил приятель в собственном доме. Наказанием может быть и смертная казнь, если в деле не найдется смягчающих обстоятельств.

10 сентября 1907 года «Орловская речь» сообщила: «прибывшее из Венеции тело покойного графа Павла Евграфовича Комаровского следует от вокзала завтра в 9 часов утра в родовое имение Городище для погребения. О том мать и сестра усопшего извещают друзей и знакомых». На сутки перенос гроба в Городище задержалось: множество людей хотели проститься с убитым. «Жертва злодейского замысла женщины – исчадия ада» (словами той же газеты) был отпет в церкви Иоанна Крестителя, а в Городище гроб сопровождали эскадрон 51-го Черниговского полка, стоявшего в Орле, учащиеся городского училища (Комаровский был его попечителем) и дружинники основанного им Вольнопожарного общества.

Итальянская полиция попросила помощи у коллег из Австро-Венгрии. Уже 5 сентября, на следующий день после покушения, австрийцы выяснили: жила Тарновская вместе с горничной, беззаветно преданной ей швейцаркой Перье, и в той же гостинице «Захер» поселился некий господин Зейферт. Опрос гостиничной прислуги показал: между Зейфертом и Тарновской были интимные отношения. В момент убийства графа Зейферт выезжал в Италию; Зейферт и Тарновская часто ночевали в одном номере. Тайнственного Зейферта допросили, а после того как оказалось, что его документы фальшивые – обыскали и арестовали. При обыске нашли сильнейшие яды, кинжалы, пистолеты, пособия по токсикологии и судебной медицине и огромную коллекцию порнографических фотографий.

Он признался и, как кажется детективам, даже с некоторым облегчением, что его настоящая фамилия Прилуков, он русский подданный, адвокат. Причина его пребывания в Вене – Мария Тарновская, парализовавшая его волю и вовлекшая в заговор с целью убийства графа Комаровского. Причина убийства – желание получить завещанную ей графом страховую премию. Через час после допроса Прилукова в обществе «Анкор» изъяли страховку в пользу Тарновской.

На следующий день прямо в поезде, идущем в Вену, арестовали Марию Тарновскую и Элизу Перье. В страховом обществе «Анкор» подтвердили: в венецианском отделении Комаровский купил страховой полис, согласно которому в случае его смерти Тарновская должна была получить 50 тысяч швейцарских франков.

Арестованных передали итальянским властям. Прилуков, Наумов, Перье и Тарновская оказались в итальянской тюрьме. В Киеве, Вене, Венеции и Орле изъяли переписку между Тарновской, Комаровским, Прилуковым и Наумовым. Письма перевели на итальянский язык.

Итальянские карабинеры выяснили: в сентябре 1907 года, в день убийства графа, Зейферт останавливался в той же гостинице, что и убийца Наумов. Вместе с ним жили два австрийских частных детектива. Нашлись свидетели, которые видели, как эта троица следила за Наумовым. Их видели в момент убийства у дома, где жил граф Комаровский.

Следствие тянулось два с половиной года, показания обвиняемых и свидетелей необходимо было перевести с русского на итальянский. Допросили 250 свидетелей, привлекли 22

эксперта, из них 9 психиатров. Результатом работы итальянской юстиции стали 34 увесистых тома на трех языках: русском, итальянском и французском.

И только 4 марта 1910 года в Венеции начался суд ассизов над Николаем Александровичем Наумовым, 26 лет, чиновником канцелярии орловского губернатора; Марией Николаевной Тарновской, 33 лет, помещицей; Донатом Дмитриевичем Прилуковым, 37 лет, бывшим московским присяжным поверенным; Элизой-Эммой Перье, 31 года, горничной.

Марию Тарновскую ведут в суд. Март 1910 года

Суд продолжался два с половиной месяца, процесс вызвал международную сенсацию. Итальянские и французские газеты, писавшие о процессе, именовали Тарновскую «жадной куртизанкой», «вампиришей», превращая ее в живое воплощение распространенного в литературе *Fin de siècle* – типа демонической женщины, привлекающей и губящей мужчин, как пламя мотыльков. Венецианцы прозвали Марию «angelo nero» («черный ангел»). Тарновская превратилась в туристическую приманку – после площади Сан-Марко гондольеры предлагали туристам отвезти их к тюрьме Джудекка, где томилась главная героиня «Русского дела».

Не было сколько-нибудь известной в мире газеты, которая не аккредитовала бы на процессе своего корреспондента. Репортажи из Венеции всю весну увеличивали тираж и «Нью-Йорк таймс», и «Матэн», и «Русского слова». Ощущение сенсации привлекало в зал суда мировых знаменитостей: художника Эдгара Дега, великую французскую актрису Режан, знаменитую покровительницу искусств, подругу Сергея Дягилева Мизию Серт с мужем-художником, итальянских графинь Мончино, Папандолли, Альбрицци, Фоскари, баронесс Герхардт и Вандерговерн. Всеобщее внимание вызвали граф Николай О'Рурк, отец Тарновской, и бывший пермский губернатор Александр Наумов, отец убийцы Комаровского.

Русская газета «Руль» писала: «Знаменитый итальянский писатель Габриэль д'Аннунцио больше месяца провел в Венеции. Он пишет пьесу, героиней которой явится Тарновская. Несколько крупных европейских театров уже обратились к д'Аннунцио с выгодным предложением постановки предполагаемого произведения». Д'Аннунцио в результате увековечил Тарновскую стихотворением в прозе, а его русский «коллега по цеху» Игорь Северянин написал сонет «Тарновская», в котором есть такие строки: «По подвигам, по рыцарским сердцам, змея, голубка, кошечка, романтик, – она томилась с детства...», но в отсутствие «властительного принца» героиня «расцвела преступкой».

Звезда парижской сцены Сара Бернар шутила: «Как жаль, что Тарновская не сделала своим любовником театрального критика из “Ле Матэн” – сейчас он был бы уже в могиле или на скамье подсудимых, и я была бы спасена от его рецензий».

Но и те, кто не попал в зал суда, простые венецианцы, страстно интересовались происходящим. Тарновская вызвала всеобщее возмущение, ее называли «проклятая Богом». Этим

прозвищем ее дружно обзывали, когда она в сопровождении конвоя выходила из гондолы в зал суда. В ее адрес летели оскорбления и отборная брань. На фасаде дома, где был убит Комаровский, появился лозунг «Тарновскую – на галеры!».

Распространялись слухи, что в Тарновскую влюблен то ли прокурор, то ли даже председатель суда, что приходится менять карабинеров, конвоирующих ее в зал суда, так как они поддаются ее невероятным чарам. Передавали: в тюрьме она тратит огромные деньги на туалет и косметику, что она пыталась подкупить стражников и бежать. Говорили, что между Тарновской и Перье существовали противоестественные отношения, чем и объясняется ее невероятная преданность своей хозяйке.

Председателю суда Фузинато даже пришлось обратиться к присяжным, напомнив венецианцам о традициях любезности и беспристрастности, со старинных времен характерных для города. «Тарновская, – сказал он, – имеет полное право на беспристрастие, и вы не должны поддаваться никаким влияниям извне, вы должны произнести приговор, перед которым все преклонятся, таким справедливым он будет».

L'ENVOUTEUSE

Le meurtrier du comte Kamarowski dit aux juges de Venise com- ment la Tarnowska a fait de lui son esclave

VENISE, 5 mars. — Nous voici à la deuxième journée du grand procès. Dire que peut-être nous atteindrons la soixantième ! Les mesures de protection prises aujourd'hui au palais ont été aussi imposantes qu'hier. Comme hier, les accusés ont excité la curiosité publique. La comtesse Tarnowska a été très vivement impressionnée par les manifestations dont hier elle a été l'objet.

Le président, s'adressant aux jurés, déplore que Venise, cette ville courtoise, se soit livrée à de regrettables manifestations envers une malheureuse qui pour le moment est digne de tout respect.

Elle a encore, dit-il, le droit à l'impartialité, et vous, messieurs les jurés, vous ne vous laisserez impressionner en aucune façon par ce qui se passe au dehors. Ainsi vous prononcerez un jugement devant lequel tout le monde devra s'incliner.

Ces paroles que le président a prononcées avec une grande conviction ont recueilli l'approbation unanime. Tous les avocats s'y associèrent.

Ensuite se déroulèrent les premières escarmouches entre la défense et le président à propos de la non-application de certains textes. Puis une joute oratoire commença entre le défenseur de Prilukoff et celui de la Tarnowska. Le premier voudrait que la femme divorcée de Prilukoff fût appelée à témoigner, tandis que le défenseur de la Tarnowska s'y oppose, d'accord avec le ministère public.

C'est une chose remarquable que cette attitude du défenseur de la Tarnowska qui ainsi se range contre son ancien amant.

Le son des cloches de midi vint interrompre l'audience du matin.

La rencontre fatale

L'interrogatoire de Naumow a commencé dans la séance de l'après-midi. Dans la salle se fit un silence profond.

J'étais en 1906, débute Naumow, à Orel, en qualité de secrétaire du gouverneur de la province et c'est là que je fis la connaissance du comte Kamarowski, qui peu après perdait sa femme.

Par la suite je fus invité à un dîner à l'hôtel et j'y rencontrai une dame. C'était la Tarnowska, ajoute Naumow, d'une voix brisée.

A plusieurs reprises j'eus l'occasion de l'approcher. Peu à peu mon admiration pour elle augmentait. Enfin la comtesse partit

LA TARNOWSKA ET SON FILS

avec Kamarowski pour aller à Saint-Petersbourg, dans le but de divorcer l'avec son mari qui la traitait très mal.

Un jour je reçus de Saint-Petersbourg une dépêche débutant ainsi : « Cher. » Tout de suite je compris la provenance de la dépêche et je répondis en des termes que je ne me rappelle pas.

Le président. — Tâchez donc de vous en souvenir !

Naumow, dont le masque est tragique, reste perplexe, réfléchit quelques instants, puis répond :

Je m'en souviens maintenant. J'ai répondu : « Ma félicité passagère ! »

A cette dépêche, il me fut répondu par celle-ci : « Je t'aime et je te défends de boire. Tu es à moi. »

Les paroles « je te défends de boire » se

Все известные мировые газеты аккредитовали на процесс своих корреспондентов

Огромный интерес вызвали показания подсудимых, которых подвергали перекрестному допросу. Мария Тарновская утверждала: она жертва своего мужа, негодя, развратившего ее и ведшего существование, глубоко для нее отвратительное. Убийство Комаровского задумано Прилуковым и осуществлено Наумовым, она не виновата, что в нее безумно влюбляются мужчины.

Приведем цитату из тогдашней хроники: «Необычайно высокого роста, худощавая, элегантно одетая, с благородными чертами лица и сверкавшими жизнью, невероятно живыми глазами, всегда смеющаяся, кокетливая, находчивая и разговорчивая даже в тяжелые минуты. Она раба своей страсти к роскоши, удовольствиям, а следовательно, и деньгам».

Вот ее слова, сказанные журналисту: «В суде, когда я спокойна, меня называют циничной; если бы я плакала и теряла самообладание, мои слезы назвали бы крокодиловыми. Никто не подозревает, что я переживаю. Разве я, в самом деле, – авантюристка, преступница, убийца, какой меня изображают? Если я не являюсь конкуренткой на приз за добродетель, то все, по крайней мере, убедятся, что я – больная слабая женщина, а не мегера и не демоническая натура».

Наумов и Прилуков, напротив, все валили на Марию Николаевну. Она их опутала, подчинила себе, обобрала, и они действовали, как послушные марионетки. И Прилуков, и, особенно, Наумов, выглядели жалко. Наумов не раз начинал рыдать.

Огромное значение имела психиатрическая экспертиза. Директор венецианского сумасшедшего дома Каплетти утверждал: Наумов, закончив лицей, начал службу в канцелярии губернатора в то время, когда его место было, по меньшей мере, в санатории: это мазохист и дегенерат.

Профессор Бельмондо рассказал о Захер-Мазохе – выросшем на Украине авторе «Венеры в мехах». В договоре, который писатель заключил со своей возлюбленной, было написано: «При каждом его проступке, упущении или оскорблении ее величества госпожи, она может наказывать своего раба, как ей заблагорассудится. Со своей стороны, госпожа обещает по возможности чаще носить меха, особенно тогда, когда она выказывает жестокость».

Жена Захер-Мазоха, которая присвоила себе имя Ванды – персонажа книги «Венера в мехах», не только научилась обращаться с плетью, но и сама стала писать рассказы. В них она «пытается удовлетворить свои сексуальные желания и не позволяет мужчинам-мазохистам препятствовать ей в этом». Героиней одной из ее новелл стала прекрасная вдова-аристократка, которая покупает мужчин-рабов и пользуется ими для удовлетворения своих сексуальных желаний, а когда они ей надоедают – убивает.

Сохранился и договор, заключенный между Захер-Мазохом и его законной женой: «Мой раб! Условия, на которых я принимаю вас и терплю рядом с собой, таковы: полный и безусловный отказ от собственного я. Мне дается право наказывать и карать вас, как мне заблагорассудится. Вы признаете за мной власть и право замучить вас до смерти при помощи всех мыслимых пыток. Когда вы не сможете более выносить моего господства, тогда вы должны убить себя сами, свободу я вам не верну никогда». Примечательно, что Венера-Ванда покупает для своего возлюбленного именно русский хлыст, «какие в России держали для непокорных рабов». Да и мазохистские атрибуты взяты из славянского быта: отороченная мехом кацавейка (меховая шуба, звериная шкура) и плетка (хлыст, кнут).

Профессор Бельмондо заключил: мазохизм – типичное свойство славянских мужчин, а садизм – женщин. Нам, настоящим европейцам, трудно разобраться в этом этнически обусловленном извращении.

Психиатр Бианки, бывший министр народного просвещения, ученик великого итальянского криминалиста Ломброзо, говорил о том же. В России до сих пор существуют «психические эпидемии средневековой Европы – флагелляции, демономания, детские крестовые походы. И коллективный гипноз. Гипнотизер – Тарновская, типичный пример сивиллы, сводящей с ума множество мужчин». Италия родила великих законовевов Беккариа и Ломброзо и умеет судить, глубоко проникая в суть вещей. Здесь царит справедливость. Кому, как не венецианским присяжным, определить степень вины каждого из подсудимых.

Профессор Босси – генуэзский гинеколог – защищал в своей экспертизе Марию Тарновскую: эта женщина абсолютно невменяема. Алкоголь, морфий, эфир и кокаин подорвали ее и без того раненую психику. Она клептоманка и меланхоличка. Ее следует не наказывать, а лечить; Тарновская – ненормальна.

Профессор Марселли говорил, что «психика славянской души, движение которой загадочно и непонятно для жителей Западной Европы, требует особых подходов. Тарновская перенесла тиф, ее кусала бешеная собака, она нюхала эфир и кокаин и у нее ужасная наследственность: среди родственников – дегенераты, эпилептики, идиоты и маньяки. Это ненормальная, невменяемая истеричка».

Ему возражал профессор флорентийского университета Борби: Тарновская холодна и расчетлива, она идет через трупы любовников к тому, в чем нуждается – праздной, беспечной, богатой жизни. Смерть Комаровского – на ее совести.

Адвокат Наумова Бертачиоли утверждал, что несчастный, не вполне здоровый молодой человек, являлся объектом безжалостных манипуляций Тарновской, в которую был страстно влюблен. Весь план использовать Наумова как убийцу принадлежал Прилукову, задумавшему всю эту комбинацию, чтобы самому избежать рискованного преступления.

Второй адвокат убийцы – Дриусси – сказал, в частности, что такой дегенерат, как Наумов, только в России мог служить чиновником по особым поручениям. В любой европейской стране его бы немедленно положили в психиатрическую клинику. Но русские все не совсем нормальны. Эту мысль Дриусси высказал и в своем интервью газете «Адриатико». За это один из русских журналистов, присутствовавших на процессе, вызвал его на дуэль. Дриусси пришлось извиниться.

Надо сказать, что Наумов вызывал все большие симпатии у присутствовавших на процессе. Свидетели, прибывшие из России, характеризовали его как доброго, хотя и не вполне нормального молодого человека. Подчинение сильной женщине у Наумовых в

роду. Недаром его двоюродный дед Иван Тургенев сначала подчинился властной матери, а потом – Полине Виардо.

Сам Наумов на скамье подсудимых рыдал и искренне проклинал тот день, когда он познакомился с Тарновской. Он полностью раскаивался в содеянном и умолял родственников Комаровского, по возможности, его простить.

Адвокат Прилукова Луцатти описывал нравственные мучения своего подзащитного, которого Тарновская пыталась принудить к самоубийству. Вначале тот отказывался писать записку «В смерти моей прошу никого не винить». После 12 часов истерики Марии Николаевне удалось заставить его согласиться на самоубийство. Он написал записку, но Тарновская раздумала и уничтожила его предсмертное письмо. Прилуков – раб Тарновской, он мазохист. Она дала ему презрительную кличку «мужик», а себя заставляла называть генеральшей. Донат Прилуков оказался в безнадежном положении: он, ради Тарновской, украл чужие деньги, и в России ему угрожала тюрьма, – «генеральша» могла теперь им манипулировать как угодно.

Адвокат Прилукова Флориан много цитировал классиков судебной психиатрии Рибо и Крафта-Эбинга. Он доказывал, что Тарновская – нимфоманка и садистка, а Россия наполнена мужчинами-мазохистами. В Российской империи жизнь человека вообще ценится ненормально дешево. На скамье подсудимых – «три варвара, переодетых европейцами». Эту цивилизацию трудно понять иностранцу: с одной стороны – бедность и невежество, с другой – утонченный разврат парижского происхождения.

В отличие от Николая Наумова, Донат Прилуков публике не нравился. Все валил на Тарновскую, выглядел как-то не поджентльменски. К тому же никакой ненормальности, как у Наумова и Тарновской, в нем не было и следа. И как выяснилось из судебного следствия, именно он первым начал разрабатывать план убийства графа Комаровского.

Защитник швейцарки, горничной Тарновской Элизы Перье, Луцатти-младший привел такое высказывание своей подзащитной: «Я так предана мадам, что если бы меня осудили для ее пользы, я была бы вполне удовлетворена!» Перье – не «сводница», не «продажная душа», как утверждало обвинение. Она честно и преданно служила своей нанимательнице. Тарновская – элегантная светская дама – четырежды в день меняла свои туалеты с помощью швейцарки. Горничная возилась с Васей Тарновским и Евграфом Комаровским, вслед за своей непоседливой хозяйкой за год объехала всю Европу. А получала за это всего 25 рублей в месяц.

Еще один защитник Элизы Перье, старый социалист Музатти,

начал с того, что принес извинения всем русским, присутствующим на суде, за расистские выходки своих коллег. «Да здравствуют славянские души!» – провозгласил он. Трое подсудимых (Перье, Прилуков, Наумов), по его словам, – жертвы чудовищной Тарновской, воплощенного дьявола. Все они должны быть оправданы.

Последним из адвокатов выступил Диена – защитник Тарновской. Во время его речей в зале был полный аншлаг. Основная линия защиты – медицинская: Тарновская – безумна и не отвечает за свои ошибки. Ужасная наследственность, тяжелая болезнь в детстве, тиф, укусы бешеной собаки. Праздный и развратный муж, заставлявший ее страдать. Когда же она полюбила, и взаимно, Боржевского, тот был убит. С этого момента безумие Тарновской выразилось в маниакальном желании мстить мужчинам вообще. И вскоре она стала жертвой манипуляций Прилукова. Это он задумал и исполнил всю комбинацию, приведшую к гибели графа Комаровского. «Недаром, господа присяжные заседатели, у нас столько улик. Прилуков специально сохранил все письма и телеграммы Тарновской. Он хотел шантажировать ее и получить деньги Комаровского себе». Тарновскую надо лечить, а Прилукова осудить на жестокое наказание.

Выступление Диены вызвало огромный интерес, и было скорее успешным. Но впечатление смазал гражданский истец, родственников Комаровского, адвокат Карнелутти. Он назвал Тарновскую вульгарной убийцей, бесстыжей, хладнокровной, расчетливой. А Прилуков – ее советник-юрист, энергичный соучастник и сутенер.

После этого Тарновская оскорбилась и сказала, что процесс затянулся на целую неделю.

20 мая присяжные заседатели вынесли вердикт после трехчасового совещания. Публика, следившая за процессом примерно так, как сейчас смотрят увлекательный телесериал, внимала старшине присяжных с напряженным вниманием. Чтение вердикта оживленно комментировалось.

Присяжные сочли Тарновскую и Прилукова виновными в заговоре с целью убийства графа Комаровского и не заслуживающими снисхождения, Наумова – в нанесении Комаровскому ран (но не в убийстве!) и заслуживающим снисхождения, а Перье оправдали. Вердикт Тарновская и Перье выслушали спокойно, а Наумов и Прилуков были заметно удручены. Председатель объявил, что Перье оправдана, свободна; Наумов приговорен к 3-м годам и 4-м месяцам тюрьмы, Тарновская – к 8-ми годам и 4-м месяцам, Прилуков – к 10-ти

годам. Наумов, арестованный в сентябре 1907 года, был из тюрьмы вскоре освобожден, Прилуков должен был выйти в 1917 году, а Тарновская – в 1916-м.

Имя Тарновской, меж тем, стало всемирно известным. Три месяца ее портреты печатались на первых полосах всех мировых газет. В кинохронике сохранились многочисленные сюжеты о венецианском процессе. Русские издатели выпустили на рынок сразу четыре ее жизнеописания.

— Познаватель — сейчас просят
сидеть.

— Познаватель — сейчас просят
сидеть.

— и тут же просят сидеть, как
иногда есть, иногда нет, иногда
иногда есть, иногда нет, иногда

— и тут же просят сидеть, как
иногда есть, иногда нет, иногда
иногда есть, иногда нет, иногда

Убийство графа КОМАРОВСКОГО.

(Было Тарновской, Прядуновой и Маркова на венецианском суде).

Убийство графа КОМАРОВСКОГО.

Убийство графа КОМАРОВСКОГО.

Убийство графа КОМАРОВСКОГО.

Убийство графа КОМАРОВСКОГО.

Убийство графа КОМАРОВСКОГО.

Убийство графа КОМАРОВСКОГО.

— Познаватель — сейчас просят
сидеть.

— Познаватель — сейчас просят
сидеть.

— и тут же просят сидеть, как
иногда есть, иногда нет, иногда
иногда есть, иногда нет, иногда

— и тут же просят сидеть, как
иногда есть, иногда нет, иногда
иногда есть, иногда нет, иногда

В русской прессе поначалу Тарновская не вызывала никакого сочувствия. Знаменитый фельетонист «Русского слова» Влас Дорошевич сравнивал ее с увеселительным садом, куда разумные люди берут билет, а безумцы пытаются проникнуть через забор бесплатно. Те, кто заплатили рубль, чувствовали себя прекрасно и в ус не дули. Тарновскую легко было купить. Без драматических последствий. Приятель Дорошевича, киевский промышленник, платил за близость с Марией Николаевной. Получил искомое, но не был убит, не застрелился, не оказался на скамье подсудимых.

Легенда о Марии Тарновской — не женщине-вампире, но скорее борце за эмансипацию, своего рода стихийной феминистке, родилась на Западе. Уже относительно мягкий приговор венецианского суда показывал, что европейцы считали: что-то в этой губительнице мужских сердец — есть.

Актиса Режан рассказывала корреспонденту «Матэн»: «Тарновская не имеет никакого сходства с теми портретами, которые в иллюстрированных изданиях находят нужным печатать. Ее лицо из тех, которые неуловимы для фотографии. На мой взгляд, Тарновская – настоящая барыня, в полном смысле слова “гранд-дама”. В ней чувствуется аристократизм происхождения. Я понимаю ее чары, понимаю то обаяние, которое она производит на мужчин, с нею сталкивающихся. К тому же, не стоит забывать что это – русские, а они как-то иначе думают, иначе чувствуют, нежели мы. Не будем их судить; во-первых, потому, что судить всегда рискованно. А во-вторых, потому, что мы наверняка ошибемся».

Но настоящая известность пришла к Марии Николаевне в 1912 году, когда она второй год отбывала заключение в женской тюрьме в городе Трани на юге Италии. Туда, в бывший замок императора Священной Римской империи, короля сицилийского Фридриха II, отправилась итальянская писательница Анни Виванти. Она провела с Марией Тарновской несколько дней, записала с ней обширное интервью и на этой основе написала роман «Цирцея», вышедший в 1912 году.

Цирцея (или Кирка), согласно древнегреческому мифу, дочь Гелиоса и Персеиды, – знаменитая колдунья. В гомеровской «Одиссее» на остров, где она жила, попал во время странствий Одиссей со своими соратниками. Часть его спутников была обращена Киркой в свиней. Одиссею колдунья предложила остаться на острове и разделить ее любовь. В обмен она обещала вернуть человеческий облик его товарищам. Прежде чем отправиться в родную Итаку, Одиссей прожил год с Цирцеей в неге и довольстве.

Как истолковывал этот миф знаменитый советский фантаст Иван Ефремов, «красота и желание женщин вызывают свинство лишь в психике тех, кто не поднялся в своих сексуальных чувствах выше животного. Женщины в прежние времена лишь очень редко понимали пути борьбы с сексуальной дикостью мужчины, и те, кто это знал, считались Цирцеями. Встреча с Цирцеей была пробным камнем для всякого мужчины, чтобы узнать, человек ли он в Эросе. Сексуальная магия действует лишь на низкий уровень восприятия Красоты и Эроса».

Анни Виванти к 1912 году – знаменитая писательница. Она родилась и выросла в Лондоне, в семье итальянского революционера-эмигранта и поэтому была двуязычна. Муж ее – борец за свободу Ирландии. Так что убеждения госпожи Виванти были самыми что ни на есть передовыми и левыми.

В «Цирцее» Тарновская из преступницы превращается в

жертву: наследственности, воспитания, мужа, социальных условностей, слабых и коварных мужчин. Автор – скрыт, перед нами сочувственно написанная биография Тарновской от первого лица. Но при этом Виванти не скрывает своей духовной близости с преступницей, если бы не жизненные обстоятельства, они могли бы поменяться судьбами. «Цирцею», вышедшую на итальянском языке, немедленно перевели на французский, русский, английский и немецкий. По роману сняли в 1917 году художественный кинофильм. В 1970-х годах итальянский государственный телеканал RAI снял мини-телесериал.

Сенсацией должен был стать фильм о Тарновской, который сразу после войны задумали сделать итальянские титаны кино Лукино Висконти и Микеланджело Антониони. В нем впервые использовался прием, который потом прославил японца Акиру Курасаву в фильме «Расемон»: одна и та же драматическая история в изложении нескольких героев, представляемая абсолютно различной. В «Деле Тарновской» об обстоятельствах убийства графа Комаровского должны были рассказать все трое обвиняемых: сама Тарновская, Наумов и Прилуков. К сожалению, денег на постановку Висконти и Антониони не нашли. Впрочем, сценарий недавно опубликовали.

Наконец в 1962 году в Германии был опубликован роман Ханса Хабе «Тарновская» – бульварное чтиво, основанное якобы на сохранившемся дневнике Марии Николаевны.

В России одновременно с «Цирцеей» вышли еще четыре специальные книги о Тарновской. Читатели считали, что жизнь Натали – героини повести Валерия Брюсова «Последние страницы из дневника женщины», опубликованной в конце 1910 года, навеяна венецианским процессом. Моднейший поэт Игорь Северянин посвятил графине сонет с кодой:

По подвигам, по рыцарским сердцам,
Змея, голубка, кошечка, романтик, —
Она томила с детства. В преискуранте
Стереотипов нет ее мечтам
Названья и цены. К ее устам
Льнут ровные «заставки». Но – отстаньте! —
Вот как-то не сказалось. В бриллианте
Есть место электрическим огням.
О, внешний сверк на хрупости мизинца!
Ты не привлек властительного принца:
Поработитель медлил. И змея
В романтика и в кошечку с голубкой
Вонзала жало. Расцвела преступкой,

От электрических ядов, – не моя!.. —
Тарновская».

Итак, Мария Тарновская сделалась мифом, но жить ей оставалось еще долго.

Тарновская исчезает

10 июня 1915 года Марию Тарновскую за образцовое поведение досрочно освободили из Трани. Событие это отметила даже «Нью-Йорк таймс». Ей 38 лет, но она по-прежнему хороша собой. По словам корреспондента газеты, Мария Николаевна намерена вернуться в Россию и пойти на фронт медицинской сестрой (уже год шла Первая мировая война). Но то ли добраться до родины было невозможно, то ли Тарновская по обычаю дурила публику: во всяком случае, в 1916 году в Париже она стала любовницей американского офицера и под именем госпожи Николь Роуш на лайнере «Корона» переехала в Аргентину. Затем господин Роуш неожиданно исчез из поля зрения, более о нем ничего неизвестно. Надеемся, что его не постигла участь Петра Тарновского, Боржевского, Шталя или Комаровского.

Тогда же, в 1916 году, в Буэнос-Айресе Тарновская-Роуш встретила француза, графа Альфреда де Вилемера, стала его любовницей, а потом гражданской и, возможно, законной женой. Во всяком случае, она стала мадам Вилемер и вместе с мужем торговала в столице Аргентины шелком, парчой и фурнитурой из Франции. В ее поведении больше не было никакой экзотики. Тень знаменитой графини Тарновской – похоронена навсегда. В 1931-м в Аргентине произошел экономический и политический кризис; снизился спрос на дорогой французский товар. К тому же в 1935-м у Альфреда случился инфаркт, и супруги переехали в городок Санта-Фе, где открыли главный местный магазин тканей. В 1940-м Альфред умер и завещал похоронить себя в семейной усыпальнице на Сардинии, но путь в Европу был отрезан новой, Второй мировой войной, так что тело графа пришлось кремировать. Удалось ли после войны захоронить урну в семейном склепе, неизвестно. Мария Тарновская-Вилемер умерла в Санта-Фе 23 января 1949 года.

Наследники Тарновских

Василий Тарновский оставался в России и воспитывал вместе с сестрой Софьей дочку Татьяну. Он перестал кутить, досуги посвящал пению. После революции Тарновского дважды забирали в ЧК, оба раза обошлось – среди чекистов были бывшие крестьяне Тарновских и официанты ресторанов, где он был завсегдатаем и щедро давал на чай. В 1920 году Тарновский через Тифлис поехал в Константинополь, где женился на эмигрантке с двумя детьми Екатерине Георгиевне Сколяренко. Они вместе уехали в Берлин. В Берлине их приютили в своем доме Скоропадские, с которыми Тарновские были соседями по имениям и старинными знакомыми. Василий Тарновский пел в Берлинской опере, пока не отказал голос. Умер в 1932 году и похоронен на русском кладбище в Берлине.

А вот Татьяна, дочь Марии и Василия Тарновских, после отъезда отца осталась в Киеве. Она была хороша собой (в отца и в мать), прекрасно образована (закончила немецкую гимназию) и наследственно музыкальна. После 1920 года, когда большевики окончательно заняли Киев, судьба ее решительно переменилась. Жених, белогвардейский офицер (она ждала его в Киеве и поэтому не эмигрировала), был расстрелян большевиками, когда пытался увезти ее в Крым. Тетка умерла от тоски и голода.

Татьяна Васильевна поступила в учебную киностудию, где познакомилась с будущим знаменитым киносценаристом и телеведущим Алексеем Яковлевичем Каплером. Он был так влюблен в Татьяну Тарновскую, что перешел из иудаизма в православие и венчался с избранницей в церкви. Они оба работали на Одесской киностудии. В 1927 году родился их сын Андрей Алексеевич, на чьих воспоминаниях мы сейчас и основываемся.

В 1929 году Каплер и Тарновская развелись. Татьяна Васильевна перебралась в Ленинград. Она обучилась «манерам» официантов и горничных «Астории» и писала регулярные отчеты в ГПУ о постояльцах из-за рубежа. Потом она работала в гостиницах Москвы, руководила драмкружками, давала частные уроки иностранных языков. Умерла Татьяна Васильевна Плаксионова (ее второй муж – полярник Александр Петрович Плаксионов) в 1994 году, похоронена на Ваганьковском кладбище.

Судьба сына Марии Николаевны Василия Тарновского-младшего, который воспитывался в семье деда Николая О'Рурка, нам достоверно неизвестна. Впрочем, в Качановку в 1990-е годы

из Англии приезжали его внучки Екатерина и Татьяна Хайт-Тарновские.

Глава 2

Петербургская «Золотая ручка»

Хая Сегалович, она же Ольга Цабель, она же генеральша фон Штейн, она же баронесса Остен-Сакен. Ее называли «Петербургской Золотой ручкой». Самая знаменитая в России аферистка занималась своим промыслом при старом режиме, во времена Керенского, при военном коммунизме и в годы НЭПа. Ее не остановили даже сталинские пятилетки.

Арфа как средство продвижения

Почтенный ювелир Сегалович приехал в Петербург из белорусского местечка и стал первогильдийным купцом в маленьком дворцовом городке Стрельна. Рядом, в Петергофе, находилась императорская резиденция. Каждое лето поблизости, в Красном Селе, происходили маневры гвардейского корпуса. У купца росли две хорошенькие дочери, на которых заглядывались молодые поручики и корнеты. Особенно бойкой считалась старшая – Хая. Она родилась в 1869-м, на год раньше Владимира Ленина. Рассчитывать на брак с гвардейским офицером купцы Сегаловичи не могли, гвардейцы женились только на дворянках хорошего рода. Почтенный отец семейства пребывал в постоянном волнении, как бы легкомысленная дочь не «принесла в подоле».

Къ аресту петербургской Эмберъ.

— Ахъ, попалась птичка, стой!
Не уйдешь изъ кѣтки!
Такъ поютъ близъ птички той
Глушенья дѣтки.
Длиненъ будетъ птички путь,
Судьбѣ будутъ строги...
Но удасть-ль имъ вернуть
Деньги и залог?!..

Газеты окрестили преступницу «петербургской Эмбер», по имени знаменитой французской мошенницы и немецкой шпионки

Сегаловичи – евреи. По законам Российской империи, иудеи могли жить в черте оседлости: на территории нынешних Белоруссии, Украины и Литвы. Но коммерческий талант Зельда

Сегаловича позволил сколотить ему капитал и стать купцом первой гильдии, а первогильдийным купцам разрешалось жить даже в столице. Еврейский мир замкнут, иудейка может выйти замуж только за иудея. А Хая Зельдовна Сегалович мечтала вырваться из купеческой лавки, жаждала жить в Петербурге, вести светскую жизнь, с детства она наблюдала за веселыми гвардейцами и их подругами.

Рядом с домом Сегаловичей ежегодно снимал на лето дачу профессор Петербургской консерватории, крупнейший в Европе арфист, обрусевший немец Альберт Цабель.

Ему 60 лет, он – вдовец. Хая брала у него уроки игры на арфе. Когда профессор Цабель неожиданно сделал ей предложение, она, ни минуты не раздумывая, ответила согласием. Лучше жить в столице, быть лютеранкой, как муж, не подвергаться никаким ограничениям и стать частью праздной, беспечной и нарядной столичной публики. Ее не смущало, что жених на 40 лет старше, что ей придется порвать с верой предков.

Сегаловичи были «на седьмом небе» от предложения Цабеля. Профессор консерватории, солист оркестра...

Никаких чувств к жениху Хая Сегалович, ставшая после крещения Ольгой Григорьевной Цабель, не испытывала, – это был классический брак по расчету. С того времени она никогда не выходила замуж по любви.

Ольга вертела арфистом, как хотела. Она вселилась в его роскошную профессорскую квартиру и тут же распушила хвост.

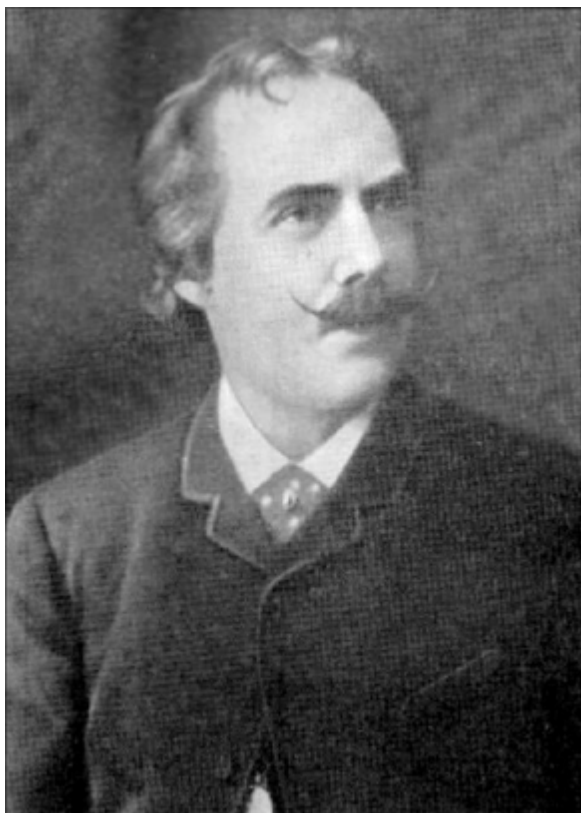
При императорском дворе существовали арапы, чернокожие лакеи. Однажды на прогулке по Стрельне Ольга встретила африканца с тюком. Это был проворовавший арап, изгнанный великим князем Константином Константиновичем за пьянство и амуры с горничными. Они познакомились. Вскоре Рауль, так звали арапа, устроился танцором в Петербурге, и когда Ольга стала госпожой Цабель и переехала в столицу, они возобновили знакомство.

Ольга редко удостаивала супруга своим вниманием. У нее было множество ухажеров. Но скандал разразился только тогда, когда неожиданно рано вернувшийся с концерта муж обнаружил Ольгу в супружеской постели с чернокожим чечеточником.

Альберт Генрихович потребовал развод. Ольга об этом и мечтала, только игра должна была происходить по ее правилам. Ей было выгодно предстать в глазах общества не хищницей, а жертвой. По всему городу она распространяла слухи, что старый сладострастник Цабель имеет множество любовниц – студенток консерватории, и ей с этим мириться невозможно. Ее жалели. Она была прирожденная актриса и могла с равным успехом

имитировать как пылкие страсти, так и скромную набожность, о таких говорят: «Она лгала, как пела».

Петербург – город строгий. Если в измене обвинят мужа, Ольга сможет продолжать светскую жизнь, если же выяснится ее неверность, – путь в общество будет закрыт. Надо было хлопотать об устраивающих ее условиях развода.

Профессор Петербургской консерватории Альберт Цабель

Ольга прожила с Цабелем пять лет. Пообвыклась в Петербурге и приобрела множество связей во всех слоях общества, она знала, к кому обратиться. Ольга заручилась рекомендательными письмами и пошла на прием к всемогущему Константину Победоносцеву, обер-прокурору Синода. Все дела о разводах решались в Синоде, ее будущая жизнь находилась в руках обер-прокурора. Константин Победоносцев был известным юдофобом, но случилось невероятное: 75-летний сановник страстно влюбился в Ольгу Цабель.

Цабелю объяснили, что если он хочет остаться профессором консерватории, то лучше пойти на уступки. Пока шел бракоразводный процесс, Ольга поселилась отдельно.

Королева «доминиканцев»

На 11-й линии Васильевского острова до сих пор высится роскошный барский особняк (дом № 18). В этом доме и жила Ольга Григорьевна Цабель.

Особенно нарядно и богато выглядел особняк в 1902 году. На зеркальных цельных окнах не было никогда ни песчинки. Бронзовые ручки блестели, как золото, лестницу покрывали персидские ковры. Сквозь окна любопытный прохожий мог видеть дорогие занавесы, тропические растения.

Весело и привольно жили обитатели этого дома. Каждый вечер у подъезда останавливались богатые ландо, кареты, зимой часто подъезжали тройки. И посетители, по большей части, были все люди знатные, виднелись генеральские эполеты, придворные мундиры. Здесь случалось бывать и Константину Победоносцеву, и петербургскому градоначальнику, мздоимцу и селадону Николаю фон Клейгельсу, и его предшественнику Виктору фон Валью.

Для «соломенной вдовы» Ольга Цабель жила очень даже неплохо. Можно было только гадать, откуда такое благополучие. Ее муж, конечно, был прочно устроенный человек, но не богат.

У Ольги Григорьевны собиралось самое пестрое общество – почтенные сановники, молодые актрисы частных и императорских театров, гвардейские офицеры, промышленники. Салон Ольги Цабель стал негласным деловым центром Петербурга. Ольга Григорьевна одевалась всегда в самое модное и дорогое. У нее был свой французский парикмахер, ее шляпы славились размером и экстравагантностью. У титулованной знати она слыла дамой с дурным вкусом, как тогда говорили, «мовешкой». Но биржевым маклерам, столоначальникам и провинциальным купцам она казалась шикарной.

А по утрам в особняк на Васильевском приходили люди совершенно иного сорта, бедно одетые, скромные. Нерешительно поднимались они по роскошной лестнице и робко докладывали о себе чернокожему лакею. Чудаки! Они тогда не знали еще, что являются фактическими собственниками и этого особняка, и его роскошной обстановки, что на их кровные трудовые деньги пируют по вечерам гости этого дома.

Напротив Казанского собора на Невском проспекте находился ресторан «Доминик». Скорей даже не ресторан, а закусочная. Публика там была не то чтобы высокого пошиба. Завсегдатаев называли «доминиканцами». Все знали, что они, в общем, жулики, Бог весть чем промышляющие. Какие-то дела

обстрепывающие. И Ольга стала их королевой.

Столица манила предпринимателей со всей России. Многие мечтали получить казенный подряд. Известно было: главное – попасть к чиновнику, распределяющему подряды, и заинтересовать его материально. Прийти в министерство с улицы было невозможно, нужен был посредник. Недорогой ресторан «Доминик», в самом центре столицы, стал неформальным клубом тех, кто сводил вместе коммерсантов и чиновников. Сама Ольга в «Доминике» не появлялась, но там всегда дежурил ее человек. Найти его было несложно, это бывший танцор – управляющий делами Ольги Григорьевны.

Среди «доминиканцев» знали: самые выгодные подряды можно достать через госпожу Цабель, которая пользуется особым расположением самого Константина Победоносцева. О ее высоких связях, возможности устроить на службу, в «Доминике» ходили легенды. Говорили: она любовница то ли градоначальника, то ли обер-прокурора Святейшего синода. Чиновники не отваживались отказать приятельнице обер-прокурора ни в одной просьбе и не смели требовать за это ничего взамен. Коммерсанты платили прямо Ольге Цабель, ставки ее были высоки. За короткий срок Ольга сказочно обогатилась.

Но главным ее промыслом было не коммерческое посредничество, а обыкновенное мошенничество.

Несостоявшиеся управляющие

В старой России было так: поступал на работу – вносил залог. Если что-то напорочишь, например испортишь вещь, то убыток покрывали из залога. Даже половой в трактире, прежде чем начать обслуживать посетителей, обязан был внести в буфет 5–10 рублей. Вдруг разобьет посуду, а платить будет нечем. То есть, если ты не можешь внести залог, то и на работу не поступишь. И для многих людей это было большой проблемой. Ну а уж если соискатель планировал распоряжаться действительно дорогим имуществом, и залог должен был вноситься соответствующий. Когда человек уходил со службы, залог возвращался.

Гавриил Романович Свешников – человек экононый, разумный, потомственный почетный гражданин. 17 сентября 1902 года он прочел газетное объявление: «Ищут дачного секретаря и управляющего делами и домами на жалование 150 рублей в месяц. Приходить только людям знающим, требуется залог до 8 тысяч рублей».

Отправившись по указанному адресу, он был встречен очень любезно самой Ольгой Григорьевной. Она показала ему свою квартиру, обратила его внимание на роскошную обстановку, а затем заявила, что ввиду большого количества дел решила нанять двух человек: управляющего и секретаря. Если же Свешников желает совместить обе должности, то должен увеличить залог с 8 до 25 тысяч рублей. После некоторого колебания Свешников согласился, и на другой день вручил Ольге Цабель деньги. Она запечатала их в конверт и на его глазах поместила в несгораемый шкаф.

Обязанности Свешникова должны были заключаться в управлении домами Цабель и ведении ее личных дел, которые она рисовала грандиозными. И золотые прииски были у нее в Сибири, и лежали деньги в разных акционерных предприятиях, и кредитором она являлась многих лиц по весьма крупным суммам. Словом, как говорила она, у Свешникова при заведовании ее делами всегда будет лежать в письменном столе минимум 20 тысяч рублей.

Но время шло, а никаких дел Свешникову она не передавала, оттягивая встречи с ним под разными предлогами, и наконец заявила, что уезжает за границу, и тот должен съездить в Москву за получением 120 тысяч рублей по закладной. А ввиду этого, госпожа Цабель потребовала, чтобы Свешников увеличил свой залог еще хотя бы на 25 тысяч. И не смевший подозревать в мошенничестве богатую даму, у которой бывали сильные мира

сего, Свешников отдал ей последние деньги – еще 20 тысяч рублей.

Никакой закладной в Москве не было, Цабель находилась за границей и вскоре прислала ему телеграмму с просьбой выслать еще 2 тысячи рублей. Этого Свешников при всей своей доверчивости сделать не мог, так как не имел ни гроша. Когда, по возвращении нанимательницы из-за границы, поняв, что он обманут, Свешников обратился в суд, Ольга стала уплачивать ему время от времени небольшие суммы. Ее операции были в это время в самом разгаре, и она боялась огласки.

В это же время она приняла к себе на службу в качестве управляющего домом № 13 по Воскресенскому проспекту надворного советника Семена Зелинского, у которого взяла залог в 9 тысяч рублей. Убедившись, что в этом доме управлять нечем (он был заложен и перезаложен), а квартирная плата с большинства жильцов взята за много времени вперед, Зелинский предъявил Цабель иск и, получив исполнительный лист, описал ее обстановку. По описи судебного пристава вещей набралось на 15 249 рублей. Ольге приходилось худо, но она и тут вывернулась.

Упрашивая Зелинского отсрочить продажу обстановки, она выдала ему срочный вексель от имени своей сестры Марии Григорьевны Амбургер, оказавшийся впоследствии подложным. А когда все сроки и этого векселя прошли, она передала Зелинскому квитанцию государственного банка в приеме от нее 100 тысяч рублей. Но напрасно обрадованный Зелинский пошел с судебным приставом в банк получать свои деньги; на счете Цабель оказалось только 100 рублей, а три других ноля были приписаны в квитанции ею самой. В довершение всего, описанное у Цабель имущество оказалось растраченным. Большинство вещей было или продано, или заложено.

Генеральша фон Штейн

21 сентября 1902 года Ольга Цабель вышла второй раз замуж за старшего делопроизводителя 6-го класса Главного управления кораблестроения и снабжения флота Морского ведомства Георгия Федоровича Штейна, опрятного старичка. И хотя чин Георгия Федоровича соответствовал полковничьему, и муж был просто Штейн (без «фон»), Ольга Григорьевна стала называть себя генеральшей Ольгой фон Штейн.

Старичок старичку рознь. Это был старичок – очень хороший. Россия готовилась к войне с Японией, траты на судостроение многократно возросли.

Георгий Штейн распределял заказы на строительство крейсеров и береговых батарей. Ольга Григорьевна начала активно пользоваться именем своего влиятельного мужа. Директора верфей, управляющие судостроительными заводами приглашались все в тот же «Доминик». Чернокожий управляющий Ольги Григорьевны Рауль за 2 процента от суммы контракта обещал выигрыш в конкурсе на любой заказ Адмиралтейства. Но деньги вперед, – таковы условия. Морское ведомство в это время возглавлял любимый дядя Николая II генерал-адмирал Алексей Александрович. Общеизвестно: личные траты его были непомерны. Он был холостяк, содержал знаменитую петербургскую красавицу актрису Балетта. Говорили, что ее бриллианты стоят столько же, сколько броненосец. При великом князе воровство в Морском ведомстве процветало, поэтому предложения фон Штейн не вызывали у подрядчиков ни малейшего сомнения.

После «Доминика», заплатив задаток, заинтересованные в сделке отправлялись к самой Ольге Григорьевне, они понимали – дело надежное. Великолепная обстановка особняка, а главное, обворожительная хозяйка, принимавшая их, как какая-нибудь французская маркиза XVIII века, – все это внушало полное доверие.

Ольгу в какой-то момент, что называется, понесло. Как лошадь. Она совсем перестала разбирать, где право, где лево. Неслась, не разбирая дороги. Все ей было мало. Особняк, экипаж, негр в прислугах, бриллианты, туалеты. Многие брали взятки. Но компенсировали их какими-то услугами. А у Ольги все пошло в одном направлении. Брать она брала. Но делать уже ничего не успевала. И главное, она была ненасытна.

Новые жертвы Ольги Григорьевны

А между тем операции Штейн с залогами продолжались. Крестьянин Иван Трофимов нанят управляющим дома № 15 по Конной улице с залогом в 5 тысяч рублей. Но выяснилось, что дом по этому адресу принадлежит другому лицу, а Штейн – за границей. Залог получить не удалось.

Взят в качестве секретаря по судебным делам тайный советник Николай Карпеченко. С него аферистке, впрочем, удалось сорвать только 1 300 рублей.

Зато хорошо поживилась Штейн за счет мещанина Тимофея Иванова, которого, опять-таки, благодаря своей роскошной обстановке и обширным связям, убедила отдать на хранение по одной расписке 10 тысяч рублей, а по другой – 31 тысячу (а отдать ей деньги на хранение значило забыть о них навсегда).

Осенью 1904 года к Штейн обратилась жена инженера София Сарен, женщина опытная и неглупая, с просьбой выпросить в Первом страховом обществе ссуду ее мужу в размере 30 тысяч рублей. А шурин Штейн, Амбургер, состоял в этом обществе директором-распорядителем. Штейн попросила за услугу 2 тысячи рублей, 700 – авансом. Через несколько дней она заявила жене инженера, что дело устроено, и в подтверждение показала письмо одного из инспекторов общества. Сарен выдала Штейн остальные 1 300 рублей, но письмо, естественно, оказалось подложным.

Особняк на Васильевском вскоре продали с публичных торгов, но Штейн переехала в не менее роскошную квартиру на Марсовом поле. Сюда 19 февраля 1905 года пригласили для переговоров с генеральшей фон Штейн Иосифа Пржетульского. Получив с него 1 100 рублей залога, Штейн, по обыкновению, никаких дел «работнику» не поручила, а когда поляк стал упрашивать отдать его залог, отправила беднягу в полицейский участок.

Через два дня жертвой Штейн стал дворянин Игнатий Карназевич. С него удалось сорвать всего-навсего 700 рублей, а когда он подал жалобу прокурору, она возвратила только 100.

В марте 1905-го крестьянин Константин Марков узнал в «Доминике», что гофмейстрина (старшая фрейлина) высочайшего двора фон Штейн ищет заведующего хозяйством и, по совместительству, делопроизводителя. Ольга Григорьевна приняла Маркова и поставила перед ним непростые задачи. Она хочет построить дом на ставшей остро модной Петербургской стороне, участок хотелось бы приобрести рядом с особняком

Матильды Кшесинской. Но еще прежде Марков должен съездить в Австрию и там, на берегу Дуная, подобрать ей приличное шале. Как только выбор будет сделан, Ольга Григорьевна придет в Вену и оценит все на месте. Залог с Маркова Штейн взяла «божеский» – всего 3 тысячи.

Константин Марков отправляется в Австро-Венгрию, находит несколько подходящих шале. На оставшиеся деньги берет заграничный паспорт, покупает билеты, оставляет на расходы 100 рублей. И уже через неделю отчитывается перед нанимательницей: высылает планы и фотографии потенциальных домовладений.

В ответ приходят телеграммы: «Высылаю 5 тысяч рублей», «Приезжаю завтра», «Отъезд откладывается на четыре недели». Но ни деньги, ни генеральша в Вене не появляются. Несчастный уже не может заплатить за гостиницу, живет в ночлежке, просит милостыню на церковной паперти. На выручку ему приходит прихожанин, консул Российского посольства. Маркова за казенный счет отправляют обратно в Петербург. Не имея возможности найти Штейн, несчастный обращается за деньгами к Густаву Амбургеру, мужу сестры Ольги. И тот, будучи законопослушным немцем, возвращает просителю искомые 3 тысячи рублей.

Тогда же, летом 1905 года, Штейн облапошила отставного полковника Петра Арсеньева, передавшего ей в залог 4 тысячи рублей, которые она по обыкновению запечатала сургучной печатью и положила в сейф. Вскоре, узнав о репутации Ольги Григорьевны, Арсеньев потребовал деньги назад, угрожая прокурором. Ольга Григорьевна сказала, что немедленно отдать сможет только тысячу, которую и вытащила из портмоне. Убедившись, что конверт его давно распечатан, Арсеньев обратился в полицию.

Еще один способ заработка придумал светский приятель и любовник Ольги, дантист, выдававший себя за присяжного поверенного, Абрам фон Дейч. При помощи своего «юрисконсульта» она совершила весьма хитроумную операцию. 8 июля 1905 года Дейч явился к богатому коммерсанту, имевшему оптовый суконный склад на Думской улице, прусскому подданному Бенно Беккеру и попросил его одолжить госпоже Штейн 3 тысячи рублей. В подтверждение платежеспособности он предъявил Беккеру официальную бумагу из министерства иностранных дел за подписью вице-директора Бентковского, где сообщалось, что Ольга Штейн должна получить 9 июля наследство в размере 635 тысяч рублей из-за границы через государственный банк. Беккерс не устоял и дал 3 тысячи рублей,

тем более что Дейч утверждал, что деньги нужны лишь на три дня, для уплаты пошлины. Вскоре пошли уверения в связи с задержкой, а через несколько недель Дейч сознался в содеянном, в подложности документов. Как потом оказалось, под это же «наследство» были взяты деньги и у других.

Благотворительница

В России издавна была развита частная и церковная благотворительность. Особенно щедрыми жертвователями были купцы. В 1904 году фон Штейн становится членом правления Санкт-Петербургского благотворительного тюремного комитета и Санкт-Петербургского совета детских приютов.

Она объезжает дорогие магазины Невского проспекта и просит дать ей товары для благотворительных аукционов в пользу детей и заключенных. Называет дату предстоящего события, адрес зала, уверяет, что аукцион пройдет в присутствии высочайших особ. И купцы боятся ей отказать.

К этому времени Штейн переехала в роскошную квартиру на Сергиевской улице, в дом № 23. Она разъезжала по столице в блестящем экипаже с кавказцем-лакеем. В Петербурге не было ни одного крупного магазина, где ей не открыли бы солидный кредит. Штейн приезжала, выбирала вещи, отдавала распоряжение доставить их на дом со счетами. Покупки доставлялись на квартиру, а со счетами она предлагала прийти завтра. Не было причин сомневаться в этой роскошной даме, однако «завтра» тянулось годы...

11 апреля 1905 года в магазин братьев Елисеевых Штейн обратилась по телефону. У нее «по комитету» собирается много членов, нужны хорошие закуски и вина. Она просила выдать заборную книжку. В тот же день в магазин явился служащий Штейн и предъявил на официальном бланке директора правления, состоящего под Высочайшим покровительством санкт-петербургского дамского благотворительного тюремного комитета, следующее заявление: «Прошу выдать управляющему книжку на забор из вашего магазина на Невском. Жена статского советника О. Г. фон Штейн». Книжку выдали, и только за две недели по ней было забрано вин и закусок на 668 рублей 65 копеек.

15 октября Штейн приобрела 4 ковра из магазина А. Саркисбекянца на Вознесенском проспекте, а в уплату дала ордер в 1 тысячу рублей на свою, в действительности несуществующую контору. Следующим был магазин мехов фирмы «Ф. Л. Мертенс» в доме № 21 по Невскому проспекту. Роскошные горностаевые боа из магазина мошенница вскоре заложила в ломбард.

Самой популярной у купечества газетой был ежедневный «Петербургский листок». Его репортеры освещали все, даже совсем незначительные события столичной жизни.

К своему удивлению, ни Елисеевы, ни Саркисбекянец, ни

Мертенс не обнаружили никаких сведений об аукционе в пользу Совета детских приютов.

Еще одно начинание Ольги Штейн – лазарет для раненых воинов на Царицынской улице (на квартире Ольги Григорьевны). Шла русско-японская война, и многие светские дамы отдавали часть своих особняков под больницы.

Хитрость заключалась в том, что в квартире на Царицынской никакого лазарета не было. Зато на помощь изувеченным солдатам охотно давали деньги. Собственно, эта затея и погубила Ольгу Григорьевну.

Вначале все шло, как обычно. Артельщиком в лазарете стал крестьянин Марк Монахов; ему было обещано 500 рублей в месяц при готовой квартире. Сумма баснословная, на месте Монахова следовало бы задуматься. Но он отдал Ольге Григорьевне 600 рублей залога и пополнил ряды несчастных потерпевших.

В январе 1905 года Штейн пригласила заведовать хозяйством лазарета еще одного человека, отставного фельдфебеля Григория Десятова, человека заслуженного и немолодого.

Десятов служил вахтером в престижнейшем Училище правоведения. Ольга Григорьевна не приняла этот факт во внимание. Училище было перворазрядным закрытым учебным заведением, вроде Лицея. В него принимались юноши из потомственных дворян. В городе воспитанники училища получили прозвище «**чижииков-пыжииков**» (они носили желто-зеленый **мундир** и треугольную шляпу, зимой – **пыжииковую** шапку). Училище готовило чиновников, прежде всего для министерства юстиции. Правоведы держались вместе, были дружной семьей. К 1905 году они имели огромное влияние при дворе, в столице и в России.

Предложила генеральша Десятову жалование 100 рублей в месяц и обещала устроить его единственную дочь сестрой милосердия в одну из петербургских больниц. Ну и, естественно, взяла залог. Это были все сбережения отставного фельдфебеля – 3 тысячи рублей. Дальнейшее понятно: старик обивал пороги Штейн, ничего не получил, заболел, слег и умер 16 марта 1905 года, оставив семью без всяких средств существования.

Всему городу было известно: Штейн покровительствует всемогущий Константин Победоносцев, ссориться с ним себе дороже. В суд никто из коммерсантов не подавал. Но в 1905-м Константин Победоносцев был отправлен в отставку и вскоре умер.

Еще один покровитель Ольги Григорьевны, Николай фон Клейгельс – петербургский градоначальник. С ним, по общему мнению, Ольга Григорьевна находилась в связи.

Как писал о Клейгельсе Сергей Витте, «Клейгельс полюбился государю, вероятно, за свою наружность бравого кавалериста. Николай Васильевич был весьма ограниченным и малокультурным человеком, и более знал природу жеребцов, нежели природу людей. От него выходят бумаги только с двумя резолюциями: “к исполнению” и “поступить по закону”».

Зато в деньгах он разбирался прекрасно и через подставные фирмы снабжал город сеном, овсом и дровами из своих имений; дрова для отопления полицейских зданий также доставлялись из его имений. Герой другого нашего очерка, генерал Сухомлинов, сам не дурак по части взяток, писал о Клейгельсе: «При утверждении постройки Троицкого моста за фирмой Батиньоль много миллионов пришлось на его долю. Крупная, импозантная фигура Клейгельса не соответствовала его внутренним качествам – мелкого, тщеславного человека».

Но в 1904 году Клейгельса перевели в Киев генерал-губернатором, и там он допустил такую позорную нераспорядительность, что вскоре вынужден был выйти в отставку. Защитить свою подругу Ольгу Григорьевну он больше не мог.

Российские люди и сейчас, и в те времена в суд идти боялись. Без адвоката там не разберешься, а на адвоката нужны деньги. Это не каждый мог себе позволить. Да к тому же они видели: на стороне Штейн власти, полиция. И Ольга, конечно, построила все свои дела на том, что люди не пойдут с ней судиться. А они взяли, да пошли...

Толчком стала, как уже говорилось, смерть вахтера Училища правоведения Григория Десятова. На его похоронах правоведы, помнившие Григория Ивановича с детства, собрали деньги для того, чтобы восполнить траурные расходы и помочь семье. Но, в конце концов, они были юристы, прекрасно понимали, почему Штейн так долго оставалась неуязвимой, и им было известно: сейчас, в конце 1905 года, ее бывшие покровители не помогут.

Немедленно возбудили уголовное дело. Начали вызывать свидетелей и потерпевших. Поступили десятки исков от обманутых Штейн простаков. И перед прокуратурой постепенно нарисовался колоссальный объем ее афер. Ольга Григорьевна считала, что ей ничто не угрожает. Да ей было и не до суда. Впервые в жизни у 36-летней авантюристки появилось сильное любовное чувство – капитан-лейтенант Шульц, офицер гвардейского экипажа, пылко влюбился в нее. Штейн не расставалась со своим любовником, он готов был выйти в отставку, чтобы на ней жениться.

Февраль 1906 года. Газета «Петербургский листок» торжествует: «Госпожа фон Штейн, наконец, попалась! В течение нескольких лет она не только безнаказанно совершала в Петербурге самые разнообразные деяния, предусмотренные 15-м томом Свода законов, но еще и терроризировала своих жертв. Газеты окрестили ее «петербургской Эмбер», по имени знаменитой французской мошенницы и немецкой шпионки, ставшей героиней шумного судебного процесса в Париже на рубеже веков.

Имущество Ольги Григорьевны описали, но саму ее не арестовывали. На время следствия и суда она находилась под подпиской о невыезде и внесла залог в 10 тысяч рублей.

Она, как всегда, не унывала и находила способы оказаться то в театральной ложе, то у модистки, то гуляющей на островах. Ее всюду сопровождал блестящий военный офицер Евгений Шульц.

Осенью 1907 года начался суд. От процесса многие ждали оглашения имен высокопоставленных покровителей Ольги Григорьевны. Пресса смаковала возможные варианты. «В нем пройдет интересная галерея субъектов простых, наивных, доверчивых – с одной стороны, а с другой появятся люди, эксплуатировавшие самым беззастенчивым образом то бесправие русского человека, которому теперь, слава Богу, приходит конец», – предполагал «Петербургский листок».

ПОХОЖДЕНИЯ „БАРОНЕССЫ“ ОЛЬГИ ШТЕЙНЪ

(Изъ залы суда)

Из России в Америку

Защищала аферистку целая бригада адвокатов во главе с известнейшим юристом, депутатом Государственной думы Осипом Яковлевичем Пергаментом. Шепотом говорили об огромных гонорах, полученных ими от Штейн.

В свидетели обвинения выстроилась целая очередь. Выяснялись подробности одна другой любопытнее, пикантнее. Защита выбрала, в свою очередь, необычную тактику. Родные Штейн стали доказывать, что она психически ненормальна. Пресса, обвинители, публика, – все были возмущены, видя, что это подлог, единственный шанс для Штейн уйти от заслуженного наказания.

Но психиатрическая экспертиза дала неутешительные для защиты результаты. Знаменитый профессор Бехтерев подытожил мнение столичных психиатров: Штейн абсолютно нормальна, никаких отклонений.

Штейн сознавала: последняя зацепка для оправдательного решения отпала. На первых двух заседаниях она смиренно занимала еще непривычную ей скамью подсудимых. К третьему, 4 декабря 1907 года, исчезла.

Полиция понимала, с кем имеет дело. За Штейн круглосуточно следили городовые и шпики. Так было в вечер 3 декабря, когда Штейн вместе со своим возлюбленным капитан-лейтенантом Шульцем отправилась на Пушкинскую улицу в квартиру одного из адвокатов, Леонтия Базунова, где собрались все ее защитники. На следующий день ожидается оглашение приговора, он почти наверняка будет обвинительным, и Штейн арестуют прямо в зале суда. Адвокаты обещают подать кассационную жалобу, но в любом случае ей придется посидеть в тюрьме.

Они не знали, что у Ольги Григорьевны был свой план на случай неминуемого ареста. Через некоторое время из квартиры вышел офицер в морской форме и сел на извозчика. «Это Шульц», – решили сыщики. А часа три спустя из парадной вышел... настоящий Шульц, правда, в штатском.

Полицейские поняли, что их обманули. Шульц был доволен, фон Штейн в его мундире уже пересекла границу Великого княжества Финляндского. Пока она не арестована, оставался единственный шанс – побег за границу. Российские коммерсанты нередко так и решали свой конфликт с прокуратурой. Но полиция не была склонна шутить, городовые немедленно арестовали капитан-лейтенанта.

План Штейн и Шульца сорван. Задумывая аферу с переодеванием и побегом, они рассчитывали, что Шульц будет вне опасности. После удачного исчезновения Штейн, он через неделю-другую последует за ней за границу. Там сообщники смогут пожениться, сменить фамилию и зажить спокойной праздной жизнью.

Побег авантюристки вызвал страшный скандал у публики и в судебных кругах. Русская прокуратура готова была достать Штейн из любой точки земного шара.

Казалось бы, Америке не привыкать к мошенникам. Но молодая страна обожала европейскую аристократию. Иметь знакомство с русской графиней – мечта любого янки. Это Ольга Григорьевна сразу почувствовала своим звериным чутьем и, поселившись в знаменитой гостинице «Уолдорф Астория», стала выдавать себя за русскую аристократку, ожидающую со дня на день миллионное наследство. Когда Штейн сошла на американский берег, у нее было всего 168 долларов, но русской графине одалживали столько, сколько она просила. Однако в Америке «стареющая львица», как красиво называли ее на суде, узнала об аресте любимого. В Нью-Йорке он в ближайшие годы не появится. Неожиданно она затосковала и совершила серьезную ошибку.

Она послала в Россию душераздирающие письма и телеграммы: «Срочно. Петербург, угол Сергиевской и Воскресенской, дом Чижовой, Пергаменту. Теряю последнее самообладание. Умоляю, прикажите телеграфировать: станция Бреславль, до востребования пассажиру первого класса, литеры три “В”. Если не получу – приеду обратно. Друг».

Американский адрес Штейн выяснили, перлюстрируя письма из Нью-Йорка, приходившие для сидевшего в предварительном заключении Евгения Шульца, – их получал парикмахер Самойлов, который должен был передавать письма арестанту. «Приезжай, все будет по-твоему, и деньги всегда будут, и все сделаю, что нужно... без тебя мне не надо свободы». В этих посланиях оказался обратный адрес: Нью-Йорк, д-р Чарльз Ягер, Южный центральный парк, 24.

Адвокат Пергамент получил письма из Нью-Йорка за подписью Амалии Шульц и телеграмму: «Опасно. По телеграфу 500 долларов. Адрес: Бродвей, 302, адвокату Дробчинскому».

Как только депутат исполнил просьбу, русская полиция через консульство потребовала от американского правительства ареста получательницы этих денег, подозреваемой в побеге от суда.

10 марта 1908 года нью-йоркская газета «Сан» напечатала сенсационный материал: «Мошенничество на 100 тысяч рублей –

обвинение выдвинуто против Ольги Штейн, арестованной в «Шорхэме».

«Ее отправили в Манхэттенскую тюрьму Томбс прямо в черной котиковой шубе и шапке по настоянию шефа российской криминальной полиции, расположенной в Петербурге».

«Ольга Штейн, которую Россия пытается экстрадировать по обвинению в мошенничестве и воровстве, совершенным в Петербурге, предстала перед уполномоченным Шилдзом вчера. Это крупная женщина в шубе и шапке из черного морского котика».

Русские власти уже некоторое время разыскивали ее и обнаружили недавно, что она живет в гостинице “Шорхэм”, где она и была задержана комиссаром Хенкелем вчера вечером.

Обвинение, от лица которого выступил князь Николай Лодыженский, генеральный консул России, утверждает, что миссис Штейн набрала займов на 100 тысяч рублей под 100-рублевый вексель государственного банка Петербурга и обналичила их. Утверждается, что все это она проделала в 1905 году. Между 11 мая 1904-го и 31 января 1906-го миссис Штейн присвоила различную собственность на сумму 100 790 рублей.

Джон Мюррей из адвокатского бюро братьев Кудерт, представлявший интересы российского консульства, заявил, что пока не получил бумаги о деле из России, поэтому детали ему неизвестны. Миссис Штейн около 40 лет, ее считают очень одаренной, она бегло говорит по-немецки, по-английски, по-французски и по-русски. Арест, кажется, не произвел на нее большого впечатления. Ее направили в Манхэттенскую тюрьму, допрос назначен на следующий понедельник».

«Миссис Штейн приехала в отель “Шорхэм” 24 января и зарегистрировалась под именем миссис Шульц. Она заявила менеджеру отеля Флойду, что приехала из Милана и что ее муж, русский морской офицер, должен приплыть к ней в мае на борту русского крейсера, а вместе они намерены вести в Нью-Йорке оживленную светскую жизнь. О себе она рассказала, что страдает от нервного расстройства, но проходит лечение и надеется поправиться к моменту возвращения мужа».

Управляющий отелем также рассказал, что миссис Штейн приехала на машине в сопровождении еще одной дамы и представила рекомендательное письмо от парижского терапевта, подтвержденное доктором Ягером с Южного центрального парка, 24. После допроса в доме доктора Ягера выяснилось, что парижского терапевта зовут доктор Жорж Петрович, он лечил когда-то одного из родственников доктора Ягера в Париже. Как выяснилось, доктор Петрович знал эту женщину только как особу,

живущую в одном из лучших отелей французской столицы, и ничего об ее прошлом ему известно не было. В Париже она останавливалась под именем мадам Рихтор в отеле “Бреслин”.

В отеле “Шорхэм” Штейн привлекала внимание, тратя непомерные суммы на телефонные звонки, телеграммы и экипажи. Она никогда не покидала отель пешком. Менеджер Флойд заявил, что она должна отелю 300 долларов, и что ее счет до 6 марта обеспечен поручительством Исаака Доброжинского, адвоката с Бродвея, 302. Она часто отсылала телеграммы сестре в Милан, где, как она рассказывала, недавно умер их брат, оставив большое состояние, из которого она должна была получить 5 миллионов долларов. Она говорила, что ее ежемесячный доход – тысяча долларов и требовала особую горничную, которая говорила бы по-французски и по-русски.

Вчера Доброжинский заявил, что не брал поручительства за счета этой женщины, однако сообщил, что он принял ее за представительницу богатой русской семьи из Петербурга. Штейн рассказывала, что у ее сестры, которая живет в Петербурге, состояние в 20 миллионов долларов. Она никогда не платила Доброжинскому за услуги, однако он заявил, что будет защищать ее в Федеральном суде в следующий понедельник».

«Нью-Йорк Трибюн» писала об аресте Штейн так: «Задержана русская женщина, утверждают, что она мошенничала по схеме Терезы Гумберт в Санкт-Петербурге».

Миссис Ольга Штейн, русская, была арестована вчера в отеле «Шорхэм» приставом Хенкелем по ордеру об экстрадиции, содержащему обвинения в хищении, растрате и мошенничестве на сумму, превышающую 100 тысяч рублей.

В прошлом декабре миссис Штейн произвела сенсацию в Санкт-Петербурге, когда сбежала из страны, находясь под залогом. Она вращалась в высших кругах и считалась обладательницей состояния в миллион долларов. Утверждают, что она получала в долг крупные суммы под залог будущего наследства во Франции и якобы принадлежавшей ей в Петербурге недвижимости. Среди обвинений миссис Штейн есть обман определенных лиц на сумму в 30 тысяч долларов».

17 марта 1908 года новая статья в «Сан»: «Русская готова вернуться на родину – если Россия согласится предъявить ей только обвинение в подлоге».

Ольге Штейн надоело сидеть в тюрьме Томбс и она надеется уплыть в Россию на этой неделе. Нужно дождаться бумаг. Она утверждает, что невиновна.

Ольга Штейн, русская женщина, которая была арестована 9 марта по жалобе князя Николая Лодыженского, генерального

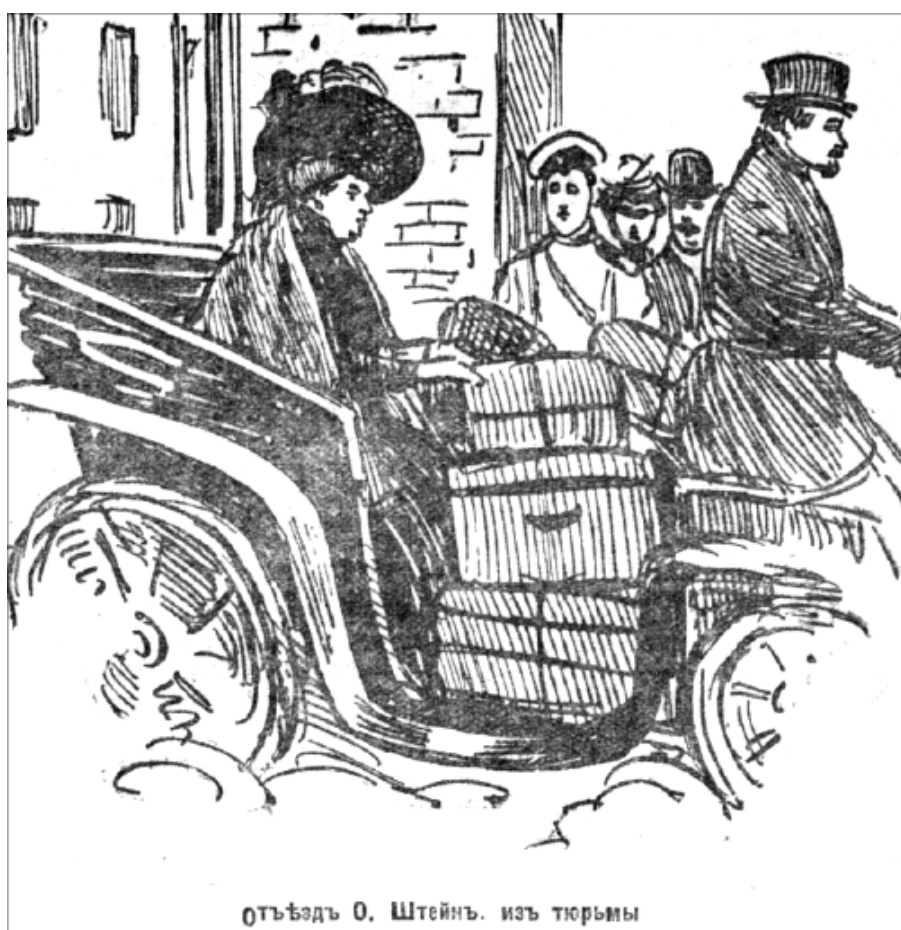
консула России в Нью-Йорке, который озвучил обвинения в мошенничестве и хищениях собственности в России, заявила вчера уполномоченному Шилдзу через своего поверенного и нескольких переводчиков, что она желает ускорить процедуру экстрадиции и поехать прямо в Россию, при условии, что русский посол представит письменное обязательство, что в России ей будет предъявлено только обвинение в подлоге. Женщину отправили обратно в тюрьму в ожидании, пока придут документы из России, а также пока консул примет решение – отпускать ли ее на таких условиях».

После недели, проведенной в Манхэттенской тюрьме, она предстала перед комиссаром в крайнем волнении. На ней были дорогие меха и изрядное количество драгоценностей. Она возбужденно переговаривалась на французском, немецком и русском со своим адвокатом Исааком Доброжинским и явно не была настроена провести еще хоть сколько-нибудь времени в тюрьме.

Поверенный миссис Штейн наскоро поговорил с ней и обратился к комиссару Шилдзу:

«Моя клиентка заявляет, что она преисполнена желания...», – но комиссар Шилдз прервал его, чтобы удостовериться, что женщина осведомлена о своих правах, прежде, чем она сделает какое-либо заявление. Миссис Штейн немедленно отреагировала, торопливо заговорив по-французски, а затем перешла на английский и сказала, что ей придется общаться через переводчика, так как она недостаточно владеет языком, чтобы понимать детали юридического процесса. Марк Джейкобс, адвокат, владеющий русским, предложил свои услуги. И так, обращаясь по-русски к Джейкобсу и по-немецки к своему поверенному, миссис Штейн удалось передать заявление Суду.

«Моя клиентка желает заявить, – повторял Доброжинский за ней, – что она бы хотела, чтобы уполномоченный выписал ордер на ее возвращение в Россию, при условии, что она предстанет перед русским судом только по обвинению в подлоге, которое выдвигают против нее русские власти. И она выдвигает условие, что русский посол или генеральный консул в Нью-Йорке, тот, у кого есть на это полномочия, выдаст обвиняемой письменное соглашение, подтверждающее, что будет предъявлено только обвинение в подлоге, и, кроме того, в случае, если она будет оправдана, она сможет вернуться в Америку без риска, что ей будут предъявлены иные обвинения».

Мюррей заявил, что у него еще нет официальных обвинительных актов из России и попросил перенести решение вопроса до 1 апреля, среды.

«Но когда же я вернусь в Россию?» – внезапно вставила миссис Штейн на своем прекрасном английском.

«Ну, как только придут документы, я в два дня извещу вашего адвоката, и слушание будет назначено незамедлительно», – ответил Мюррей.

«Но человек из генерального консульства обещал мне, что я смогу уехать уже в субботу», – настаивала женщина.

«Это невозможно», – краткоотреагировалуполномоченный Шилдз, и комиссар Хенкель сопровождал ее обратно в Томбс.

Газета «Сан» от 10 апреля 1908 года: «Ольга Штейн возвращается в Россию. Она решила согласиться на экстрадицию и предстать перед обвинением.

Вчера Ольга Штейн предстала перед уполномоченным Шилдзом, одетая в шубу из морского котика и шляпку из белого

каракуля, и заявила, что согласна немедленно вернуться в Россию. Она заявляет, что невиновна ни по одному из пунктов обвинения и хочет вернуться на родину, где у нее есть друзья и состояние. Она отправится в Россию, как только необходимые бумаги придут из Вашингтона».

Тюрьма и ссылка

Летом 1908 года Штейн этапировали из Нью-Йорка в Петербург. Второй суд над мошенницей в Петербурге состоялся в декабре 1908 года.

На этот раз ей грозила каторга, но Ольга Григорьевна решила купить снисхождение предательством соучастников: она передала в руки следствия записи, сделанные для нее Пергаментом при устройстве побега. Штейн показала, что о побеге знали и двое других адвокатов, а также дала показания в отношении присяжных поверенных Леонтия Базунова и Григория Аронсона. Против депутата Думы Осипа Пергаamenta по требованию руководства думских фракций начали парламентское расследование. Решался вопрос о привлечении депутата к уголовной ответственности за «попустительство» и «укрывательство». А это – позор.

16 мая 1909 года Осип Яковлевич Пергамент впрыснул себе в вену смертельную дозу морфия.

Ольгу Штейн приговорили к 16 месяцам тюремного заключения, с зачетом предварительного заключения. Ее родственники за это время успели выплатить большую часть долгов и, в результате, часть потерпевших отказалась свидетельствовать против нее.

Приговор Ольга восприняла гораздо спокойнее, чем другое известие: Шульц бросил ее. Он не отвечал на письма и, освободившись из тюрьмы, вышел в отставку и уехал во Владивосток капитаном торгового судна.

В марте 1910 года Штейн вышла из Царскосельской женской тюрьмы. К этому времени ее имя стало нарицательным. Взглянуть на знаменитую мошенницу приходили десятки любопытных. Штейн выслали из Петербурга в уездный город Остров.

Вскоре в городе появились афиши: «В непродолжительном времени в театре «Аркадия» состоится благотворительный концерт с участием проживающей в городе Острове Ольги Григорьевны Штейн, которая благосклонно изъявила согласие спеть несколько романсов». Учитывая ажиотаж, администрация театра просила заблаговременно записываться на билеты. Цены были баснословно высокими, до 50 рублей за место. Штейн, наверное, могла бы неплохо прокормиться музицированием. Но это было не для нее. В Острове она затосковала, постная была жизнь, а Штейн всегда питалась «живой кровью».

Второе дело

Ольга Штейн вновь взялась за старое. Остров – не Петербург; деньги – в столице. Но с фамилий Штейн в Петербурге лучше не появляться.

Газеты начала XX века пестрели объявлениями профессиональных свах и специальных брачных бюро. К услугам посредников прибегали в основном люди немолодые, одинокие, небогатые. Речь не шла о взаимной любви или эротике. Гвардейцы и сановники через газеты искали содержанок. «Средний класс» решал важные житейские задачи: обрести материальную опору, найти отчима или мачеху для осиротевших детей. Меняли города, хотели улучшить социальный статус.

КЪ ПОСТУПЛЕНІЮ Г-ЖИ ШТЕЙНЪ НА
СЦЕНУ.

Штейн обратилась к Остахову, комиссионеру по брачным делам. Она сказала, что нуждается в смене фамилии, так как ее преследуют. Она намекнула, что очень богата, продемонстрировав письма от влиятельных людей, одно из них от графа Будберга.

Остахов предложил Штейн познакомиться с бароном Остен-Сакеном, который нуждался в деньгах. Он изобрел верную систему выигрывать в рулетку и собирался ехать в Монте-Карло, а потому ему необходимы были средства – 10 тысяч рублей. Штейн воскликнула: «Ах, берите и больше, но дайте мне мужа посановнее». Остахов передал разговор барону, честно сообщив, что его невеста – знаменитая мошенница Ольга Штейн. Тот

ответил: «Ничего, фамилию она переменит, а в Монте-Карло мне очень хочется». Состоялись смотрины, встреча, ужин, вино. Барону приглянулась невеста.

Комиссионер предупредил Штейн: она как лишенная дворянских титулов по суду, не сможет именоваться «баронессой». На это уверенная Ольга Григорьевна отвечала: «У меня большие связи, и я все устрою». Штейн обещала барону 6 тысяч рублей, а комиссионеру – 4 тысячи и выдала расписку на всю сумму.

На следующий день Остахов созвонился со Штейн. Она потребовала вернуть вексель: «Он мне не понравился, он слишком худ и плохо говорит по-английски». Когда Остахов отказался отдать расписку, Штейн пригрозила полицией.

А через некоторое время Остахов узнал, что Штейн вышла замуж за барона фон дер Остен-Сакена, но обещанные на Монте-Карло деньги не дала. Тогда Остахов решил отомстить новоявленной баронессе. Вначале он прорывался к ней, требуя денег, затем донес, что баронесса Ольга Остен-Сакен – скандально известная Ольга Штейн, живущая по поддельному паспорту. Но у баронессы снова оказались могущественные покровители.

Приобретая баронский титул, Штейн наняла приличествующую ее положению виллу на станции Александровской, рядом с Царским Селом. И вновь доверчивые управляющие, которые проникались обаянием Штейн, ее роскошью, работали в ожидании денег, да и горничным, и кухаркам она старалась не платить.

Однажды Ольга Штейн прочла в газете объявление слушателя политехнических курсов Сигаева, который искал место управляющего. Пригласила к себе, окружила роскошью и блеском, рассказала: она богата, у нее есть 2 миллиона наличных и ей ничего не стоит израсходовать полмиллиона. Она уже обладает двумя имениями и хочет купить особняк на Морской. Сигаеву она предложила место управляющего с жалованием 125 рублей в месяц. Взяла у него залог в 1 850 рублей. Просила, вообще говоря, больше, но у слушателя не было денег. Штейн морочила Сигаеву голову несколько месяцев, пока он сам не понял, что обманут.

Баронесса меняла квартиры по сезонам. В новую, на Николаевской улице, пришел студент Чуринский. Его встретил лакей в белых перчатках, управляющий баронессы. Хозяйка приняла гостя в будуаре. Штейн объяснила: она «патронесса» общества Синего Креста, много занимается благотворительностью, тратит десятки тысяч рублей в год.

Чуринскому было предложено место секретаря общества. Он должен будет писать письма высокопоставленным лицам, заниматься раздачей денег другим благотворительным обществам. Естественно, попросила залог 2 тысячи рублей. У Чуринского было только 1 500. «Ну, что ж, – заметила баронесса, – в остальной сумме я за вас поручусь обществу, вы мне внушаете доверие». И какое-то время Чуринский, действительно, занимался тем, что раздавал свои деньги нуждавшимся. Потратил 20 рублей.

Вскоре Штейн попросила внести оставшиеся 500 рублей, в обществе-де недовольны малым размером залога. Студент, боясь потерять место, написал отцу, и тот, оторвав от себя последнее, выслал сыну необходимую сумму. Жалование Штейн секретарю, естественно, не платила. Обещала: когда удастся уладить дело с продажей богатого имения, она тут же все выплатит сполна.

Через 2 месяца Чуринский понял, что влип, и отправился в сыскную полицию. Там ему почему-то не поверили, предложили разрешить это дело мирно. Чуринский пошел к Штейн и был сражен наповал: та заявила, что знает о посещении им полиции. Испуганный Чуринский под диктовку баронессы написал заявление в сыскную полицию: произошло недоразумение. Однако это не помогло студенту вернуть свой залог.

Кроме Чуринского, появились еще два простака: Карнович и Астахов. Им она выдала себя за попечительницу детских приютов имени императрицы Марии Федоровны. Карнович и Астахов принесли в копилку Штейн еще порядка 3 тысяч рублей.

Штейн не гнушалась и «мелочевкой». В рамках следствия давала показания Иоганна Фидршпиль, у которой был свой «кабинет массажа» на Бассейной улице. У нее баронесса просто украла косметические препараты на тысячу рублей.

Незадолго до ареста Штейн заехала на авто в табачный магазин Шмеца и купила на несколько рублей сигар. В разговоре с хозяином магазина она заметила, что будет отныне закупать сигары только у него. В тот же день она заехала к торговцу, рассказала, что ее ограбили, похитили ридикюль с деньгами. «Дайте мне, пожалуйста, несколько десятков рублей до завтра, мне надо кое-что купить». Владелец сказал, что все товары могут доставить к ней домой, где она расплатится. Штейн вывернулась, объяснив, что в злополучном ридикюле лежал ключ от несгораемого шкафа. Тогда Шмец отдал ей под расписку 30 рублей. Штейн сделала «ошибку»: в расписке написала вместо 30 рублей 50, Шмецу пришлось дать ей на 20 рублей больше.

Вновь, как и в 1902–1905 годах, Штейн заказывала в лучших модных магазинах палантины, боа, горжетки. Счет рос, и

баронесса объясняла: «У меня привычка платить сразу за весь заказ, 3–4 тысячи для богатых людей не страшны». Рассказывала о своих дачах, показывала план своего доходного дома на Каменноостровском проспекте. Случайно продавщица, ходившая к баронессе с закройщиком, узнала, что имеет дело со знаменитой Ольгой Штейн. Хозяин одного из магазинов предъявил счет на 4 500 рублей и потребовал деньги или вещи. Но ничего не получил. Оказалось, что сразу после получения нарядов, она тотчас же отправляла их в ломбард.

Никому из своих залогодателей баронесса не выдавала залоговых квитанций, а вручала векселя. Она уверяла: «Я беру залог, пока узнаю человека, а как узнаю, верну. По времени истечения срока векселя я определяю, что за человек». На самом деле, Штейн знала, что залоговая расписка – вещь опасная, а вексель – коммерческое дело. На суде Штейн признала себя виновной лишь в мелких растратах, об остальном она говорила: «Это ведь коммерческое дело... Я брала займы под векселя, а Сигаев, так тот прямо гонялся за мной: бери да бери деньги... Ну и взяла...»

Когда ее опознавали как Ольгу Штейн, она отвечала со вздохом: «Нет, я не Ольга Штейн; Ольга Штейн – гениальная женщина, и я хотела бы быть ею».

Шантаж во все времена был и остается очень доходным и относительно безопасным преступным промыслом.

Жертвам шантажа, как правило, есть что скрывать, и они готовы платить за то, чтобы тайное не стало явным. Для того чтобы получать компрометирующие сведения, нужно иметь много знакомых, живущих городскими слухами.

Бывший городской головой Иван Лихачев познакомился со Штейн еще в далеком 1903 году, у них были близкие, скорее всего интимные отношения. После возвращения из Острова Ольга Григорьевна часто звонила Лихачеву, но тот ее опасался и встреч избегал. Однажды авантюристка даже приехала в Городскую думу и пыталась проникнуть в его кабинет под видом жены, но Лихачев позорно бежал от нее через черный ход.

Однажды Штейн дозвонилась до Лихачева, сказала, что вышла замуж за барона из немцев, и ей известно, что брат городского головы застрял в Германии (уже шла Первая мировая война), и она может помочь выручить его из плена. Штейн назначила Лихачеву встречу в гостинице «Москва». Лихачев пошел на свидание, ради брата. Зная, что бывший друг быстро пьянеет, Штейн напоила его и заставила подписать вексель на 500 рублей.

После встречи у Лихачева исчез дорогой золотой портсигар.

С тех пор Ольга Григорьевна стала шантажировать Лихачева. Писала письма, где уверяла, что он подарил ей портсигар сам, клялся развестись и жениться. Грозила застрелиться, оставив письмо на имя его жены, разоблачающее его в любовных похождениях. Лихачев откупался от нее.

За баронессой накопилось немало грехов. Но все это были дела мелкие, они направлялись к мировому судье. Однако, в конце концов, Штейн перешла грань дозволенного, и ее дело попало в сферу компетенции окружного суда. В 1915 году Ольга Штейн была вновь арестована.

По распоряжению прокурора петроградского окружного суда ее дело было передано судебному следователю по важнейшим делам Павлу Александрову (в 1917 году он вел дело по обвинению Владимира Ленина в шпионаже, в 1940-м расстрелян). К следователю Штейн явилась шикарно одетой: в модном пальто, большой шляпе с пером, с золотыми украшениями, кольцами и браслетами на руках.

Штейн просила допросить ее побыстрее, она спешит на прием к одному из великих князей. Допрос занял два часа, по его итогам Штейн была арестована и отправлена в тюрьму.

Прокурору петроградского окружного суда поступило 80 заявлений пострадавших от мошеннических проделок Штейн. Были и те, кто увлекся ею как женщиной, несмотря на то, что ей на тот момент было почти 50 лет.

Находясь в заключении, Штейн изводила всех своими жалобами – ей жарко, мучают сквозняки, ей скучно, она привыкла к обществу. На все обвинения отвечала: страдает невинно, а считала бы себя виновной, то отравилась. Она пыталась освободиться на поруки, заявляла, что беременна и скоро должна родить. У нее вдруг проявлялись признаки нервной болезни, но тюремные медики разоблачали ее каждый раз. Из заключения она писала письма знакомым, мужу, заявляла, что стала жертвой ошибки.

4 мая 1915 года в Окружном суде Петрограда начало слушаться дело Штейн. Как отмечала пресса, это была уже не та Штейн. Прежней осталась лишь ее развязность. Она сильно постарела, конвойные водили ее под руки. К публике она сидела спиной, закрыв лицо густой вуалью. Со слезами на глазах утверждала, что ее гнетет прошлое, что и здесь, на скамье подсудимых она из-за того, что ее знают как Ольгу Штейн.

Процесс вызвал ажиотаж. В зале суда было не протолкнуться. Преобладали женщины. За места приходилось биться. Когда на второй день, после обеденного перерыва, публика ворвалась в зал, слышались возгласы: «Задавили!» Одну даму сильно

прижали к стене.

Штейн никто из адвокатов не согласился защищать: все помнили судьбу Пергамента. Присяжный поверенный Пржесмыцкий был назначен судом в ее защитники. Ему категорически не нравилось поведение подопечной, и он не раз просил освободить его от защиты и предупредить обвиняемую, чтобы она вела себя приличнее.

Штейн вела себя вызывающе. Уверяла: хотела открыть коммерческое предприятие и впоследствии отдать все долги, но арест вызвал крах ее предприятия.

Потянулись свидетели. Прислуга утверждала, что им Штейн должна деньги, должна даже священнику за венчание с бароном. Горничной она задолжала 400 рублей. По словам прислуги, если они переставали настаивать на возврате жалования, баронесса делала им хороший подарок. Баронесса всюду, где только могла, не платила: мясникам она задолжала сотни рублей; за лошадей, которых она держала, и автомобиль не платила; за наем мебелированных комнат, стоивших 2 тысячи рублей в год, также.

Дворянин Карпович рассказывал, что по объявлению в газете был на приеме у Штейн. Баронесса представилась председательницей Мариинских детских приютов. Залог – 2 тысячи рублей. Когда Карпович предложил положить деньги в банк, Штейн заявила: «Вы не знаете, с кем имеете дело. Деньги будут переданы фрейлине Нарышкиной». Вскоре раздался телефонный звонок, к Штейн подошел управляющий и объявил, что ее просят к телефону из Мраморного дворца. Был допрошен и барон Остен-Сакен; он утверждал, что не знал о проделках жены.

Штейн заявляла: кредиторы навязывали ей деньги, утверждая, что с нее дорого не возьмут и сделают скидку 20 %. «Я предупредила, что сразу не плачу, но продавщица ответила, что я могу заплатить когда и как угодно. За такую любезность я подарила ей страусовое перо». Штейн утверждала, что платила и некоторым обвинителям, и сыскной полиции, дабы те не доносили и не арестовывали ее. Штейн рассказала о домогательствах со стороны Лихачева, как он стрелялся из-за нее, но она осталась верна мужу. Вызвало смех заявление Штейн о том, что ее муж был в ресторане с ней, так как оберегал ее нравственность.

Штейн говорила, сбиваясь и путаясь. Она пускала слезу, говорила сдавленным голосом, просила прощения у потерпевших.

Присяжные заседатели после часового совещания на все 15 вопросов ответили, что она виновна. Окружной суд приговорил лишенную прав Ольгу Штейн, баронессу Остен-Сакен к заключению в тюрьме на 5 лет.

В 1917-м, после того как из тюрем освободили всех заключенных: и политических, и уголовников, – в стране пролетарской диктатуры Ольга Штейн продолжила заниматься излюбленным промыслом – мошенничеством.

Ее главным занятием теперь стал обман тех, кто собирался бежать из Советской России и хотел переправить в Финляндию ценности. Утверждая, что у нее есть знакомые контрабандисты и финские пограничники, она брала драгоценности, произведения искусства. Понятно, что она ничего никуда не переправляла. А жаловаться потерпевшие боялись. Все же в августе 1919 года ее арестовали, но оправдали за недостаточностью улик.

В январе 1920 года она арестована снова и на этот раз приговорена к пожизненному заключению. Впрочем, и среди комиссаров у нее были покровители. По амнистии 7 ноября 1920 года срок Штейн сократили до 5 лет, а к следующей годовщине Октября снизили еще на год. Последним местом заключения была трудовая колония в Костромской губернии. Но в начале 1923 года, когда ей оставалось сидеть еще год, милиция задержала ее в Москве, где она, разъезжая на автомобиле с водителем, выдавала себя за представителя Пролетарского общества помощи голодающим и вымогала пожертвования у нэпманов, угрожая им ЧК. Ее возвратили в колонию, откуда она вышла в августе 1924 года.

Уже в сентябре 1924 года Штейн задержала ленинградская милиция: родственники мошенницы пожаловались прокурору, что она выманила у них вещей на 20 рублей. Вещи продала, но денег не отдавала.

На суде Штейн кокетничала с народными заседателями и выглядела значительно моложе своих 55 лет. Новый срок, вынесенный 24 ноября 1924 года, – 1 год колонии.

Как закончила Штейн, неизвестно, скорее всего, в ее жизни были и Соловки, и Беломорканал. 30 июля 1937 года был принят приказ НКВД № 00447. Согласно этому приказу, арестовывались все уголовники-рецидивисты. Большинство из них расстреляли, и если Ольга Григорьевна дожила до 1937 года, то прах ее покоится на Левашовской пустоши, под Петербургом.

Глава 3

Она придумала фашизм

28 марта 1922 года в здании Берлинской консерватории прогремели выстрелы. От зрителей отделились два человека и с криком «Месть за императрицу!» бросились вперед. На сцене делал доклад глава партии кадетов Павел Милюков. Раздался выстрел, еще один. В зале закричали: «Убит, убит!» Но не Милюков, а его товарищ Владимир Набоков, случайно попавший под пулю. Фамилия убийцы – Шабельский-Борк. Современники писали: «В этой двойной фамилии уже злой рок, болезнь и помешательство. Стоит хотя бы вспомнить, кем была его мать».

Елизавета Шабельская – актриса, журналистка, писательница, политическая активистка, виртуозная интриганка, аферистка, сумасшедшая. «Ее жизни хватило бы на три романа Дюма», – сказал один из современников, а в ее некрологе написали: «Она могла бы быть Сонькой – Золотой Ручкой, агентом-provокатором, держать политический салон, как мадам Эдмон Адан, могла бы стать теософом, как Блаватская, и упоительно врать про голубые горы в Индии, могла бы прижить сорок дочерей от разных отцов. Она могла бы многое и самое противоположное...»

Она умерла в августе 1917 года. Застала революцию, против которой боролась, как фанатичка, последние 20 лет жизни. Сотрудничество с царской охранкой, письма Николаю II, борьба с масонами и евреями... Старуха Шабельская придумала свой «обыкновенный фашизм».

В молодости о ее роковой красоте знала чуть ли не вся Европа. Если верить слухам, только из ее любовников можно было собрать целую Государственную думу. Банкиры, финансисты, миллионеры. Говорили, одновременно она чуть ли не с «шестью министрами была в связи».

Елизавета Шабельская

Девочка из Харькова

1870-й год. Городской харьковский суд присяжных. Зал ломится от зрителей. Слушается дело «О подлоге расписки в 35 тысяч рублей серебром от имени княгини Щербатовой». Звучит красочная речь молодого прокурора. Дело громкое. Прокурор Анатолий Кони еще плохо знаком с городом, не знает нравов местной публики. А вот в Харькове о нем уже говорят во всех гостиных. Его речи – настоящие драмы, таким бы и писатели позавидовали.

Дело – о подлоге, и Анатолий Федорович рассказывает об особенностях этого вида преступлений: «Преступление подлога совершается всегда путем длинного ряда приготовительных действий и почти всегда таким образом, что виновный имеет возможность обдумать каждый свой шаг, предусмотреть его последствия и рассчитать все шансы успеха. Кроме того, это преступление осуществляется спокойно и, так сказать, разумно. Очень часто бессознательным помощником, пособником, средством для совершения подлога является тот, против кого он совершается, является лицо слишком доверчивое, мало осторожное».

Анатолий Кони в царской России станет чуть ли не самым известным юристом.

В зале – шумная толпа гимназисток. Самая красивая – дочь помещика Лиза Шабельская. К 15 годам она превратилась в чудо-девушку: отличная фигурка, алые губы, маленький изящный носик, густые кудрявые светлые волосы. По всем предметам в гимназии у нее 12 – высший балл; свободно говорит по-немецки и по-французски. Но главное – чарующий голос. К Шабельским ездят специально слушать, как Лиза поет романсы. Она мечтает о театре, и только о нем. Родители в ужасе, для девочек из благородных дворянских семей театральная карьера немыслима и позорна. Но Лизе старшие нипочем, она любит только себя и свою будущую славу.

В XIX веке в судах часто было веселее, чем в театрах. На особенно громкие процессы даже билеты продавали. Иногда, как на премьерный спектакль, лишнего было не достать. Лиза Шабельская в этот год судебных «премьер» почти не пропускала. Такие страсти! А еще и молодой красавец-прокурор. Знала бы она, что и ее много лет спустя обвинят в подлоге, слушала бы еще внимательней.

Лиза выпустилась из харьковской женской гимназии и твердо поняла: обычная жизнь в тихом дворянском гнезде – не для нее.

Она сверстница будущих знаменитых террористок – Софьи Перовской, Веры Фигнер, Веры Засулич. Дух нового времени носится в воздухе, в Америке появились первые суфражистки, во Франции женское движение растет с каждым днем. Русским «семидесятницам», в их числе и Лизе, лозунг «Все мужчины и женщины созданы равными!» тоже нравится. Ей хочется жить «по-новому». Юная Шабельская уже настоящая эмансипе.

Состоятельная семья, отец отставной штаб-ротмистр – богатый землевладелец, прекрасная усадьба в Ступках, под Харьковом. Через 18 лет эти места в один день станут знаменитыми на всю Россию – совсем недалеко от поместья Шабельских, около станции Борки, в 1888-м произойдет железнодорожная катастрофа с царским поездом Александра III, и его семья чудом останется жива. А пока на троне Александр II, жизнь в Харькове спокойная, размеренная и бедная на события. Все почти как в Москве, разве что чуть-чуть провинциальнее.

«Харьков – город весьма большой... Отличные магазины, богатые дома, прекрасные книжные лавки и ловкие извозчики». Так описал свои первые впечатления от Харькова молодой петербуржец Анатолий Кони, но вот о харьковском обществе он остался другого мнения: «Что касается до общества, то оно вполне провинциально; от безделья играет в карты, сплетничает и интригует».

Лиза скучает. Старшие братья, Михаил и Александр, хоть и выводят молодую красавицу в свет, но кавалеры все «какие-то не те». Разве только молодые гусары... Их полк каждое лето квартирует рядом с поместьем Шабельских. В автобиографическом романе Шабельской постаревший и грузный гусар ностальгически вздохнет: «Она была прелестной девушкой, и мы все, чуть не вся гвардия, увлекались ей до безумия».

Но молоденькая Шабельская все охотней интересуется не романтическими гусарскими балладами, а судебными речами. Анатолий Кони – их сосед и постоянный гость. Ее первая любовь. Позже, уже став писательницей, Шабельская дарила своим героиням разные отрезки собственной жизни. Пьеса «Лиза Ракитина» – это о Лизе в Харькове.

Из «Лизы Ракитиной»: «Как жаль, что ты не пошла со мной на процесс Марфы Бологовой. Как он говорил! И все плакали... А я чувствовала, что говорит он для меня одной».

Через 30 лет Елизавета Шабельская будет слушать материалы дела, очень похожего на историю княгини Щербатовой. Только прокурором будет господин Вогак, а арестанткой – сама Шабельская. Елизавета Шабельская часто признавалась: она чувствовала, что обязательно окажется на скамье подсудимых.

Правда, за что-то романтическое – за убийство из ревности или по политике, – мечтала она.

В 16 Лиза не сильно увлекается мистикой и верит не в предчувствия, а в любовь. Популярность Кони среди харьковских дам набирает обороты, но Лиза надеется: «свирепый прокурор» (как его обозвали местные) с ней будет нежен.

На процессы Кони ходят, как на бенефисы театральных звезд. Лихие сюжеты, закрученные интриги, а какой психологизм! Литературный талант Кони позже отметит даже Лев Толстой. Особенно Кони любит разбирать души страдающих женщин.

Теперь страдает и Лиза. Она узнает: Кони помолвлен, его невеста – Надежда Морошкина, сестра коллеги Кони по суду. Лиза же для Анатолия Федоровича – милый друг, прелестное дитя. Терпеть такое равнодушие строптивая Елизавета Александровна долго не может. От любви, решает она, может вылечить только другая любовь.

Лиза завела интрижку с гусарским ротмистром. Об их отношениях скоро узнали родители Шабельской. Братья срочно увезли легкомысленную сестру в имение. По официальной версии – учиться пению.

Из письма Елизаветы Шабельской Алексею Суворину: «Братья увезли от некого Видамина, о коем говорить не хочу, ибо он всю жизнь мою испортил ради безбожного удовольствия развратить невинного до идиотства ребенка. Господь с ним, но этот первый полуопыт, должно быть, и убил во мне навеки всякий идеализм любовных отношений, показав гадость страсти».

Насчет «невинного до идиотства ребенка» Шабельская преувеличила. Позже, уже в преклонном возрасте, она любила переписывать историю своей бурной молодости. Если не в мемуарах, то хотя бы в книгах. Все ее героини – набожные кроткие девушки, почти монашки в миру. Лиза, на самом деле, была девушкой более свободных нравов. Она объявляет родителям: «С гимназией покончено, я ухожу на сцену». Старшие в ужасе и предлагают компромисс: Парижская консерватория, по слухам, – лучшая в Европе.

От консерватории до театра

1871-й год. В Париже – как на пороховой бочке. Только что революционеры-коммунары чуть не захватили власть. Среди парижской интеллигенции раскол – одни верят в революционные идеалы и сочувствуют пролетариату, другие требуют немедленно разобраться с «гнусными псами революции».

Лиза Шабельская приехала во Францию сразу после падения Коммуны, она писала: «Развалины еще всюду виделись». Революция Шабельскую мало интересовала, это через 30 лет она вступит в партию «борьбы с революционерами» и будет фанатично разоблачать «гнусную подкладку красного террора», а пока заботы у нее земные: залечить сердечные раны и войти в новый свет.

Шабельская выбирает класс пения господина Вертеля. Дома, в Харькове, ее голос столько раз хвалили.

Свободная парижская жизнь быстро вскружила ей голову. Театры, рестораны, кабаре... Разве столичный блеск можно сравнить с тихими днями в родительском поместье?! Она красива, пусть не блестяще образованна, зато смела и остра на язык – уже через месяц Шабельская привыкает ко всем привычкам богемной жизни. Париж 1870-х – культурная столица Европы. Это время оперетт, импрессионистов, веселых пьес Скриба, рассказов Ги де Мопассана. В парижских кафе, на скамейках бульваров – самые умные и изысканные люди со всех концов мира. В Парижской консерватории преподают великие музыканты. Лизе хорошо в Париже. Она полна счастья и надежд.

Ее Вергилий – молодой поэт Жан Ришпен, он всего на 5 лет старше Лизы. Ришпен страстно влюблен и пытается добиться ее расположения. Шабельская отвечает на ухаживания, она весела, дружелюбна, но подчеркнуто холодна. Мужчины для Шабельской не любовники, а ключи от дверей, которые по каким-то причинам самостоятельно открыть Елизавета Александровна не в состоянии.

В 70-е годы XIX века Жан Ришпен был настоящей звездой «молодого Монмартра». Красавец с горящими глазами, скандалист. Ришпена называли – «лицо парижской богемы». Он верил в Коммуну и презирал буржуа, писал емкие и злые фельетоны в парижские газеты и сочинял злободневные драмы. Но самая громкая слава у Ришпена была в парижских кафе – на Монмартре. Этот эксцентричный наглец был везде своим.

Парижские кабаре – новый жанр. Там не просто едят и пьют, там читают стихи и придумывают манифесты. В этих шумных

кабаках Лиза Шабельская и узнала, что значит дух конца столетия.

Клубы дыма, алкоголь, морфий, веселые нигилистские, часто непристойные, песенки, насмешки над старым миром и полная вседозволенность. Но восемнадцатилетняя Элиз не испугалась. Напротив.

Революция ее не интересовала. До самой смерти Шабельская верила в неоспоримость монархии. Но вот свобода!.. Лиза за компанию с Ришпенем много пьет и пробует морфий. Позже ее друзья в России скажут: «Именно Ришпен привил ей эту привычку».

«Во вторую минуту внезапно проходит холодная волна под ложечкой, а вслед за этим начинается необыкновенное прояснение мыслей и взрыв работоспособности. Абсолютно все неприятные ощущения прекращаются. Это высшая точка проявления духовной силы человека». Так в 1927 году описал действие морфия Михаил Булгаков. В 70-е в Париже, да и во всей Европе, морфиноманией грешили многие. Аристократы от «солдатской болезни» страдали вовсю. Шабельская эту свою страсть уже никогда не бросит. Даже набожной старухой будет доставать опиум чуть ли не каждый день. «Булгаков как будто про меня писал: “Опиум нужен мне, чтобы ясно мыслить и работать спокойно”», – говорила Шабельская. В 1905 году подсудимая Шабельская признается присяжным: «Мне 50 лет, господа судьи и присяжные. Я 30 лет привыкла принимать морфий. В тюрьме мне его не давали день, два, пять. Я страдала ужасно».

В 1872-м о болезнях и страданиях ей думать некогда. Консерватория по утрам, вечерами – поэтические чтения, ночные прогулки, праздники. Морфия – всегда много.

Но вдруг жизнь резко меняется: один за другим умирают родители. Лиза едет в Харьков, на похороны. От переживаний она теряет голос. Врачи говорят: сделать ничего нельзя. О карьере певицы приходится забыть. Она до смерти сокрушалась: «Горе какое! – Ведь голос был чудный».

Хриплый, грубоватый, так резонирующий с ее ангельской внешностью голос. Шабельская научится извлекать пользу и из него, без пения. Она перевелась в драматический класс известного актера и режиссера Жана Баптиста Брессана. Оставить сцену совсем – не хотела. У Брессана Шабельская проучилась два года.

В 1874 году ей пришло письмо из России. Братья писали, что надеялись заработать, вложили почти все состояние в новую кондитерскую фабрику и полностью прогорели. Оплачивать ее обучение и жизнь в Париже теперь невозможно. Так и сказали:

«Вернись, нет больше денег».

Двадцатилетняя Лиза решила: назад, в Россию, она не вернется, ей нужно делать парижскую карьеру, она серьезная, многообещающая актриса, у нее связи, она не пропадет. Да и жизнь на родине по сравнению с Францией – провинциальна. Нужно думать о деньгах. Шабельская ищет работу. О главных столичных сценах нечего и мечтать, туда даже при ее широком круге знакомств не попасть. Она – начинающая актриса без имени, опыта, а в одном «Комеди Франсез» звезд больше, чем во всех российских театрах. Елизавете удастся получать места в небольших парижских оперетках, но даже там – ни одной главной роли. Она играет бесконечных муз, нимф, граций, но играет – это сильно сказано. Скорее, украшает сцену, как холодный изящный декор.

Так начались ее бесконечные театральные неудачи. Шабельская будет менять города, страны в надежде покорить сцену, но театр так и останется ее мороком, болезненной мечтой, которая «покоржила всю ее жизнь». Спустя полвека, уже после смерти Шабельской, известный журналист, ее коллега по газете «Новое время» Александр Амфитеатров, напишет: «Природа посмеялась над нею, отказав ей в сценическом таланте. Я не знал женщины более страстно влюбленной в театр. Чтобы завоевать его, она потратила много лет, развивала огромную энергию, бесконечно училась, но ничего из этого не вышло. Теоретичка она была прекрасная – актриса никакая».

Ни в юности, ни в старости Шабельская с этим все равно не смирится. Она будет говорить: в ее неудачах на сцене виноваты мужчины, которым она отказала, соперницы, масоны.

Ее самой большой парижской удачей было приглашение в театр «Гёте», к известному композитору Жаку Оффенбаху. Над внешностью мэтра часто смеялись: маленькие глаза, огромный нос, крошечное тельце, – Оффенбах был ходячей карикатурой. Зато музыка... Современники называли его – «Моцарт Елисейских полей». В 1850-е Оффенбах открыл в Париже небольшой театр «Буфф-Паризьен», скоро произведениями композитора заслушивалась вся Европа. Когда Шабельская встретилась с Оффенбахом, тому было за 50. Журналисты ругали его работы за излишнюю, открытую сексуальность, а самого Оффенбаха называли чуть ли не притоносодержателем. Коммерсант из композитора вышел плохой. Театр «Буфф» оказался на грани разорения. В 1872 году Оффенбах согласился на должность директора известного в то время парижского театра «Гёте». И решил пойти ва-банк – возобновил «Орфея в аду» – свою самую громкую и известную оперетту. Участвовать в ней и пригласили

Шабельскую. И опять странное совпадение – именно этой опереттой через 30 лет, в 1902 году, Шабельская с громадным скандалом и закончит свою карьеру актрисы.

Но у великого Оффенбаха выжить было сложно. Роль небольшая – Шабельская играла всего лишь «одну из граций», и жалование смешное – всего 60 франков в месяц. Да еще и сценические костюмы покупала за свой счет. Шабельская не сдавалась, надеялась: на одном из спектаклей мэтр заметит талант русской красавицы и даст ей главную роль. Но Оффенбах не замечал. Золушка так и не смогла стать принцессой. У «Орфея» не было прежнего успеха, поэтому жалование актерам не повышали, а только грозились понизить. Другой работы не было.

Два года в Париже Шабельская буквально голодает. Для того чтобы выжить, нужно отдаваться – хозяину театра, владельцу лавки, портному в ателье, премьеру. А без этого всем плевать на твой талант, его просто никто не берет в расчет. Но Лиза не только красива и горда, она еще умна и образованна. Если уж любовник, то с положением. Покровителей выбирает из театральной элиты, они сплошь известные антрепренеры, режиссеры, директора театров. Взамен на близость они готовы дать ей не просто ангажемент, а главную роль в лучших и самых модных пьесах. Но, как в дурном сне, продолжается одна и та же картина: после нескольких спектаклей интерес зрителей ослабевает, сборы падают, работа прекращается.

Во всем, – любила писать Шабельская, – была виновата ее красота: «Мне лично красота куда как тяжело оплатилась. От 17 до 37 лет – или, по крайней мере, до 33 – только и приходилось слышать в ответ на желание что-либо путное сделать: “Зачем хорошенькой женщине работать?!” И это на всех языках – и от всех – до полицейского комиссара в Париже».

Ей не хотелось ни удачной партии, ни роли хорошенькой содержанки. Для этого Шабельская была слишком амбициозна. В Париже у нее вообще не было бурных романов. Настоящей любви она не встретила, а чувственность так и не проснулась. В зрелые годы Шабельская писала об этом так: «Да что значит молодость? Для нас, баб, – возможность иметь любовников. Эка невидаль!... Не знаю, обидел меня Бог чувственностью или что иное!... А счастье, конечно, в любви, да только любовь не в чувственности, для женщин – совсем не в ней».

Только в 45 у нее начнутся и бурные романы, и чувственные отношения. В молодости думать о любви не было времени.

Оффенбах разорился, публика почти перестала бывать в его театре. Шабельская поневоле стала задумываться: а не лучше ли

ей вернуться на родину. Была надежда: после парижской школы, да еще и какой-никакой, но работы у модного в России Оффенбаха, на родине удастся получить хорошее место и возможно даже стать инженерю – главной героиней.

Родина не помогла

В это время в Париже появился Александр Федотов – русский актер и режиссер. Он готовился открыть театр в Павловске, под Петербургом. Александр Филиппович приехал на родину оперетты налаживать деловые связи. Он уговорил Шабельскую отправиться с ним в Петербург – там сейчас мода на оперетту и для «парижской» выпускницы, да еще и такой красавицы, там – все возможности.

Шабельская приехала в Петербург в 1876 году, как раз к первому сезону Павловского театра. Для Петербурга открытие нового театра стало большим событием. Вот что написала «Петербургская газета»: «Вся масса поклонников сценических торжеств явилась здесь в полном комплекте. Приехавших в Павловск было так много, что можно было наполнить три таких театра. Здесь были и люди семейные, принадлежащие к лучшему обществу, и присяжные посетители всех театров, и рецензенты прессы, и бросающие без счета деньги биржевики... и, разумеется, охотницы до всех премьер – древние, средние и юные разукрашенные и подкрашенные Сюзеты, Берты, Каролины с берегов Сены...».

Одной из таких Сюзет была Елизавета Александровна Шабельская 21 года от роду. Александр Федотов сдержал обещание, Шабельскую приняли в труппу Павловского театра. Но и тут ее ждали одни неудачи. Федотов – талантливый режиссер. Станиславский признавался позже: репетиции с Федотовым стали для него лучшей театральной школой. Федотов, по словам Станиславского, «умел разбивать стену, стоявшую между актером и ролью и сдирать мундир обветшалых традиций».

Но стена между Федотовым и Шабельской так и не рухнула. На сцене ей не хватало страсти. В ней не было ни драматизма Савиной, ни «нерва» и «химии» Комиссаржевской. Федотов выпустил Лизу на сцену всего трижды, а потом, как она писала позже, «с Федотовым вышел какой-то разлад».

Дальше был Михайловский театр, артисты – французы, зрители – гвардия, большой свет, императорская фамилия. Но в Михайловском у нее – все те же третьи роли и молчаливое присутствие на сцене. Шабельская не выдержала. Ее ровесница Мария Савина – уже звезда императорского Александринского театра, а она так и ходит в начинающих актрисах.

Елизавета Александровна мечтала об успехе на сцене, но он не спешил приходить

Елизавета Александровна решила ехать в провинцию. Публика там не такая строгая, как в столице, а главное – ее наконец-то ждут первые роли. Провинциальные гастролы она начала с родного Харькова. Получила первую в жизни большую роль – Катерины в «Грозе» Островского. Так она описала свой дебют: «Для пробы – есть ли талант – играла в Харькове Катерину, с заряженным пистолетом в кармане. Если нет таланта – жить не стоит. Оказалось – есть. Успех после 4-го действия был огромен. Ну, значит, опять появилась надежда выбиться».

В этом состояло свойство ее характера – после десятков парижских и петербургских неудач Шабельская никак не смогла бы смириться с еще одним поражением. Ей везде чудился заговор – актрис, директоров, режиссеров. После успеха в Харькове ее позвали в Таганрог и Одессу – главные роли, оvationи, полные залы. Провинциальная публика восхищалась ослепительной столичной красоткой. Но Елизавета Александровна не находила себе места. «Там, в провинции, – признавалась она, – всюду было не то». Она все еще верила в настоящую, громкую – мировую славу.

Во время гастролей по провинции Шабельская познакомилась с Василием Андреевым-Бурлаком. Известный актер-комик в то

время занимался вместе с Модестом Писаревым в Москве открытием Пушкинского театра. Оба – провинциалы, с детства влюбленные в театр, невероятные трудоголики, Бурлак и Писарев решают: это будет театр «нового типа». Никаких третьесортных пьес или слабых актеров. Пушкинский открылся в 1880 году.

Андреев-Бурлак предложил, очевидно, не совсем бескорыстно, красавице Шабельской прекратить провинциальные скитания и получить место в Пушкинском. Шабельская согласилась. Получила не только место, но и любовника. Андреев-Бурлак и Шабельская почти все время проводили вместе. В основном, правда, за пределами театра. Рестораны, ночные кутежи... Снова почти парижская жизнь. Андреев-Бурлак, как и Шабельская, – морфинист.

Из воспоминаний А. Амфитеатрова: «...компания знаменитого артиста-комика, покойного Андреева-Бурлака, чей великий талант превосходило лишь еще более великое его же пьянство, быстро превратили молодую женщину в типичную каботинку». То есть женщину, которая стремится к лоску, роскоши, и играет в жизни, возможно, больше, чем на сцене, любит себя в театре больше, чем театр в себе».

Шабельская любила красиво пожить. Было, правда, в ее стремлении к празднику и роскоши что-то болезненное. Когда рядом появлялись деньги, она теряла над собой контроль. Напрочь лишалась меры, как будто переживала, что могут отобрать. Тогда снова искать работу и жить на жалование. И чем хуже шли дела в театре, тем больше она тратила.

В 1880-м, в Москве, она сумела быстро обрасти богатыми воздыхателями. Правда, покорила их Шабельская не виртуозной игрой, а «роковой красотой». Но, несмотря на ее влиятельных покровителей, несмотря на любовника-худрука, играла Шабельская мало – всего в двух-трех пьесах, и главное, добавляют критики, – «из рук вон плохо».

Газеты о ней молчали, ее опять заслоняли настоящие звезды: Александра Глама-Мещерская, Наталья Рыбчинская. Вот у них – и любовь публики, и похвалы театральных рецензентов. Шабельская же, по словам современников – «больше блистала своею лучезарной красотой и парижскими туалетами», но не со сцены... а «из-за барьера директорской ложи». У Елизаветы Александровны сдавали нервы. Она сделалась раздражительной, вспыльчивой, иногда почти буйной. Успокаивали только морфий и алкоголь.

Пушкинский театр разорился за два года. Великолепные актеры были плохими предпринимателями. Писарев и Андреев-Бурлак обратились за помощью к известному московскому

адвокату Федору Адамовичу Коршу: вся труппа Пушкинского будет в его распоряжении, есть готовые спектакли, декорации, какие-то костюмы, нужен только талантливый управленец.

30 августа 1882 года в Кармергерском переулке в Москве открылся театр Корша. Официально это был первый частный театр России. Корш как опытный делец сразу понял: за публику необходимо бороться. Он ввел новую систему премьер. Уже через год каждую пятницу у Корша была новая постановка. Буквально после трех-четырех репетиций. Его затею многие ругали, в частности Чехов: как можно давать «Ревизора» после одной репетиции? Но первое время «пятницы» – лучшая реклама театра, они почти всегда собирали полный зал. На этих премьерах Корш растил своих звезд...

Критик Ярцев в журнале «Театр и искусство» писал: «Коршевская небрежность была всегда талантлива, потому что играть с трех-четырех репетиций и достигать хотя бы внешних контуров – доступно лишь талантам».

У Корша Шабельская не выдержала. Актеры работали сутками напролет, в театре действовали почти фабричные темпы, дебютанты выходили на сцену один за другим. Шабельская решила уйти. В ней было много парадоксального, но чуть ли не главное – невероятная, местами почти нездоровая, амбициозность. Как она напишет значительно позже, «возле Гламы и Рыбчинской места не было».

Из воспоминаний А. Амфитеатрова: «Конечно, делать театральную карьеру, как многие другие, артисткой средней руки она очень и очень могла бы. Но само сознание недюжинной натуры вооружило ее, как истинно трагическую неудачницу, громадным честолюбием: не Корш какой-нибудь ей мечтался, а европейская слава, русская Сара Бернар, русская Фанни Вольтер».

Она всю жизнь как будто ходила по кругу. Всегда одно и то же: надежда, крах, неожиданное удачное знакомство. Очередной мудрый кавалер предлагает ей место, на этот раз точно беспроектное, – она срывается. А дальше как всегда: надежда, крах... Казалось, так может продлиться до бесконечности, точнее – до самой смерти.

В 1884 году роль «мудрого мужчины» сыграл Эрнст Поссарт. Знаменитый немецкий режиссер и актер, руководитель Мюнхенского придворного театра, красавец и трагик, Эрнст Поссарт приехал в Москву с гастрольями. Город взорвался. Москвичи, особенно дамы, бредили Поссартом. Чехов смеялся: «На Поссарта ходит вся Москва, начиная с просвещенных генералов и кончая невежественными охотнорядцами. Девять десятых из них знают по-немецки только «шпрехен зи дойч» да

«шнапс тринкен». Шекспира отродясь не видали и не слышали, но тем не менее идут на Поссарта... Не повидать Поссарта считается у нас мове-жанром».

Магическому обаянию немца поддалась и Шабельская. А тот расхваливал глубину и «истинную художественность» немецких театров, намекая, очевидно, что именно там, в Германии, талант и красоту Елизаветы Александровны наконец оценят по достоинству.

И Шабельская уезжает, но не работать, а снова учиться – в Венскую консерваторию. Деньги дает очередной любовник – богатый московский купец.

Из Елизаветы в Эльзы

По-немецки Шабельская знала слов десять, не больше. Пришлось не сцены репетировать, а глаголы учить. Еще два года упорных занятий. К тому времени, как Шабельская закончила консерваторию, ей было 30 лет. В Вене ей как актрисе впервые повезло. В романе, написанном через 30 лет, Шабельская опишет свой венский дебют как феерический, прямо-таки небывалый успех. Ее героиня, Ольга Бельская, получит все, о чем так долго мечтала сама Елизавета Александровна – главную роль на первой сцене Вены, в Бургтеатре. Ей будут рукоплескать вся австрийская аристократия и сам император с семьей из царской ложи.

Писательница Шабельская хвалит актрису Шабельскую с особым, почти эротическим наслаждением: «Высокая, стройная, гибкая, в классической белой одежде, она казалась греческой статуей, сошедшей с пьедестала. Каждое движение ее просилось на картину... поворот прелестной головки, полуулыбка, блеск задумчивых глаз были так просты, жизненны и вместе с тем неподражаемо прекрасны, что чуткая венская публика, привыкшая ценить не только эффектные места ролей и истерические крики артистов, но и художественную простоту и неподдельное изящество позы и жеста, разразилась неожиданно для себя самой громкими аплодисментами...»

На деле, Шабельская ни в каком Бургтеатре, конечно, не играла. Он открылся только через 5 лет после ее выпуска из Венской консерватории, в это время Эльза уже покоряла Берлин. Но в консерватории белокурую красавицу из России все-таки заметили – пригласили в Аугсбург, а потом в Базель, где, по ее словам, играла она с «огромным успехом». Эти 4 года были, пожалуй, самыми успешными в ее театральной карьере.

В 1888 году Шабельская едет в столицу Германского рейха, в Берлин, поближе к большим сценам. В Германии она получает ангажемент в Резиденцтеатр, там же работает Поль Линдау – известный критик и драматург. Очень быстро Линдау и Шабельская становятся любовниками.

В Германии он – настоящая звезда, почти как Чехов в России, пьесы Линдау идут чуть ли не во всех театрах страны, а его авторитет в театральной критике – непререкаем. Буквально, как он скажет, так и будет. Удастся ли постановка, станет ли дебютантка звездой, купят ли пьесу на будущий сезон? Линдау своей ролью судьи весьма доволен. Он очень трудолюбив – бесконечно пишет, ставит, переводит, того же требует и от Шабельской.

После всех академий и консерваторий Линдау сам учит ее играть. Королева флирта, она могла быть на сцене жеманной, царственно красивой, но только не искренней. Линдау почти на 20 лет старше Шабельской. Ему 50, ей чуть больше 30. Своими репетициями он, очевидно, добивается успеха. В Резиденцтеатре ей доверяют главные роли. Сначала известный критик всячески поддерживает свою протекже, но неожиданно все меняется.

Шабельская жаловалась: «Линдау! Бог бы с ним, все ему могу простить. Но мой театр ему был не по душе. Отвлекал от него. Репетиции, уроки – неудобно. Ему выгодней, чтоб каждую минуту была к его услугам. Директора спешили угодить важному критику и ролей мне больше не давали».

Буквально так и случилось. Линдау не хотел, чтобы Шабельская слишком уходила в работу, был очень ревнив. Он – влиятелен, знаменит, но далеко не молод, совсем не красив, а на Эльзу всегда смотрело столько влюбленных глаз. Линдау попросил руководителей театров «не перегружать» Елизавету Александровну. Шабельская сначала не понимала, что происходит. Жалование ей платили исправно, но вот работы становилось все меньше и меньше. Но потом догадалась: все дело в Линдау. Она вне себя – его собственническое отношение она была готова терпеть, но такую подлость...

Женщина импульсивная и решительная, Шабельская бросает пожилого критика. Тот вне себя обещает: если она уйдет, ни на одной сцене Берлина для нее не найдется места. О театре можно будет забыть. Шабельская в бешенстве. Но решения своего не меняет. Весь следующий год, до конца театрального контракта, ей платят жалование, но на сцену актриса не выходит ни разу.

Шабельская обращается во все театры подряд. Но ответ везде одинаков: «Простите, фрау, труппа заполнена, вакансий нет». Линдау исполнил обещание. Она закидывает письмами газеты – просит о помощи журналистов, требует справедливости. Но и там ничего – критик слишком уважаем, а она – какая-то заезжая актриса. Единственный журналист, откликнувшийся на мольбы Шабельской – молодой социал-демократ Франц Меринг. Революционер и теоретик марксизма, Меринг презирует Линдау за его буржуазные взгляды и ретроградство.

Меринг развернул в прессе шумную кампанию, с помощью которой надеялся разоблачить Линдау. «Театралы и газетчики подвергли молодую актрису бойкоту только потому, что она осмелилась уйти от старого критика». Меринг обвинял журналистов в трусости и продажности. Успеха «в деле Линдау» Франц Меринг так и не добился. Влияния у критика было несравненно больше.

Теперь бойкотируют не только Шабельскую, но и самого Меринга. На их стороне только Максимилиан Гарден, молодой талантливый журналист. Он пытается опубликовать «скандальные статьи» и хоть как-то помочь Шабельской. Елизавета Шабельская благодарна смелому публицисту. Между ними возникает дружба, которая очень быстро перерастает в любовь. Они съезжаются.

Гарден, как и Шабельская, рано ушел от родителей, был страстно влюблен в театр и мечтал стать актером. Но настоящего таланта в себе не нашел и выбрал журналистику, много писал о театре, но по-настоящему прославился как политический публицист. Его скандальные фельетоны известны в России не меньше, чем в самой Германии.

Шабельская и Гарден прожили вместе почти 10 лет. До Гардена политика была для Елизаветы Александровны чем-то далеким, скучным и совершенно ненужным, – он навсегда поменял ее взгляды. Максимилиан Гарден убедил Шабельскую забыть о сцене и заняться «более полезными вещами». Всю невероятную энергию Елизавета Александровна теперь бросила на драматургию и журналистику. Гарден дал ей место в своей газете «Будущее» и стал ее личным редактором.

После 10 лет странствий Шабельская пишет: «Живу, человеком стала, счастье что есть – поверила только теперь. Гарден выучил – пусть тоже не бесплатно, но благодеяние-то остается неоплатным».

После ухода Бисмарка из власти Гарден в своей газете обрушился с критикой на кайзера Вильгельма II и придворную камарилью, разоблачая лживость и порочность нового немецкого правительства. Свои политические тексты он подписывал псевдонимом «Апостат», буквально – отступник, ренегат. Гарден родился в еврейской семье (его настоящая фамилия Витковский), но уже в 14 лет он самостоятельно перешел в протестантизм. Его отношение к еврейству с годами только ухудшалось.

Ярый антисемит, Гарден лишь через 30 лет изменил свои взгляды, перейдя от юдофобии к пацифизму. За это ему жестоко отомстили. В 1922 году Гарден стал одной из первых жертв нацистов, на него было совершено нападение. Результат – 8 ножевых ран. Через 2 года, так и не оправившись от ранений, Гарден умер.

Но в 1890-е, во время знакомства с Шабельской, ни о каком пацифизме Гарден даже не думал. Он открывал Шабельской глаза на «правду о всемирном заговоре евреев». Через 20 лет Шабельская напишет свое главное произведение – «Сатанисты XX века». В нем будет «спрятано» много реальных лиц: писатель-историк Рудольф Гроссе, раскрывший героине, Ольге Бельской,

«истинную цель масонского заговора» – конечно, Гарден.

Из «Сатанистов...»: «...все ясней становится связь масонства с жидовством, с народом, избравшим каббалу своей религией. Все яснее сказывается ненависть к христианству союза, основанного якобы на началах христианской морали. Каждое торжество масонов-революционеров сопровождается гнусными святотатствами, избиением священников, поруганием храмов Божиих... Сатанисты уже не могут, да и не хотят скрывать, кому они служат...»

Заговор, сатанисты, евреи, масоны, – теперь политика становится достаточно интересной для молодой актрисы. Только одна проблема – жить им почти не на что. Разгромные статьи приносят славу, но не деньги. Шабельская как штатный сотрудник получает у Гардена сущие гроши. Увлеченные политикой, любовники почти голодают. В это время Шабельская встречается в Берлине Анатолия Федоровича Кони – свою первую любовь. Кони, увидев, в каких условиях живет Елизавета Александровна, – в шоке. Тогда же в Берлине оказался проездом Алексей Суворин – издатель и редактор самой влиятельной русской газеты «Новое время». Кони знакомит Шабельскую с Сувориным и просит помочь старой подруге с работой, взять ее в «Новое время», например, специальным корреспондентом. У Шабельской, то есть у Гардена, в Берлине отличные связи в близких к кайзеру кругах; Гардену ничего не стоит время от времени добывать для Эльзы «полезную информацию».

Как журналиста Шабельскую «изобрел» именно Суворин, взяв ее на работу, назначил отличное жалование. Те, кто работал у Суворина, вспоминали: «не было сотрудника, которому старик Суворин не старался облегчить труд и существование». Шабельская временами даже злилась: «Вам 100 рублей за 2–3 корреспонденции в месяц – чересчур дорого. Посылать ежедневно 40 строк, то есть депешу, иными словами, я не могу – находя это бессмыслицей. Мне служба у вас расстраивает нервы, вечно мучаюсь, что бы придумать...»

Елизавета Александровна опять преувеличила. Ей очень нравилась новая роль. К ней стали по-настоящему прислушиваться, а главное – в обществе у нее наконец-то появился статус – и в России, и в Германии она теперь не просто кокетка, а уважаемый журналист. Искрометными заметки Шабельской назвать сложно. Писала она много, но весьма средне, хотя современники говорили, что перо у нее было «злое». Настоящий ее талант был в другом – она прекрасно добывала факты.

Александр Амфитеатров вспоминал: «она... обладала

большим разведочным талантом, умела проникать во все круги общества, была бесстрашна пред великими мира сего, не смущалась никакою рискованною авантюрою... “Я, голубчик, куда журналистов не пускают, как дама пройду, а куда дам не пускают, пройду как журналист”, – любила хвалиться она».

Шабельская очаровала седобородого старика Суворина. В ней он нашел «тот же огонь, который горел в его собственной душе». Между Сувориным и Шабельской завязалась очень активная переписка, которая продолжалась целых 19 лет. За эти годы Суворин получил от Елизаветы Александровны больше трехсот писем. Обсуждали они далеко не одни деловые вопросы. Поначалу, кажется, Суворин был немного влюблен.

Из письма Е. Шабельской к Суворину: «Что вы все сожалеете, что я состарилась! Были бы мы оба молоды, наверное, влюбились бы друг в друга и вышла бы трагедийная канитель».

Суворин ревновал Шабельскую к Максимилиану Гардену, называл свою сотрудницу «рабой Гардена», она обиженно протестовала: «Станный вы народ, мужчины. Неужели вы не понимаете чувства безграничной любви и преданности без рабства! Гарден понимает... Живи я в Питере, я бы о вас точно так же заботилась, и увеселяла, и развлекала бы, как Гардена. Письменно это трудно (т. е. вы не подумайте о похабщине...)».

Елизавета Александровна присылала в «Новое время» новости и сплетни о немецкой политике, среди которых попадались настоящие сенсации. В 1902 году Максимилиан Гарден был инициатором знаменитого «Эйленбургского дела». Он опубликовал материал, в котором обвинил кайзера и князя Филиппа Эйленбурга в гомосексуальной связи. Разразился невероятный скандал. Вся Европа следила за развитием дела.

Эйленбург подал на Гардена в суд и выиграл процесс. Еще за 12 лет до громкого разоблачения Эйленбурга Шабельская писала о кайзере в «Новом времени»: «Из приближенных первый друг – Филипп Эйленбург. Дружба такая, что некоторые подозревают любовь а-ля Людвиг Баварский». Самого Вильгельма II Елизавета Александровна описывала с нескрываемым отвращением: «Некоторые ученые медики находят в нем сходство с Фридрихом Вильгельмом III, кончившим помешательством, и уверены, что он кончит так же. Действительно, он страшно капризен, переменчив, хватается за все новое и бросает немедленно и не знает меры ни в важном, ни в мелочах...»

Шабельская много пишет о том, что знает лучше всего – о театре. Немецкие премьеры, новинки, положение актеров. В этих статьях – ее личный опыт. Это, в сущности, исповедь о собственных бесконечных театральных мучениях: «В России

нельзя составить понятия о грошевых жалованиях и, главное, о бесправии здешних артистов... Дюжина звезд получает громадные жалования, все остальные – гроши буквально... И при этом контракты составлены так, что директор имеет право... разорвать контракт, если на репетиции найдет актера неудовлетворительным...»

У журналистки Шабельской теперь четкая позиция по всем общественным вопросам. Елизавета Александровна мыслит все более и более консервативно. Часто ругает «либеральствующих евреев» и реформаторство, хвалит монархию и традиционные ценности. Единственная «вольность», которая остается важной для стареющей красавицы, – это «женский вопрос». Здесь Шабельская непреклонна. Она и Суворин почти одновременно пишут об угнетенных женщинах: он – роман, она – пьесу. Суворин пытается понять «внутреннее устройство» женщины. За помощью часто обращается к Шабельской. Она инструктирует его даже в самых интимных вопросах.

Из письма Шабельской к Суворину: «Отчего не поделиться опытностью... Мужчина всегда чувствует минуту удовольствия, при всяком физическом отправлении любви... Поэтому женщины развратней мужчин, раз они гоняются за наслаждением... Женщине надо подчас всевозможные утонченности разврата, ибо ее натура не так легко и скоро воспламеняется... Надеюсь, Вы не осудите меня за теоретическую откровенность. Я думаю, она Вам нужна, иначе Вы не спрашивали бы».

После премьеры в Берлине своей пьесы «Женский вопрос» Шабельская продолжает защищать женщин в печати. Пишет большой фельетон в «Новое время». Чуть ли не в каждой строчке негодование: отчего роль женщины даже теперь, на пороге XX века, рассматривается так узко, одно только предназначение – брак и рождение детей. Шабельская недоумевает: почему должна женщина «путаться, как вагон, сошедший с рельс, каждый раз, когда случай лишает ее участия и поддержки мужчины». Она всю жизнь пытается жить самостоятельно, ничего не получается, приходится искать мужчин, которые и нужны ей, кажется, не как любовники, а именно как помощники в ее начинаниях.

Ее пьесы – а Шабельская своей скорой рукой написала их около десятка – ставятся на лучших немецких сценах, в Берлине в ее переводе выходит роман Суворина «В конце века. Любовь». Шабельская предлагает старику-издателю «адаптировать» его роман для театральной сцены: «Позвольте переложить Любовь в пьесу?... Идея для всех стран верна. Пьеса будет идти в Германии... нужен католический монастырь... Меня очень занимает сей план – но, конечно, без разрешения Вашего не

начну, ибо надо брать Ваши слова, даже не только идеи». В ней снова говорит тщеславие: «Если позволите, то буду писать на афише: “Суворина и Шабельской”».

Ее жизнь в Германии становится спокойной, почти семейной. Она успешна, не бедна, Гарден любит и предан ей. Но, кажется, все это Шабельскую и не устраивает. Спокойно жить она как будто просто не умела. Авантюры, скандалы, перемены, – любовь к страстям и разным сложностям лежала в Елизавете Александровне очень глубоко. В Берлине ей стало скучно. Шабельская делится с Сувориным: «Знаете, если б не жаль Гардена, уехала бы в Россию, снова бы на сцену пошла». Тем более, в Германии, особенно из-за связи с Гарденом, которого к концу 90-х уже вовсе называли «оскорбителем величества», Шабельской начинает интересоваться цензура.

Из письма Суворину: «Пожалуй, желая насолить... и по этапу вышлют! По совести, я ничего. Мне давно домой хочется. И работу найду в России еще легче, ибо у нас меньше журналистов, чем требуется».

На ярмарке

Вернулась домой она совсем не так, как предполагала. В 1896 году в Нижнем Новгороде открылась всероссийская художественно-промышленная выставка. Значение ей придавалось стратегическое. Россия должна была показать миру не только нового государя Николая II, но и богатство быстро растущей промышленности.

Нижегородская всероссийская торгово-промышленная ярмарка проходила в присутствии государя и великих князей. В Нижний съехались министры, миллионеры, знаменитые актеры и журналисты со всего света. Это было событие всемирной значимости, как сегодня олимпиада. К открытию выставки пустили первый в России трамвай, показывали первый русский автомобиль, только что изобретенное радио. Павильоны ярмарки декорировали самые модные русские художники.

Руководил выставкой лично министр финансов, всемогущий Сергей Юлиевич Витте: на ее организацию были выделены баснословные по тем временам суммы. В Нижнем Новгороде собрался весь свет деловой России. Приехала на выставку и Елизавета Шабельская – корреспондент сразу нескольких крупных немецких газет. Будучи женщиной невероятно практичной, Шабельская сразу обозначила для себя «важные» цели. А именно купцов, банкиров, миллионщиков, – всех, кто мог помочь ей двигаться дальше.

Больше всех интересовал Эльзу фон Шабельски, как она назвалась в России, Савва Морозов. Но умный купец в ее сети попал далеко не сразу, и ненадолго. Наоборот, как вспоминал критик Амфитеатров, «он вежливейше, но систематически ее вышучивал, что ее ужасно бесило». Вышучивать было за что – в России, стремясь показать себя как мудрую, многоопытную и повидавшую все даму, Шабельская держалась необычайно эксцентрично, а порой откровенно смешно.

А. Амфитеатров: «Речью она была грубовата, закулисно вульгарна, выражениями не стеснялась, и все вещи бесцеремонно называла своими именами, чем немало ошеломляла, пугала и даже отвращала от себя иных новых знакомых».

Но далеко не всех. Сильных мира сего ее смелость и эксцентричность, наоборот, привлекали. Для них явилась она в Россию «источником государственных идей и вдохновений».

Главной победой Шабельской был комиссар выставки Владимир Иванович Ковалевский. Красивый и импозантный мужчина 48 лет. Ковалевский служил директором департамента

торговли и мануфактур и вместе со своим шефом, Сергеем Витте, руководил организацией и проведением нижегородской выставки. Ковалевский был невероятно трудолюбив и талантлив. Блестящую карьеру он сделал буквально с нуля. Даже не с нуля, а с жирного минуса.

Сын небогатого помещика, армейский прапорщик, он увлекся идеями Чернышевского и Писарева, вышел в отставку и поступил в Петербургский земледельческий институт, готовивший агрономов. Кто как не агроном в повседневном общении с мужиками сможет объяснить им необходимость бунта против существующих порядков? Он сблизился с революционерами, а после того как знаменитый Сергей Нечаев со своими товарищами по обществу «Народная расправа» убил в Москве заподозренного ими в предательстве студента Ивана Иванова, начались аресты (это дело положено в основу романа Федора Достоевского «Бесы»). Выяснилось, что организатор убийства, зловещий Нечаев, скрывался несколько дней в Петербурге у студента Владимира Ковалевского.

Ковалевский (как и его ближайшие товарищи по кружку Владимир, Иван и Екатерина Лихутины) был в 1870 году заключен в Петропавловскую крепость. В 1871 году на знаменитом процессе «нечаевцев» Ковалевского оправдали. Он женился фиктивным браком на также оправданной Екатерине Лихутиной. Как это часто бывало, фиктивный брак вскоре превратился в реальный.

После процесса Владимир Ковалевский, что называется, одумался. Закончил Петербургский земледельческий институт, несколько лет прожил в своем имении под Харьковом, стал специалистом по экономике сельского хозяйства.

В 1879 году Ковалевский обратился с просьбой к своему издателю (Владимир Иванович печатал статьи научно-экономического содержания), заслуженному генералу Сергею Зыкову, оказать ему содействие при поступлении на государственную службу. В том же году Ковалевский получил место в министерстве государственных имуществ и быстро продвинулся по службе. С 1884 года он стал вице-директором департамента в министерстве финансов. Но полиция обратила внимание на то, что бывший нигилист занимает высокий государственный пост, и ему пришлось покинуть свою должность.

Владимир Ковалевский был одним из лучших в России специалистов по экономике и финансам и отличался блестящим административным талантом. Новый министр финансов Сергей Юлиевич Витте лично попросил за него влиятельного при дворе князя Владимира Мещерского.

Князь Мещерский вспоминал позже разговор с С. Витте: «Да ведь Ковалевский... не только либерал, но и красный». Витте на это мне сказал: «И государь того же мнения, а между тем он теперь перестал быть красным, и жаль было бы такого способного человека не утилизировать».

Ковалевскому устроили встречу с Александром III. После нее Владимир Иванович и получил должность директора департамента торговли и мануфактур. Ковалевскому прочили в будущем министерскую должность, которую он вероятнее всего и получил бы, если б не одно обстоятельство.

«Он наверное сделал бы совершенно выдающуюся карьеру, если бы не его слабость в отношении женского пола, слабость, благодаря которой недостойные женщины его эксплуатировали...», – так в своих мемуарах описал Владимира Ковалевского Сергей Витте. Под «недостойными женщинами» Витте, очевидно, имел в виду Елизавету Шабельскую, именно связь с ней сломала Ковалевскому карьеру.

Шабельская приходилась Владимиру Ивановичу свойственницей – ее родная сестра состояла в браке с его братом. Они были знакомы с юности, их имения располагались рядом. Так что в Нижнем Новгороде Елизавета просто возобновила знакомство.

Ковалевский женился случайно, супругу не любил, но соблюдал внешние приличия. Детей у них не было. Владимир Иванович пропадал на службе, часто уезжал в командировки за границу и в провинцию. Он имел твердую репутацию бабника, но это представлялось делом обычным; сильных увлечений, способных нарушить семейный покой, Ковалевский не допускал. Но в Шабельской шик и порок сочетались так заманчиво, что директор департамента потерял голову.

Шабельская была немолода – в 1896-м ей исполнился 41 год. Ее характер к этому времени сделался почти невыносимым. «Интересно с нею было, но и жутковато. Истерия, морфий и портвейн сделали ее одной из самых диких женщин, которых когда-либо рождало русское интеллигентное общество», – вспоминали современники.

На нижегородской выставке главным развлечением для большинства участников и гостей были рестораны и кутежи. Там Шабельская особенно выделялась. Современники так описывали выходы Елизаветы Александровны: «Во время всероссийской выставки на большом обеде обращала на себя всеобщее внимание, неумеренно пила вино, бесцеремонно обращалась со всеми и вообще держала себя слишком развязно... Старалась подчеркнуть свою близость к товарищу министра финансов».

Шабельская, и правда, сразу поняла: Ковалевский – ее шанс, быстрый и стопроцентный путь к успеху. Тем более, вел Владимир Иванович себя соответствующе. Талантливый чиновник и государственный деятель, в отношениях с Елизаветой Александровной Ковалевский хотел явно не повелевать, а подчиняться.

Шабельская просто не могла не воспользоваться этой его слабостью.

В конце века. Любовь

Выставка заканчивается, Шабельская уезжает в Берлин. Но ненадолго. Влюбленный Ковалевский забрасывает ее письмами: «Если бы все женщины были, как Эльзочка, то мир был бы счастлив». Ковалевский посылает Шабельской деньги, умоляет бросить Гардена и поскорее вернуться из Берлина.

Но она как будто специально медлит, мучает его. Ковалевский теряет терпение. Письма чиновника становятся еще более страстными, он упражняется в поэтических нежностях: «моя любимая девочка, дорогой Эльзас», своей «звездочке» он обещает посвятить всю жизнь, а себя называет «исполосованной жизнью собакой», спасти которую способна лишь она – Шабельская.

Владимир Иванович писал: «Как хорошо все пришлось ко мне в тебе, ты выше всех женщин, я ниже всех мужчин».

«Вспомни того, на кого ты смотрела грустными глазенками, уезжая в Берлин. Там можешь купить себе собачку и что пожелаешь, а попугая найдем в Петербурге... Приезжай в Петербург, я найду для тебя занятие. О материальном благополучии ты не беспокойся. Приезжай трудиться вместе. Все, что у меня, будет твое...»

Вот как он определял свое чувство: «Люблю до слез... Не было в жизни такого случая. И как приятны такие слезы. Как хорошо видеть сквозь них – даже писать можно. Плакать от радости – высшая мера счастья. Говорят, что любовь – чувство физическое, окутанное лишь слабой атмосферой духовности. Отчего же так подымается дух, отчего какое-то светлое сияние в душе? Конечно, это прежде всего, в этом источник счастья».

«Понимаю все богатство твоей натуры, всю чуткость твою ко всему прекрасному и благородному, а потому так высоко ставлю тебя. Без таких людей, как ты, жизнь была бы пустыней, а в пустыне стоит ли жить? В твоём дорогом образе Бог послал мне светоч, и я должен сохранить его не только для себя, но главное – для своей родины».

«Ты чудный человек, чудная женщина, редкий ум, редкое сердце. Поэтому-то все так любят тебя. Каждый к тебе приближающийся чувствует инстинктивно, что ты хорошая, святая, звездочка, упавшая с небес на землю... А потому сохранять для мира эту звездочку не только личная моя, но и общественная обязанность. Я эту обязанность признаю больше других, хотя бы только потому, что люблю тебя больше, чем все люди, взятые вместе...»

«Прежде всего, тебя надо сохранить для всего хорошего, что

ты можешь сделать, тебя надо отдать России и сохранить для нее...»

«Да, твоя власть над моей душой безгранична...»

«Еще через три часа я поцелую твою рученьку, а потом пойду на дневную сутолоку, гордый как Цезарь, вносящий в Рим трофеи своих побед, радостный, как апостол при вести о воскресении Христа, богатый, как Крез, и смелый, как Муций».

Новый 1897 год Шабельская справляла уже в Петербурге, в гостях у Алексея Сергеевича Суворина, в подарок редактору Елизавета Александровна привезла изданный в Берлине роман Суворина «В конце века. Любовь» в своем переводе.

Ковалевский снял для любовницы огромную 12-комнатную квартиру на Екатерингофском (ныне Римского-Корсакова) проспекте. Мебель для квартиры была все с той же нижегородской выставки. Там, в Нижнем Новгороде, был знаменитый Прохоровский павильон, который приобрел особую, как говорили на выставке, «амурную популярность». Он был заставлен роскошной бархатной мебелью и больше похож «то ли на будуар, то ли на гостиную, то ли вообще на какой-то храм любви». После окончания выставки хозяева павильона в знак особого расположения всю эту мебель подарили Шабельской. Ею она по приезде из Берлина и обставила теперь уже собственный «храм любви».

В доме 14 по Екатерингофскому проспекту, рядом с Харламовым мостом, кроме самой Шабельской, постоянно проживал еще один человек – доктор Алексей Борк, он жил в третьем этаже, Шабельская – в бельэтаже.

Как и с Ковалевским, познакомилась с ним Шабельская все на той же Нижегородской выставке. К 40 годам пристрастие к морфию и алкоголизм стали для Шабельской важнейшей жизненной проблемой. В трезвом состоянии ее мучили припадки истерики и страшные головные боли.

А. Амфитеатров о Шабельской: «Превращалась в неврастеническое чудовище... даже физически изменялась, мгновенно старея на 10 лет. В этом состоянии она была на все способна: выстрелить в человека, выброситься из окна, выбежать нагою на улицу, плюнуть в лицо незнакомому прохожему, поджечь собственную постель».

Не помогали ни доктора, ни лекарства. В конце XIX – начале XX века для лечения алкоголизма и наркомании все больше применяли гипноз. Десятки врачей проповедовали именно его. В газетах писали: «Гипнотическое внушение для лечения наркоманов и пьяниц можно считать в настоящее время одним из лучших способов». Психиатр Алексей Борк был известен своим

гипнотическим даром. Во время одного из приступов на выставке в Нижнем Новгороде Шабельской посоветовали обратиться к нему за помощью. Репутация у него была неоднозначная: человека «даровитого, но... обленившегося и совершенно запустившего свою науку». Зато со «счастливой рукой».

Почти весь свой заработок провинциальный доктор тратил на дорогие вина. Пил он много, но исключительно шампанское. «Нервы у Борка были расшатаны до такой степени, – говорили современники, – что сам он представлялся временами чуть ли не кандидатом в «палату номер шесть».

Но гипнотизером доктор Борк был сильным. Шабельскую он лечил простым наложением рук. Через пять минут после его сеансов Шабельская всегда крепко засыпала, а проснувшись, еще несколько часов была весела и не испытывала тяги к морфию и портвейну.

Борк сделался ее живым лекарством. На выставке она не отпускала его от себя ни на шаг, а когда переехала в Петербург, убедила Ковалевского, что этот доктор ей жизненно необходим, переселила Борка к себе в квартиру и заставила влиятельного любовника добыть для него хорошее казенное место.

Алексей Борк был отличным собеседником, глубоким мистиком и ярким монархистом. А поскольку из Германии Шабельская вернулась «ярой фанатичкой дома Романовых» и патриоткой, в Борке она нашла не только врача, но еще и единомышленника. Между ними, как говорила Шабельская позже, возникла «таинственная связь».

Алексей Борк

Ковалевский Борка терпит, но симпатий к нему не испытывает. Позже, на судебном процессе между Ковалевским и Шабельской, свидетель Борк покажет: «Когда Ковалевский находился наедине с Шабельской, ему (доктору) без спросу нельзя было даже отворять дверь. У нас были с ней дружеские отношения: ведь я всегда мог иметь целую женщину, а не половину!»

Ходили слухи, что в дом к Шабельской Борка подселили специально, для маскировки, чтобы скрыть роман с Ковалевским. Может быть, но вскоре что-либо скрывать стало бессмысленно.

В первые месяцы пребывания Шабельской в Петербурге, она заходила к супругам Ковалевским домой, на правах свойственницы хозяина. Но вскоре Екатерина Ковалевская узнала горькую правду. Некий аноним постоянно писал ей письма, где сообщал новые и новые пикантные детали романа Владимира Ивановича и Шабельской. Она знала и о квартире в доме у Харламого моста, и о том, что ее муж брал Шабельскую с собой на финансовый конгресс в Будапешт. Неизвестный доброжелатель послал ей даже письмо с приложением неиспользованного железнодорожного билета до Парижа на двойное купе. Ковалевский собирался на Парижскую выставку с Шабельской, но дата выезда была перенесена.

Брат Екатерины Ковалевской, Владимир Лихутин, на будущем процессе по делу Шабельской утверждал, что анонимным доброжелателем была сама подсудимая. У кого еще мог находиться неиспользованный билет? Понятна и цель Шабельской – добиться развода супругов Ковалевских, чтобы самой выйти замуж за директора департамента.

На показание Лихутина Шабельская отвечала: она бросила неиспользованный билет в корзину, и им воспользовались враги. Кто эти таинственные враги – непонятно.

Но, так или иначе, не только Шабельская, но и сам Владимир Иванович не думает об осторожности. Их роман обсуждает весь Петербург.

Шабельская пользуется не столько деньгами и любовью Ковалевского, сколько его положением. Влияние Елизаветы Александровны на Ковалевского в первые годы их знакомства – всеохватно. Позже она признавалась: «Господин Ковалевский советовался со мной по всем делам, часто даже по государственно важным. Некоторые министерские бумаги сохранились у меня до сих пор». Часто одного ее слова было достаточно, чтобы нужный

человек получил место или чин. Просители собирались на «вечерах» у Шабельской, а она дальше улаживала дело с самим Владимиром Ивановичем.

Ковалевский понимает: Шабельская – не содержанка. Она жаждет деятельности и известности. Пользуясь своим служебным положением, Владимир Иванович инициирует издание новой петербургской газеты «Народ».

В редакционном объявлении сказано: «Редакция газеты принимает слово “Народ” не в узком обозначении этим именем крестьянского сословия, а в широком смысле всего русского народа, в полном его составе, во всех проявлениях его жизни государственной, общественной, умственной, религиозно-нравственной, художественной, экономической. Каждая нужда русского народа, как единого целого, каждое его движение вперед по пути исторического развития на твердых основах русской государственности и общественности найдут в газете и фактическое изложение, и беспристрастную оценку. Воздерживаясь от широковещательных обещаний, нередко втуне остающихся не по вине редакции, скажем только, что газета “Народ” употребит все свои силы и средства на то, чтобы достойно носить принятое ей наименование».

Периодическое издание немедленно получает казенную субсидию и это понятно: в статьях газеты проводится взгляд, что «истинное просвещение русского народа возможно лишь под охраной народолюбивой самодержавной власти, при полной самостоятельности всех общественных сил». Издателем числится бывший сотрудник департамента полиции Аркадий Мальшинский, редактором – проверенный консервативный журналист Николай Стечкин. А главным автором – Елизавета Шабельская.

Она пишет один-два больших фельетона в неделю: о том, что «еврейство прячется всегда, как ядовитое насекомое, присосавшееся к телу жертвы и тем опаснее, чем незаметнее»; о купце Иване Воронине, выстроившем на свои средства храм для рабочих на Гутуевском острове; о преступлениях страсти. Пробует вслед за Достоевским вести «Дневник писательницы».

Но основная ее специальность, конечно, – театральная рецензия. Она откликается на балеты, оперы, выступления кафешантанных певичек, но чаще всего объект ее интереса – драматические спектакли на двух главных петербургских сценах – в Александринском и Суворинском театрах.

И видно, как она по театру скучает, как ревнует к зрительскому успеху тогдашних звезд, которых воспринимает как незаслуженно удачливых соперниц.

Вот о царице Александринки Марии Гавриловне Савиной: «Госпоже Савиной, наверное, надоело играть все ту же даму в разных туалетах, дайте же ей что-то новое, дайте развернуться ее гибкому таланту, не заставляйте изображать те же чувства и страдания... Она не считается с электричеством, гримируясь слишком скупно. От яркого освещения ее лицо кажется иногда серым, и совершенно не подведенные глаза как-то исчезают, когда лучи рампы падают на них в упор».

Вот о сопернице Савиной Вере Комиссаржевской: «Полное отсутствие шика, полное неумение подобрать прическу и костюм к лицу, – как тут сыграть блестящих очаровательниц».

А так она отзывалась об инженю Суворинского театра Лидии Яворской: «На поприще капризных кокеток, увлекающих, но не увлекающихся в ролях, требующих не глубокой страсти, а только вспышек чувств, у госпожи Яворской соперниц нет и быть не может».

Шабельская пишет многословно, не справляется с композицией, начинает мысль и не заканчивает ее. Но «Народ» не «Новое время», редактировать ее некому. Эта газета – ее игрушка.

Суворин, работать у которого после переезда в Петербург она перестала, записал в дневнике: «В течение нескольких лет она стала богатой, разъезжает в каретах, нанимает дом-особняк и дает фестивали, в течение которых к ней приезжают курьеры. Она раздает места и способствует предприятиям».

За пределами Петербурга Ковалевский, не стесняясь, называл Шабельскую супругой.

Из мемуаров барона Врангеля: «В Сочи мне швейцар доложил, что приехал “генерал” Ковалевский с супругою...»

Я пошел на пляж искупаться... Недалеко от меня плавала немолодая женщина. Немного позже, уже в гостинице, мы опять встретились. Женщина оказалась известной антрепренершей Шабельской, которую швейцар и назвал “супругой” Ковалевского... Завтракать Владимир Иванович явился... не один, а с “супругою”. Говорить о делах “супруга” нам, конечно, не дала. Трещала без умолку».

Там же, в Сочи, Ковалевский подарил Шабельской 28 десятин земли и взял с нее вексель, то есть долговое обязательство, в 15 тысяч. Шабельская недолго думая продала землю за 30.

К Шабельской идут за чинами, за разрешением на создание промышленных предприятий, орденами и почетными званиями. Владимир Ковалевский курирует Политехнический институт в Петербурге, поэтому среди просителей преобладают мамы с гимназистами. Все хотят стать студентами бесплатно, за казенный счет. Она беззастенчиво пользуется влиянием

Владимира Ивановича. Ей перепадают и деньги, и дорогие подарки.

Из петербургских газет: «Госпожа Шабельская не профессор, но она лучше любого ученого определяет молодых людей в учебные заведения. Всем известно, что легче выйти из полицейского участка, чем попасть, например, в Петербургский политехнический институт, но стоит госпоже Шабельской сказать слово своему другу, как тот “просит” о приеме талантливого юноши».

Елизавета Александровна упивается неожиданной властью. Столько лет она скиталась и страдала, а теперь вдруг такое влияние. Журналистика ее больше не увлекает: газету никто не читает. В Петербурге у «Народа» существует презрительная кличка «Урод». Помимо «важных дел Ковалевского» Шабельская решает осуществить давнюю мечту – вернуться в театр. Правда, теперь она уже не в том положении, чтобы проситься в труппы.

В 1900 году Елизавета Александровна Шабельская арендовала театр и сад на Офицерской улице. Елизавета Александровна гордо назвала свой театр «Петербургским» и стала его антрепренершей, проще говоря, владелицей и директором. Конкурент, купец Тумпаков, давал за театр на Офицерской больше Шабельской, но хозяин уступил влиятельной даме. Алексей Суворин, заметно охладевший к своей недавней confidentке, ехидно отметил: «Она сняла за 25 тысяч, а Тумпаков предлагал 30 тысяч. Директор дома говорил, что непременно отдаст Шабельской, потому что она с шестью министрами чуть ли не в связи. Ковалевский в этой бабе роет себе могилу».

Но Ковалевский пока никакой опасности не видит. Напротив, всячески помогает своей возлюбленной обрести нужными и полезными связями, рекомендуя Елизавету Александровну как «все равно себя самого». Шабельская с головой уходит в организацию театра.

У сада, который наняла Шабельская, была история. Еще в 1793 году там устраивали маскарады и танцы. В первой половине XIX века на Офицерской, 14 развлекались в основном жители соседней Коломны, зато к концу века место «облагородили», и туда потянулась «золотая молодежь». По имени владельца, купца Демидова, сад иронично называли «Демидрон».

Особенность столичного лета – белые ночи. Идти домой не хочется ни горожанину, ни приезжему. И с конца XIX века в Петербурге в моде летние театры. В них ставятся пьесы легкого жанра, в основном оперетты или дивертисмент: фокусы, танцы, юморески. Тут же – ресторан, часть столиков в саду, под открытым небом или на веранде. Ходят сюда прежде всего развлечься, вкусно поесть и выпить. Высший свет в таких местах почти не бывает, слишком уж свободные здесь порой царят нравы.

Среди посетителей преобладают холостые гвардейские офицеры, оставшиеся в городе чиновники и столичные кокотки. Шабельская хочет открыть самый лучший садовый театр в России.

Из газеты: «Все сады походят один на другой. С той лишь разницей, что в одном бывает публика, а в другом нет. Но все, что представляется в садах – везде одно и то же».

Европейский шик стоит дорого. Елизавета Александровна провела 10 лет на Монмартре, играла в Венских и Берлинских кабаре. Она знает, как добиться успеха. Канкан, электрическое освещение, фонтаны, бассейны, пиротехника. Молодая

тренированная труппа. Все, от афиши до ресторанного меню, продумано до мелочи. Конечно, тех денег, которые дал ей Ковалевский, не хватает. Нужны еще сотни тысяч.

Чуть ли не главным и любимым детищем Шабельской в театре становится буфет – на изысканные яства и французские вина она выкидывает баснословные суммы. Ее театр так и окрестили – «театр при буфете».

Известный театральный критик Александр Кугель, крайне редко писавший о спектаклях Шабельской, заметил про ресторанную часть: «внезапно обнаружила она большие способности по буфетной части в такой же мере, как бестолковость по театрально-административной». Считать деньги и вести дела она была абсолютно неспособна. Но поначалу публика у нее бывала, и это была относительно приличная публика. Через несколько лет директорша призналась в своем автобиографическом романе, что шли к ней не столько ради развлечения, сколько ради дела: «познакомиться с хозяйкой, пользующейся не только репутацией ума и любезности, но и влиянием в разных кругах». Про влияние Шабельская не соврала. Ковалевского тем временем повысили в должности, он стал товарищем, то есть правой рукой министра финансов Сергея Юлиевича Витте. Но вот репутация ее к тому времени все больше хромала. По городу ходили слухи: ежедневно Шабельская приезжает в театр с утра, напивается и уезжает.

О «Петербургском театре» говорили разное. Спектакль «Вий» (гоголевскую повесть инсценировала сама Шабельская) пользовался большим успехом, за сезон он выдержал 40 представлений. Недоброжелатели утверждали: это успех сложной, дорогой иностранной машинерии, заставлявшей летать над сценой гробы, мертвецов и самого Вия. Запрещенная прежде к постановке пикантная мелодрама «Рабыни веселья» (из жизни ресторанных хористок) благодаря Ковалевскому игралась только в театре Шабельской, имела сенсационный успех и выдержала 60 представлений.

Но свести доходы с расходами не получалось. Шабельская по большей части ставила либо свои пьесы, либо свои переводы иностранных пьес, но главное – почти все главные роли, в основном юных красоток, играла она сама. Играла из рук вон плохо, чем дальше, тем хуже. И критики ее не жалели: «Исполнялась пьеса так, как исполняются в “Петербургском театре” все пьесы, где играет г-жа Шабельская, то есть очень плохо. Монотонная однообразная читка... отсутствие темперамента, неподходящая внешность – вот артистические данные г-жи Шабельской. Вдобавок, г-жа Шабельская обладает

удивительной способностью мешать своим партнерам: она не только не держит тона, но и не слушает своих партнеров, а потому всегда отвечает им невпопад».

На своей сцене у Шабельской появилась еще одна странная манера – начинать внезапно импровизировать. С середины фразы она вдруг начинала говорить совершенно неожиданные вещи, партнеры приходили в недоумение. А Шабельская ругалась – «что же это у них никакой фантазии нет что ли!»

Так или иначе, «Петербургский театр» не окупался. Затраты были огромные, а доходы, хотя и росли, затрат не покрывали. Шабельская была уверена: еще один-два сезона, и театр встанет на ноги. Тем более что Ковалевский покрывал все убытки, и ни один банк не смел отказать ей в кредите.

Однако, что-то изменилось в отношениях Владимира Ивановича. Он ее как будто стал избегать, сделался не так щедр, ворчал, что на театр уходит слишком много денег. Позже в охлаждении отношений с любовницей Ковалевский обвинял саму Елизавету Александровну. «Лишь только она ввязалась в театральное предприятие, она стала отдаляться от меня. Прежние дружеские отношения заглохли. Ее стали окружать различные люди, не нравившиеся мне. К тому же, – добавит Ковалевский, – между Шабельской и доктором Борком уже существовала не только мистическая, но и интимная связь».

И вот, осенью 1902 года, как гром с ясного неба, сокрушительная новость: Владимир Иванович Ковалевский нашел новую любовницу и больше тратить на Елизавету Александровну и ее театр не намерен.

К середине 1902 года театр привел Шабельскую к абсолютному банкротству – ее долги составляли 54 тысячи рублей. По тем временам, астрономическая сумма. Деньги Ковалевского заканчивались. Шабельской нужно было чем-то расплачиваться.

Осенью 1902 года в «Петербургском театре» давали бенефис в честь директорши. Несмотря на громадные долги, на свои «артистические именины» Шабельская деньги нашла. Играли «Орфея в аду» Оффенбаха. 30 лет назад в Париже в постановке этой оперетты молодая Лиза Шабельская была только рядовой грацией, в Петербурге грация превратилась в Венеру. В романе «Векселя антрепренерши» Шабельская размашисто опишет свой бенефис.

В театре, по ее заявлению, «как всегда у г-жи Шабельской, был весь Петербург», первые ряды занимали банкиры, юристы, купцы-миллионщики и просто старые друзья актрисы. По словам Шабельской, это был чуть ли не лучший бенефис за всю историю театра. Савва Морозов прислал в подарок бенефициантке бриллиантовую брошь, Людвиг Нобель – 200 рублей. Владимир Иванович Ковалевский – бирюзовую парюру. Но сам на представление не явился. Публика шепталась: скандальному роману пришел конец. Но скандалы только начинались. Этот бенефис был прощанием Шабельской с театром. На сцену Елизавета Александровна больше никогда не выйдет.

Шабельская узнает имя любовницы Владимира Ивановича – Майя Иловайская. Ей 31 год, она дважды была замужем. Урожденная Благодетельская, дочь знаменитого издателя и публициста. По матери – графиня Гендрикова. Выпускница Смольного института благородных девиц. По первому браку Бекарякова, по второму – Иловайская. От второго брака имеет трех детей.

Но это не останавливает пылкого Владимира Ивановича. Он решает не только порвать с Шабельской, но и развестись с женой. Делает Иловайской предложение руки и сердца.

От горя за год Шабельская из красавицы превратилась в старуху. Вот такой портрет Шабельской опубликовал критик Александр Кугель: «дама более чем бальзаковского возраста с выцветшими глазами, самоуверенно глядевшими через пенсне, с небрежно причесанными, чуть ли не соломенными волосами и хриплым голосом».

Через несколько дней после последней премьеры Шабельской

предъявили обвинение в подделке векселей на сумму 120 тысяч рублей. Начался, как выразилась сама обвиняемая о слушании похожего дела в 1870 году, «один из интереснейших судебных процессов» XX века.

Еще в октябре 1902 года по Петербургу стали циркулировать слухи о появлении векселей на служебных бланках на имя тайного советника Владимира Ивановича Ковалевского, с его подложными подписями.

Подозрение возникло, когда векселей от имени Ковалевского появилось в обращении слишком много. И все на сравнительно мелкие суммы. Кредиторы задались вопросом: зачем Ковалевскому – человеку с огромными финансовыми связями – брать так много мелких займов? По просьбе Владимира Ивановича любой крупный банкир немедленно дал бы ему ссуду на любую, сколь угодно крупную сумму, причем без всякого векселя – на честное слово.

Векселя эти от имени Ковалевского предъявляла и гасила Шабельская. Между тем векселя, которые до 1902 года гасились, теперь лежали в банках без движения. В городе поговаривали: товарищ министра больше не содержит антрепренершу, векселя ничем не обеспечены. Банкиры заволновались.

С вопросами обратились к самому Ковалевскому. Выяснилось: Владимир Иванович о долгах вообще ничего не знал. Взглянув на свои служебные бланки с передаточными записями на имя Шабелькой, Ковалевский прямо сказал: это подделка, подпись не моя. Всего таких векселей обнаружилось 49. Большая часть долговых бумаг приходилась на июнь, июль и август 1902-го. Как раз в то время Шабельская испытывала самые большие финансовые трудности, и Ковалевский уже перестал ей помогать материально.

В то же время сам Ковалевский неожиданно узнал, что несколько векселей с его подписью имеются в Русском для внешней торговли банке. Директор правления этого банка Аркадий Рафалович самолично показал Ковалевскому векселя, на обороте которых действительно оказались передаточные надписи от имени Ковалевского – Шабельской. (То есть Ковалевский официально обязался оплачивать долги Елизаветы Александровны.)

Однако Владимир Иванович прекрасно помнил: никаких передаточных надписей он не делал. Ковалевский попросил коммерции советника книгоиздателя Илью Эфрона узнать, кто кроме Русского для внешней торговли банка является держателем фальшивых векселей с подписью от его имени. Отказать в такой просьбе товарищу министра Эфрон не мог. Тем более что и сам

он выдал по «векселям» Ковалевского 20 тысяч рублей Шабельской.

В ответ на упрек товарища министра – как, зная его, он мог учитывать такие векселя, – Эфрон показал письмо от имени Ковалевского, которого тот никогда не писал, со словами: «Я не буду оспаривать подпись...»

Обнаружились векселя в Торгово-промышленном банке, у банкира Одинцова, у киевского богача Гинцбурга. Все они были признаны Ковалевским подложными.

Проверяя эти сведения, начальник Петербургской сыскной полиции Михаил Чулицкий выяснил: векселя с подписями Ковалевского без его ведома были учтены в разных банках и у частных лиц на общую сумму 120 тысяч рублей.

Алексей Суворин при встрече советовал Владимиру Ивановичу обратиться к прокурору, Ковалевский сомневался: «Пойдет сплетня, вывалят массу грязи. Всего лучше, если б она созналась». На неформальном совещании с единомышленниками постановили: Ковалевский должен уговорить Шабельскую решить дело миром. Ковалевский пытался сам договориться с Шабельской. Она признает вину, он оплатит подложные векселя, и антрепренерша избавит себя от суда и заключения. На стороне Ковалевского выступили оба брата Шабельской и их жены. Да и сам Суворин пытался образумить бывшую подругу.

Из письма Суворина к Шабельской: «Когда я говорил с вами... чтоб вы сознались, вы стояли на своем и были не интересны и не убедительны. Вы непременно хотели показаться совершенно чистой».

Но Шабельская встала на тропу войны: не только не собиралась сознаваться, наоборот – громко заявляла о собственной невинности и старалась придать делу максимальную огласку.

Между тем, и помимо тяжбы с Шабельской неприятностей у Владимира Ивановича хватало. Ради женитьбы на Иловойской Ковалевский развелся с женой, в качестве причины выставив ее неверность. При этом он дал консистории клятву под присягой, что никогда не нарушал супружеского долга. Жена обвинила Ковалевского во лжи и клятвопреступлении, в том, что тот намеревается ее ограбить, хочет отобрать подаренное ей имение стоимостью 160 тысяч рублей (причем оплатил его Людвиг Нобель).

Ковалевский умоляет Суворина: «Очень и очень прошу вас не допускать на столбцах вашей газеты что-либо по отношению ко мне. Мне было бы это крайне тяжело по семейным обстоятельствам».

Но в Петербурге и Москве хватало изданий и без суворинского «Нового времени». Дела Ковалевского вскоре совершенно расстроились, не без помощи его бывшей «звездочки» Елизаветы Александровны.

Шабельская понимает: лучшая тактика – информационная война. Она забрасывает письмами газеты: Ковалевский предал сначала жену, а потом и ее, завязав роман с Майей Иловойской. «“Сподвижники” новой любовницы Ковалевского, – пишет Шабельская, – и разорили ее театр, чтобы избавиться от “влиятельной” конкурентки». Елизавета Александровна со

свойственной ей экспрессивностью заявляет: «Надо мною было совершено нравственное насилие».

Совсем скоро Иловайская, и правда, стала законной женой Владимира Ковалевского. Майя родила ему сына. Эта история – очень на руку Шабельской. Успокаиваться «обиженная» актриса и не думает. Начинается главный спектакль ее жизни.

Ковалевский в непрестом положении. При русском дворе борются две партии. Одну возглавляет Сергей Витте, министр финансов. Это люди дела, которым Россия обязана подъемом 1890-х, крепким рублем и строительством великой Сибирской железной дороги. К этой партии принадлежит и Владимир Ковалевский. И он, и Витте появились в правительстве при Александре III.

Новому царю, Николаю II, эти люди в тягость, они давят на него своим авторитетом, дерзают оспаривать его решения. И молодой государыне это неприятно, они заслоняют ее Ники. Естественно, что у партии Витте быстро появляются враги, желающие заменить ее в правительстве. Скандальное поведение Шабельской, содержанки Ковалевского, дает им дополнительные поводы.

И Владимиру Ивановичу Ковалевскому, и его начальнику и покровителю Сергею Витте, история со скандальным разводом и векселями Шабельской наносит страшный удар. Как и боялся Ковалевский, следствие по делу Шабельской вызвало политический скандал. Министр внутренних дел России Плеве настоятельно советует Владимиру Ивановичу выйти в отставку. Ковалевский безропотно соглашается. В ноябре 1902 года Владимир Ковалевский уходит в отставку, в августе 1903-го Витте перемещают на малозначачий пост председателя Комитета министров.

Это – первое триумфальное появление Елизаветы Шабельской на политической сцене России.

Слухи о причинах отставки Ковалевского и опалы Витте расползаются по столице. Пресса не может пройти мимо такого скандала. По Петербургу шепчут: Ковалевский подписывал бланки, находясь под гипнотическим воздействием любовника Шабельской Алексея Борка. Владимир Иванович понимает: и теперь, когда он в отставке, «замять» историю не удастся.

Коммерческий суд и арест

Итак, дело дошло до коммерческого суда (по-нашему – арбитража). О происхождении передаточных записей на бланках была спрошена Елизавета Александровна. Она призналась: для того чтобы погасить театральные долги, она, и правда, использовала бланки Ковалевского, в которые сама вписывала разные суммы. Но бывший любовник лично передал ей эти бланки на случай «разных неприятностей». Он гарантировал ей оплату всех займов, которые она осуществляла в банках и у частных лиц. И до 1902 года всегда оплачивал векселя.

– Два или три таких бланка я не представила к учету и храню у себя.

– Для какой цели?

– Чтобы уличить Ковалевского, если он заявит о подложности векселей, и представить эти бланки для экспертизы.

На некоторых векселях с подписями Ковалевского были и подписи Борка. По словам Шабельской и Борка, доктор оставлял на векселях свою подпись по просьбе Елизаветы Александровны. Другим близким человеком к Шабельской был ее бывший любовник (еще по Вене) князь К. А. Друцкой-Любецкий. Он также участвовал в некоторых вексельных операциях.

– Я старался быть полезным Шабельской главным образом потому, что проектировал организацию одного промышленного предприятия и рассчитывал, при посредстве влияния Шабельской на Ковалевского, скорее осуществить свой план, – показал князь у судебного следователя.

4 июля 1903 года в квартире Шабельской произвели обыск, но никаких бланков от имени Ковалевского найдено не было, а Шабельская заявила: они хранятся в другом месте, и обещала представить бланки следствию. Действительно, позже она предъявила следователю три векселя на имя Ковалевского с передаточными надписями от его имени, не заполненный текстом лист вексельной бумаги в 3 тысячи рублей и нижнюю половину такого же листа в тысячу рублей с подписями Ковалевского.

В. И. Ковалевский объяснил, что с 1899 по 1901 год включительно он действительно передал Шабельской, по ее просьбе, 9 вексельных бланков, не заполненных текстом, со своими передаточными и поручительными надписями. Шабельская, по словам Ковалевского, уверяла его, будто бы она занимала деньги, большей частью у жены своего брата (сестры Владимира Ивановича). К тому же во время управления Елизаветой Александровной именем Ковалевского в Сочи ей

нередко требовались подписи владельца, который для удобства дал ей несколько листов бумаги со своими подписями, чтобы она могла заполнить их в случае надобности соответствующим текстом.

Шабельская вручала заемщикам не только бланки, но даже письма от Ковалевского, в которых тайный советник уверял: «услуга ей – для меня тоже, если не больше, чем оказанная мне самому». После таких писем не дать денег Шабельской просто не осмеливались.

Главный вопрос, который должен был решить суд – поддельные это векселя или нет, и если они подделаны, то кем. Векселя и письма были подвергнуты почерковедческой экспертизе.

Елизавета Александровна отрицала свою вину, отвечала: она подписи не подделывала. Крестилась перед иконой, плакала и уверяла: слухи о многочисленных векселях распускают ее враги.

Через месяц графологи вынесли первый вердикт: «По делу Владимира Ковалевского и Елизаветы Шабельской имеются важные доказательства полиграфии, материалы подписей с 1892 по 1902 год доказывают о точном и характерном изменении букв Владимиром Ковалевским. Особенной характерностью отличаются округленность букв и интервалы в слогах. Бланковая надпись на векселях не имеет такого характера и сделана кем-то другим».

Почерки Борка и Шабельской признаны экспертами очень схожими, так что подложные подписи на векселях были сделаны кем-то из них.

В результате решения коммерческого суда Елизавета Александровна лишилась театра, ее выселили из 12-комнатной квартиры на Екатерингофском проспекте. Пришлось снять небольшую квартирку неподалеку. Ее постоянный спутник Алексей Борк на этот раз поселился отдельно. Правда, совсем рядом – в соседнем доме.

Тем не менее Ковалевский готов заплатить по чужим векселям, лишь бы не раздувать скандал. Но Елизавета Александровна решает идти до конца. Ее прямую виновность доказать не удалось. Векселя подделаны, но кем – из решения коммерческого суда неясно. Она требует полного оправдания. Ковалевский идти на попятный, признать чужие векселя своими уже не может. И тогда происходит поворот, которого и добивалась Шабельская. Елизавета Александровна настаивает: дело должно быть передано в уголовный суд, суд присяжных – ведь вопрос уже давно вышел за рамки долговых обязательств. Прошение с просьбой предать ее открытому и гласному суду

подано Елизаветой Александровной. Началось следствие. Шабельская сообщает Суворину: «Я была у министра юстиции. Он обещал мне, что следствие не замнут, если до прокурора дойдет жалоба и надеюсь, что дойдет – удастся довести».

Шабельская становится трагической героиней, мученицей. Ковалевский предлагает внести залог, чтобы она была под домашним арестом, а не в тюрьме. Он готов оплачивать ее квартиру. Но она закусил удила и жертвует не только собой, но и близкими. Пусть все узнают, какой подлец Ковалевский. Она идет в тюрьму.

22 ноября 1903 года Елизавету Александровну Шабельскую посадили в дом предварительного заключения. Шабельская писала позже, что именно арест в итоге заставил общественное мнение перемениться. В России испокон веков любили обиженных, тех, кто пострадал от богачей и чиновников. Им сопереживали, о них писали повести и романы, они были в чести. Петербургская публика недоумевала: как мог Ковалевский допустить этот арест?! Ведь еще совсем недавно он клялся актрисе в вечной любви.

Шабельская жаждет мести. Впереди неравный бой. Она – жертва заговора, в котором и Ковалевский, и его друзья-либералы, и министры, и банкиры-евреи, и ненавидящая ее пресса. Теперь ее жизнь – крестовый поход против неверных.

Главная роль

Находясь под арестом, Шабельская впервые ощущает себя настоящей трагической актрисой. Суд станет ее триумфом, которого она не испытала в театре. Елизавета Александровна посылает угрозы Суворину: «Чтобы знали, что если я, не дотянув до суда – покончу в сумасшедшем ли доме, в проруби или иначе – просто потому, что оборвутся нервы, – не по своему желанию, то чтобы вы знали, что вы тут на добрую половину виноваты».

Но дальше добавляет: «На суде увидимся или не увидимся – это ваше дело. Но авось все же узнаете, что было на суде, тогда – если вы еще честный человек, попросите у меня прощения».

В доме предварительного заключения Шабельская провела всего 4 месяца, потом ее освободили под залог. До того как дело повторно начали слушать в суде, прошел еще год. Окончательная развязка случилась только в 1905 году. Слушание назначили на 23 мая, но потом сразу отложили – больше половины свидетелей обвинения не явились на заседание. Елизавета Александровна убеждала всех – это происки Ковалевского, он хочет «затормозить», а лучше вообще «замять» дело.

Шабельская употребила все свои связи, чтобы, вопреки желанию Ковалевского, слушание проходило «при открытых дверях». За день до суда все билеты были раскуплены. Перед зданием собралась толпа из нескольких сот человек.

Процесс обещал быть скандальным – с чтением интимных писем Ковалевского.

Суд начался только 23 ноября 1905 года. Председатель суда – фон Паркау. Обвиняет – прокурор Вогак.

Поверенный гражданского истца В. И. Ковалевского – знаменитый Николай Карабчевский. Защищает Шабельскую присяжный поверенный Арнольд Марголин.

Между тем политическая ситуация за три года полностью переменилась. Те, кто пришел к власти вместо Витте и Ковалевского, затеяли войну с Японией и позорно проиграли ее. В России разразилась кровавая революция. Ноябрь 1905-го – время максимальных уступок самодержавия. Объявлены свобода слова, собраний, совести. Обещан созыв всенародно избранной Государственной думы. Политические стачки не прекращаются. В Петербурге власть фактически принадлежит Совету рабочих депутатов во главе со Львом Троцким. На Украине – еврейские погромы, в Польше и Закавказье русские войска в осаде.

Процесс Шабельской неожиданно превращается в суд над

старым режимом. Сергей Витте осенью 1905 года стал премьер-министром, его не любят ни либералы (хитрый лис, последний защитник самодержавия), ни монархисты (заставил царя пойти на мир с Японией и дарование конституции). Владимир Ковалевский – человек Витте. Шабельская, с точки зрения публики, вступила в поединок со всемогущим коррумпированным чиновником.

У Елизаветы Шабельской было время подготовиться к новой роли. И справилась она с ней блестяще. Верноподданная патриотка, честная до святости, обличительница «темных сил». Войдя в зал суда, она перекрестилась на икону Божьей Матери и, склонив голову, прошла к скамье подсудимых. От кокетства и жеманности не осталось и следа. Шабельская играла святую. Репортеры писали о ней: «Это пожилая женщина, лет под пятьдесят, с умным выразительным лицом».

Перед началом процесса обвинение не сомневалось: вина подсудимой очевидна, но Шабельская превратила заседание суда в эффектную мелодраму. Она заявила: Ковалевский – подлец и развратник, готовый перекинуть свои долги на брошенную им, горячо любившую его женщину. А свидетели обвинения – враги России, казнокрады и взяточники.

Показания свидетелей доказывали: деньги ссужали Шабельской только потому, что знали: за ней стоит всемогущий товарищ министра.

Банкиру Игнатию Манусу Шабельская обещала через посредство В. И. Ковалевского помочь выиграть выборы в действительные члены фондовой биржи. Манус дал ей 20 тысяч рублей. Взамен Шабельская вручила ему несколько визитных карточек товарища министра финансов Ковалевского, без всякой подписи, чтобы раздать на бирже избирателям. Манус раздал карточки, но был единогласно забаллотирован. Он пытался объясниться с Владимиром Ивановичем, однако тот уехал в командировку. Тогда свидетель, по его словам, усомнился во влиянии Шабельской на Ковалевского и в близости отношений к нему: она, как оказалось, не знала о продолжительной отлучке любовника из Петербурга.

Банкир Борис Ильич Эфрон, зная, что Шабельская живет с Ковалевским, нередко давал Елизавете Александровне по 100–150 рублей, без отдачи. И, конечно, не рассчитывал получить деньги обратно. На это Шабельская ответила, что выполнила свои обязательства перед отцом Эфрона: благодаря ее ходатайству перед Ковалевским, банкир получил почетное звание коммерции советника.

Директор Русского для внешней торговли банка Рафалович

удивился, когда Ковалевский обратился к нему с просьбой поместить на службу в банк совершенно неизвестного ему молодого человека на жалование в 2 500 рублей. Ему казалось, что учитывая векселя Шабельской, он уже выполнил свои обязательства перед товарищем министра.

К банкиру Ротштейну Шабельская обратилась с просьбой открыть ей в банке кредит в 10 тысяч рублей. Кроме того, ей было выдано 6 тысяч рублей под вексель с подписью Ковалевского. Кредит ее в банке доходил до 20 тысяч рублей. Такое одолжение ей было сделано потому, что она находилась в весьма близких отношениях с Ковалевским.

Комиссионер Одинцов рассказал, что его доверитель, булочник Андреев, владелец дрожжевого завода, выдал свои векселя Шабельской, надеясь через ее посредство устроить возврат спирта в казну.

Директор «Демидрона» Судзиловский поведал об аренде театра. Арендаторов было много, но попечительский совет отдал предпочтение Шабельской, сделав уступку. Ковалевский рекомендовал ее как родственницу, «женщину идеальную».

15 августа 1902 года Шабельская вошла в соглашение с правлением пиво-медоваренного Калашниковского завода, обязавшись в течение трех лет торговать в своем театре и саду напитками исключительно этого завода, благодаря чему получила от правления ссуду в 6 тысяч рублей под 3 векселя по 2 тысячи рублей каждый, сроком на 5 месяцев и 20 дней. Вместе с векселями Шабельская представила письменное поручительство за подписью Ковалевского, с его денежной ответственностью.

Людвиг Нобель показал: познакомился он с Елизаветой Шабельской в Нижнем Новгороде, слышал, что она приходится родственницей Ковалевскому, которого за его деятельность глубоко уважал, но избегал встреч с нею, так как в ее обществе вращалось много личностей, которые свидетелю не нравились. Затем он встретился с Шабельской уже в Петербурге. Она занималась литературой, и, по-видимому, сильно нуждалась и не раз обращалась к нему за денежной помощью. Он передал ей тысячу рублей без всяких документов и возврата денег никогда не требовал.

Доктор Алексей Борк по протекции Ковалевского получил несколько постоянных мест в качестве врача: у Нобеля, с жалованием 1 200 рублей в год; на Резиновой мануфактуре и в обществе «Россия», с жалованием 1 000 рублей; у Воронина, с жалованием 600 рублей. После разрыва Ковалевского с Шабельской он всех этих мест лишился.

Свидетель Ершов показал, что Шабельская предлагала ему

выхлопотать «почетное гражданство», но он уклонился от этого – ему важно было по ее протекции сбыть спирт в казну.

Княгиня Тарханова обратилась к Елизавете Александровне сразу с двумя просьбами: поместить одного юношу в Петербургский политехнический институт (существовали какие-то препятствия) и, кроме того, выхлопотать одному провинциальному господину звание коммерции советника. Шабельская говорила, что все вместе будет стоить 30 тысяч рублей, сошлись на 25 тысячах.

Сенсация случилась в последний день допроса свидетелей. Вошла Ковалевская, урожденная Лихутина, пожилая брюнетка с энергичным лицом: «Муж говорил мне, что поставил два-три бланка, об остальных же он заявил, что они поддельные. Я, признаюсь, была рада, что все это совершилось, предполагая, что муж вернется ко мне. Я даже не опечалилась тем, что он вышел в отставку, так как была уверена в том, что он впоследствии опять займет хорошее служебное положение... Все хотели уладить по-семейному. Я не считаю, что Шабельская хотела расстроить мой барак, и она не присылала мне грубые письма, как это делала другая (голос все более и более повышался). Это та, другая – корень всему!.. О суде уголовном мы не думали, а полагали, что все дело окончится коммерческим судом».

Любовники на поединке

Ковалевский заявил: когда он убедился, что Шабельская эксплуатирует его имя, стал рвать отношения, сначала деликатно, а затем резко.

«Она за моей спиной, – возмущенно говорил потерпевший, – творила такие позорные, возмутительные дела, что мне противно об этом вспомнить, и я вчера не говорил о многом. Но так как Шабельская решилась сказать, что будто я советовался с ней о государственных делах, то молчать я не нахожу возможным. Это ложь! В этих делах я советовался только со своей совестью. Я утверждаю: действия Шабельской по отношению ко мне возмутительны и не заслуживают оправдания. Мало того что она афишировала свои отношения ко мне, но за моей спиной творила всевозможные постыдные мерзости. То зло, которое она мне сделала, так велико и так мерзко, что, повторяю, ему нет оправдания. Она, искусно притворяясь, скрывала низкие и грязные помыслы. Да будет проклят тот день, когда я сошелся с этой женщиной! Я относился к ней честно, с теплым чувством, а она заплатила мне черной неблагодарностью».

Шабельская не осталась в долгу: «Я сама не понимала, как я, уже старая, сорокалетняя женщина, могла внушить такую безумную любовь пожилому человеку. Это мне польстило, и я ответила ему тоже серьезным чувством... Все, что он говорил сейчас – чистая ложь! Он восхищался мною, готов был делать все, что я хотела. Он говорит, что я творила массу гадостей и мерзостей, но если бы это было так, то предварительное следствие, которое велось в течение двух лет, вывело бы это наружу, однако ничего подобного не раскрылось и все обвинение свелось к подделке векселей. Какое же право имеет он обвинять меня в каких-то злоупотреблениях и мерзостях».

После небольшой паузы она продолжала: «Действительно, он со мной советовался, я ему помогала во многом, и это я докажу его письмами. Как же можно поверить, чтобы человек, живя с женщиной почти пять лет, не мог разглядеть, что это чудовище, и вдруг прозрел. Наконец красноречив и тот факт, что прожив с ним так долго, я остаюсь нищей. Я не вышла замуж, не сошлась ни с каким другим, а он, бросив меня, сошелся с другой женщиной и стоит перед вами, господа судьи, человеком вполне обеспеченным, так как он сам и его супруга обладают крупным состоянием. Я же как была, так и осталась нищей».

Он говорит, что я его афишировала. Но я ни разу не была в его служебном кабинете, я берегла его. Если я брала деньги, то

никогда никому не говорила, что беру их для Ковалевского, а всем говорила, что деньги нужны мне для театра.

Он говорит, что я умела притворяться, что моя квартирная обстановка возбуждала в нем физическое отвращение, но все это ложь и я прошу проверить это свидетельскими показаниями. Ковалевский заявляет, что истратил на меня много денег. Велики, значит, были эти траты, если почти незнакомые люди давали мне подачки по 10 рублей. Где же тут логика?

Среди свидетелей, вероятно, найдутся люди, которые подтвердят, что я замолвила за Эфрона словечко, чтобы его как еврея не обошли наградой к сроку. Ковалевский не раз говорил мне и писал, что я могу распоряжаться им как хочу, что все, что я ни сделаю, он заранее признает хорошим... Если я подпишу ему смертный приговор, то и этому он подчинится».

Что сказал защитник Шабельской

Все эти свидетельства защита и обвинение интерпретировали по-разному.

Защита утверждала: одалживая деньги с векселями и без них, обещая различным лицам протекцию, Елизавета Шабельская рассчитывала на полное взаимопонимание с Ковалевским.

Присяжный поверенный Арнольд Давидович Марголин, защищавший Шабельскую, говорил: «В настоящем процессе рассматривается спор о подлоге и попутно история любви. Ковалевский покинул свою возлюбленную в самое тяжелое для нее время, когда ее материальные средства были истощены. С точки зрения защиты, экспертиза почерков ничего не дала, их подлинность или подложность не доказана.

Одни из свидетелей были друзьями Ковалевского, другие – его подчиненными. Когда Ковалевский был всесильным товарищем министра, они говорили одно, но когда настал час правосудия, они предпочли не явиться для дачи показаний. Те, кто пришел, говорили о виновности подсудимой нерешительно и, скорее, отрицательно.

Ковалевский жестоко поступил с женщиной, которую любил шесть лет, которой клялся в любви и верности, ставил ее на высокий пьедестал, и прямо с этой нравственной высоты бросил на скамью подсудимых.

Как честный мужчина, он должен был ликвидировать свои отношения к прежде любимой им женщине и рассчитаться за все ее дела, и в этом отношении, вероятно, совесть его непокойна. Если подсудимая Шабельская будет оправдана, то этим будет оказано благодеяние Ковалевскому, который, в противном случае, всю жизнь будет считаться со своей совестью».

Адвокат не защищал Шабельскую, он обвинял Ковалевского. Выиграть дело можно было, только деморализовав Ковалевского: показать, как низко обошелся тайный советник с бывшей любовницей. Шабельская плакала, крестилась, делала сентиментальные признания: «Не скрою, я была близка к Ковалевскому и ни в чем его не обманула... У меня была его фотографическая карточка, и я показывала ее одной знакомой как карточку любимого человека».

Марголин читал откровенные письма Ковалевского и заставлял Владимира Ивановича вновь и вновь признаваться в интимной связи с Шабельской. Ковалевский краснел, конфузился, но признавался.

Шабельскую обвиняли в том, что она раздавала места,

Марголин в ответ приводил документ – письмо Ковалевского, в котором после мольбы о нежности, Владимир Иванович говорил: «Для Пономарева сделаю все возможное». «Ковалевский, – показывал адвокат, – добровольно позволил собой управлять». Триумф Марголина и Шабельской состоялся после выяснения обстоятельств развода Владимира Ивановича с первой женой:

– Принадлежало ли вам имение, которое вы пытались отобрать у бывшей жены?

– Нет, имение мне не принадлежало.

– Если имение вам не принадлежало, на каких основаниях вы пытались отобрать его у бывшей жены?

– На это у меня были свои цели.

– Не был ли это материальный гнет, чтобы добиться развода?

– Да.

Как оправдывали Ковалевского

Прокурор полагал, что вина подсудимой доказана: «Троекратная экспертиза (в коммерческом суде, на предварительном следствии и на суде), безусловно и единодушно признававшая все опороченные Ковалевским векселя подложными, способ учета этих векселей и все обстоятельства дела приводят обвинителя к убеждению в виновности Шабельской если не в собственноручном совершении подлога, то в заведомом пользовании подлогом, совершенным другим, необнаруженным следствием лицом».

Убедительно выступал и гражданский истец Николай Платонович Карабчевский. Многие и на процесс-то пришли, чтобы послушать этого витию.

Карабчевский начал с того, что «...для Ковалевского было важно не наказание Шабельской, а признание подложности подписанных его именем векселей. И судебное следствие показало – векселя подложны».

Знаменитый адвокат понимал: присяжные будут рады унижению большого начальника. Надо сделать Ковалевского из чиновника – оппозиционером. И он напомнил: Ковалевский начинал в революционном движении, сидел в Петропавловской крепости, вступил с сестрой своего подельника Екатериной Лихутиной в фиктивный брак, был оправдан. Молодость его прошла без любви. Когда он встретил Шабельскую, им впервые овладела настоящая страсть. Ковалевский увлекся Елизаветой Александровной, придумал в ней свой идеал. Любил искренне. Оказался наивным, и был обманут.

«В одном из писем накануне суда Шабельская писала, – цитирует Карабчевский, – если он доведет дело до суда, то я покажу ему, какие у меня есть карты».

Гражданский истец отмечал: «Нравственный ущерб В. И. Ковалевскому нанесен очень большой, так как в обществе, большинство которого не разбирается, да и не может разбираться в юридических тонкостях, создается мнение, что он ложно обвинил Шабельскую. С этой стороны для Ковалевского, вовсе не желавшего наказания госпожи Шабельской и заявившего через меня об этом на суде, ответ присяжных заседателей о недоказанности подлога – сильный удар».

После напутствия председателя присяжным заседателям вручили вопросный лист. На их решение представлено было 93 вопроса, распадавшихся на два отдела. Одни вопросы касались того, доказано ли, что опороченные документы написаны не

Ковалевским, а подделаны, а другие – о виновности Шабельской. В 10 часов вечера присяжные заседатели удалились в совещательную комнату.

Подсудимая Шабельская истово крестится.

В 12 часов 35 минут раздался звонок, возвещавший о состоявшемся решении. Присяжные заседатели на первый отдел вопросов ответили: «нет, не доказано», а на второй – «нет, не виновна». Суд объявил Елизавету Шабельскую оправданной. Публика встретила приговор овацией. Пьеса о том, как коррумпированный чиновник травит свою многолетнюю любовницу, удалась. Елизавета Александровна наконец-то добилась триумфального успеха.

Из зала суда Шабельская вышла замужней дамой. С доктором Алексеем Борком они тихо обвенчались во время процесса. Победив одного врага, супруги сразу принялись за другого.

Из письма Шабельской к Суворину: «Теперь, когда мое имя омыто приговором присяжных, я уже не должна более скрываться, и могу принять активное участие в сопротивлении красному тиранству, от которого стонет вся Россия».

Будучи журналисткой и актрисой, Елизавета Шабельская чувствовала, что нужно читателям и зрителям. Особенно таким, кто может заплатить. На свободном рынке шансов у нее не было, это показали и «Петербургский театр», и газета «Народ». К тому же история с векселями, несмотря на оправдание по суду, серьезно подорвала ее и так не блестящую репутацию. Значит, надо искать поддержки в «сферах», у государства.

Шел 1905 год, и монархия нуждалась в защитниках, не в последнюю очередь – в идеологах и публицистах. На стороне врагов режима были и Лев Толстой, и Максим Горький, и Леонид Андреев, и Александр Куприн. Имея таких противников, казна готова была платить практически любому, кто занимал сторону существующего порядка. А особенно тем, кто мог убедительно показать: самодержавие – единственно возможный для России политический строй; те же, кто выступают против него, – участники заговора против русского народа.

Отныне для Шабельской существует только одна цель – борьба с революцией и мировым жидовством. Елизавета Александровна забывает театр, любовные интриги, романы. Недаром она теперь не «восхитительная дама», «эффектная актриса», а только – «старуха». Это была ее жертва. Всю жизнь Шабельской везде чудились заговоры – даже в личной жизни. В политический заговор Елизавета Александровна поверила так же крепко, как в Бога.

В июле 1905 года в министерство императорского двора доставили анонимное письмо. Письмо было адресовано лично Государю Императору и подписано – «верноподданная старуха». В департаменте полиции личность автора установили быстро. Письмо императору написала Елизавета Александровна Шабельская. Она все еще находилась под следствием, еще не была оправдана, но это не помешало ей послать Николаю II советы по спасению России: «Государь, страшное слово “Царь жида испугался” не должно быть произнесено в России... Ты это понимаешь, конечно... Государь, простишь ли Ты глупой старухе,

что она осмеливается Тебе советовать? – Мне кажется, что можно попробовать страшную строгость с жидами...»

Арестантка Шабельская писала царю, что у нее есть тайный канал с Германией (естественно, имеется в виду Максимилиан Гарден), по которому ей сообщили о планах русских террористов и, как выражается Шабельская, «жидовского бунта». «Предполагаю, кто пишет: мужчина, немец, верней жид, русский по рождению, член семьи, раскинувшейся по 4 государствам, в каждом с разной фамилией. Сам он – очень умный и очень талантливый журналист, обязанный мне всем чем может и не должен быть обязанным мужчина женщине... Руководит им отчасти желание расплатиться со мной, принося пользу тому, что мне единственно дорого – Родине и Царю, отчасти роковое отвращение от жидовско-масонских средств, снедающее многих членов этого адского общества».

Ну и, конечно, в письме содержался донос на ненавистного Владимира Ковалевского. «Большую услугу оказали социалистам ваши фабричные инспектора с г. Ланговым во главе. Школа Ковалевского дает плоды... Они не хотели верить политической агитации и чуть не допустили Цареубийства.... Знаешь Ты, например, благодаря чему Степняк – убийца моего бедного друга Мезенцова (*шеф жандармов, убитый в 1878 году народником Сергеем Кравчинским (Степняком)*). – Л. Л.) – удрал за границу под носом полиции? – Он сам это рассказывал при мне: благодаря паспорту, данному ему чиновником, начальником отделения министерства финансов Ковалевским. Что Ты на это скажешь? – Хороши чиновники? – Хорошо присягу помнят?»

Письмо, конечно, не дошло до царя, но его внимательно прочли в департаменте полиции. Все грехи Шабельской – алкоголизм, наркомания, изготовление поддельных векселей – были давно известны циничным жандармам. Но они знали и другое: Елизавета Александровна – женщина трудолюбивая, с житейским опытом. Судьба загнала ее в угол. С ней можно и нужно работать.

А главное, ее муж Алексей Борк имел вполне объяснимые причины ненавидеть самодержавие. Оба его брата пали жертвами крамолы. 16 декабря 1905 года террористы из Польской социалистической партии застрелили комиссара по крестьянским делам Радомской губернии (русская Польша) Владимира Борка.

Штабс-капитан крепостной артиллерии поручик Николай Борк, отстреливаясь от мятежников в Свеаборге 18 июля 1906 года, ранил четверых из нападавших, и, не имея больше патронов, застрелился на глазах жены и малолетней дочери.

Еще в 1904 году Алексей Борк стал «первым старшиной»

«Братства свободы и порядка» – небольшой петербургской монархической организации. Программа братства – «Россия для русских, а не для людей, чуждых нам по вере и крови».

Однако наибольшую активность Борк проявил в рядах «Союза русского народа» (СРН), созданного в самом конце 1905 года. Он был одним из учредителей Союза, сотрудником газеты «Русское знамя», председателем рабочего Путиловского отдела СРН, членом Главного совета.

В газетах появилась заметка: «Вышли на борьбу 2 доктора, 6 купцов, 2–3 старухи-писательницы, да десяток-другой простого русского народа».

Один из докторов – Алексей Борк, одна из писательниц – Елизавета Шабельская.

Инициаторы организации встречались с Николаем II, который сказал: «Я рассчитываю на вас». Правительство назначило партии субсидию в 2,5 миллиона рублей. Задачей «Союза русского народа» стало создание мощной правой силы за короткие сроки. Их лозунг – «Россия для русских». Их враг – евреи, социалисты и либералы. Они могли рассчитывать на поддержку государя и правительства.

Первое русское фэнтези

В одном из писем «наверх» Шабельская аккуратно ставит на вид генерал-губернатору Петербурга Дмитрию Трепову: «Я прошу вас подумать о положении читающей публики столицы. И именно публики более русской и более консервативной. Ведь она находится в безвыходном положении. Ей положительно нечего читать. “Листок” и “Газета” годны для извозчиков. Остаются только еврейские и революционные».

И жизнь «верноподданной старухи» радикально меняется. Ее муж Алексей Борк снова поступил на государственную службу – устроился в медицинский департамент министерства внутренних дел. Из преступницы она превратилась в уважаемую даму, супругу чиновника. Она – активный участник и одна из первых членов «Союза русского народа» – главной и самой консервативной монархической партии в стране.

Рупором идей «Союза русского народа» становится печать. Шабельская, наконец, получает возможность регулярно и много печататься. Редактирует газету «Свобода и порядок», которая издается полностью на деньги департамента полиции – 3 тысячи рублей в год. Пишет фельетоны для главной черносотенной газеты «Русское знамя».

Александр Амфитеатров так описывал журналистские опыты Шабельской в консервативных изданиях: «Она заливала столбцы их писаниями, не имевшими ни склада, ни лада, но все признаки серьезного нервного расстройства, с бредом преследования в опасной, бешеной форме... С особенною яростью ожесточалось больное воображение Шабельской на “жидов” и фантастических “жидомасонов”... Здесь из-под пера Эльзы лилось уже такое безумие и сквернословие языка...»

Шабельская вместе с остальными черносотенцами открыто выражает главное убеждение – «жидов надо поставить в такие условия, чтобы они постоянно вымирали». До программы немецких нацистов остается всего шаг.

Мир для Шабельской – поле борьбы между божьими и дьявольскими силами. На стороне Люцифера – тайные масонские общества, состоящие из людей влиятельных и всемогущих: крупнейших банкиров, известных политиков, раввинов, пасторов, журналистов, английских лордов. Они – всюду. Их надо выявлять, разоблачать, уничтожать. В этом долг Елизаветы Шабельской перед родиной и человечеством.

В 1910-е годы супруги Борк переходят к большим формам. Алексей Николаевич издает брошюру «Международная

жидомасонская интрига», его жена Елизавета Александровна иллюстрирует идеи мужа сразу двумя романами – «Сатанисты XX века» и «Красные и черные».

Шабельской нетрудно было придумать для себя новую роль, увлечься ею, сыграть искренне. Она считала себя жертвой заговора, закоперщиками которого стали либеральные бюрократы (Владимир Ковалевский и его покровитель Сергей Витте) и еврейские банкиры – все эти Эфроны, Ротштейны, Рафаловичи, Манусы. Этих людей объединяла некая особая связь, тайный орден. И имя этого ордена было на слуху. Тайное мировое правительство, сионские мудрецы.

К этому времени уже издана знаменитая книга Сергея Нилуса «Великое в малом, или Антихрист как близкая политическая возможность», где опубликованы «Протоколы сионских мудрецов», – созданная по заказу жандарма Петра Рачковского фальшивка. Этот текст, по мнению большинства исследователей, был сфабрикован во Франции по заказу русской разведки. Задачи ставились скорее контрразведовательные: всякий, кто борется с существующим режимом – или жид, или масон.

Талантливо написанная книжка вызвала огромный резонанс, фобии России уходящей работали не с сознанием – с подсознанием. Николай II был потрясен, прочитав страшные откровения: «Какая глубина мысли! Какая предусмотрительность! Какое точное выполнение своей программы! Как будто наш 1905 год направляется рукой Мудрецов! Не может быть сомнений в их подлинности. Везде видна направляющая и разрушающая рука еврейства». Правда, когда выяснилось: «Протоколы сионских мудрецов» – фальшивка, император поставил другую резолюцию: «Протоколы...» изъять. Нельзя чистое дело защищать грязными способами». Документ запретили.

Шабельская «Протоколы сионских мудрецов» заучила чуть ли не наизусть. Ее «Сатанисты XX века» – те же «Протоколы...», только расширенные и дополненные. Главная героиня – русская графиня, талантливейшая актриса-красавица Ольга Бельская. У нее невероятный талант. Против нее плетутся страшные интриги то в Австрии, то в Германии. Бельской противостоит «тайное общество», в которое входят и евреи (в частности банкиры из России), и депутаты, и армяне-дашнаки, и испанские анархисты, и брамин-индус, и даже китаец, принявший иудаизм.

Бельская не поддается их влиянию, даже гипнотическому, вдобавок она очень умна и обладает недюжинной силой воли. Справедливость, в конце концов, торжествует благодаря императору Германии Вильгельму II, Бельская спасена.

Она писала: «Вспомните, что уже более ста лет Европа читает

только то, что угодно масонам; молодые поколения христиан воспитываются в поклонении тайным обществам, карбонариям, иллюминатам, розенкрейцерам и так далее... без конца. Даже всемирную историю подделывают, превращая чернокнижников и сатанистов-тамплиеров в мучеников... Поклонение сатане, так тщательно скрывавшееся рыцарями-храмовниками в мрачных подземельях недоступных замков, ныне совершается открыто... Во многих местах Европы, Африки и Америки сатанизм становится чуть ли не официально признанной религией. Масонство же является главным штабом армии жидовства, давно уже подготовленного к восприятию сатанизма ужасным учением талмуда и каббалы, развращающим души и черствящим сердца.

Описала Шабельская и оргии, и кровавые жертвоприношения, и сатанинские обряды «международной партии, которая сделала французскую революцию и теперь решила делать русскую».

„Сатанисты XX вѣка“.

Историческій романъ извѣстной писательницы

Е. А. Шабельской-Боркъ.

(Недѣля Н. М. Сиворова).

Романъ „Сатанисты“, разоблачаетъ тайны масонства, мрачнаго сатанизма, избравшихъ своей столицей городъ Сентъ-Пьера на островѣ Мартиникъ праспрогрившихъ преступное влияние на весь міръ, не исключая свято-русской земли. Обстоятельства страшной гибели злополучнаго Сентъ-Пьера

и предстоящее состояніе этого города, ставшаго очагомъ поклонниковъ сатаны, ясно угадываютъ на карающую десницу Божию. Романъ читается съ захватывающимъ интересомъ, такъ какъ основанъ на дѣйствительныхъ фактахъ, а не на выдумкахъ писателя.

Екатерина Александровна Шабельская (авторъ романа „Сатанисты XX вѣка“, въ серіи ея издательствъ на островѣ Мартиникъ).

Романъ имѣется въ ограниченномъ количествѣ исключительно только для нашихъ подписчиковъ по половинной цѣнѣ его стоимости: вмѣсто 3 р. въ 1 р. 50 коп. безъ пересылки за всѣ четыре части въ двухъ книгахъ, въ 415 страницъ большаго формата.

Требованія адресовать: Петроградъ Шпалерная, 44-6, контора газеты „Свобода и Порядокъ“.

Вторая часть романа «Сатанисты XX века» похожа на научную фантастику. Действие происходит в городе Сен-Пьер на острове Мартиника в Карибском море, захваченном масонами. Тут тебе и вещающая статуя Люцифера, и загадочный сын сатаны, и еврейские магические эксперименты, и христианский негр-колдун, и Божье провидение. Оно-то и кладет конец всем творящимся в Сен-Пьере безобразиям (а вместе с ними и роману): город с жителями гибнет в лаве вулкана. Роман Шабельской печатался фельетонами в журнале «Колокол». Александр Амфитеатров написал об этом романе: «Это любопытнейшие “человеческие документы” не для рядового читателя, но для внимательного психиатра... В каждой строке чувствуется галлюцинатка, в которой морфий окончательно парализовал работу сдерживающих центров...»

Но личный психиатр Шабельской – доктор Борк – ничего странного в романах жены не находил. Напротив, как мог, способствовал работе писательницы. Листы, исписанные нервным неразборчивым почерком, муж аккуратно переписывал набело и отправлял в печать. Романы Шабельской приносили доход, но успеха не имели – слишком уж маниакален оказался ее «словесный террор». Елизавете Александровне, естественно, и тут видится рука масонов. Именно они изымают и уничтожают ее «разоблачительные романы». Шабельская пишет своим покровителям: «Смею сказать – не назовите овсяной кашей – что роман “Красные и черные” – полезный роман. Он многих переубедил и многим раскрыл глаза на подкладку революции. Эта книга заслуживает казенного распространения».

Борьба за Распутина

Советы «наверх» Шабельская продолжала регулярно посылать до самой смерти. К 1916 году ей, как и другим черносотенцам, становилось все больше не по себе. Она чувствовала: что-то идет не так. И писала о самом тонком и чувствительном – о Григории Распутине. Но не о том, что его надо удалить из Петрограда (о чем мечтало большинство монархистов). Нет, она хотела из тайного сделать явное. Григорий Распутин должен стать символом «народного самодержавия».

В последнем послании в департамент полиции «верноподданная старуха» объясняет, как улучшить образ царской семьи в глазах народа. «Императрицу, – говорит Шабельская, – необходимо сделать кумиром женщин-простолюдинок...». Елизавета Александровна советует: «Если бабы уверуют и полюбят, то и мужиков заставят делать то же в самый короткий срок».

Теперь о Распутине: «Вельможи немецкой крови, князья, бароны остзейские, первые чины ждут, видят солнце редко – особенно зимой, а свой мужик освещен на виду... Почему? Потому что русский, потому что пришел от Бога во имя православного народа и русской церкви...»

Переверните вопрос так... И подумайте, как будет хорошо... Ругают... еще бы. Зависть барская... Ненависть жидовская. Жиды пробовали закупить – наплевал... Бары подъезжают, графини, баронессы заигрывают – плюет, выражает презрение... Правда, по-мужичьи – да ведь не князь...

А что баронессы злятся да клеветают, – привыкли возле немецких цариц первую скрипку играть, ну им с англичанкой по воспитанию, русской по душе, конечно, неловко – ну и злятся».

И Елизавета Александровна отправляется на Гороховую улицу наставлять Григория Распутина. По легенде, содержащейся в мемуарах черносотенца Федора Винберга, «одна из русских женщин, горячая патриотка, старая писательница, владевшая многими тайнами масонства, за что вытерпела немало мук и горя в своей жизни... предупредила фаворита, что тот за свои услуги сатанинским жидомасонским силам будет наказан».

Но, как мы знаем, не обличать, а очаровывать Распутина собиралась Шабельская. И, видимо, опоздала на день.

В письме, отправленном 15 декабря 1916 года министру внутренних дел Александру Протопопову, она писала, что днем ранее была на квартире Распутина, чтобы с ним познакомиться и рассказать о своих планах, но не застала его и лишь оставила

визитную карточку.

Но было уже слишком поздно. Через два месяца в России случилась Февральская революция. А через полгода – летом 1917-го – вместе со всем, за что она так яростно сражалась, умерла и сама Елизавета Александровна. В газете «Новое время» появился краткий некролог: «15 августа в 10 часов утра в имении Сусть-Заречье Новгородской губернии, после продолжительной болезни тихо скончалась Елизавета Александровна Шабельская, о чем убитый горем крестный сын и друзья извещают знакомых почитателей».

И больше ни строчки – слишком стремительно и быстро менялась Россия. О бывшей красавице, аферистке, агенте полиции, провокаторше и монархистке Елизавете Шабельской забыли бы очень скоро... Если бы не крестный сын.

Загадка Петра Шабельского-Борка

28 марта 1922 года его выстрелы в Берлинской консерватории услышал весь мир. Все произошло очень быстро: «Из второго или третьего ряда стульев быстро поднялся какой-то невысокого роста человек... который, подойдя к Милюкову на расстояние 4–5 шагов... и со словами “вот тебе за царя”, стал в него стрелять... Набоков бросился к стрелявшему, схватил его за руку, тот сопротивлялся, оба упали на пол. В этот момент подбежал другой, тоже выстрелил, и, освободив своего товарища, бросился бежать... В этот момент еще никто не понимал, что Набоков убит».

Двое террористов, Петр Шабельский-Борк и Сергей Таборицкий, готовили покушение не на Набокова. Их целью был Павел Николаевич Милюков. Лидер партии кадетов – давний, заклятый враг монархистов. Многие сподвижники стрелявших признавались потом: «Убивать Милюкова не было никакой нужды. Политически он был уже мертв». Но Сергея Таборицкого и Петра Шабельского-Борка даже близкие называли «молодыми рыцарями-фанатиками». Ими руководил далеко не здравый смысл. Когда террористам сообщили, что убили они не того человека, те заявили: им все равно, кого убивать – сам теракт имеет символическое значение.

После задержания Шабельский-Борк показал: он стрелял из двух револьверов, сначала из того, что находился в его левом кармане, затем, когда патроны в нем закончились, – из другого, лежавшего в правом кармане. Потом его кто-то свалил на пол, но он поднялся и с оружием в руках пробил себе дорогу к трибуне. Крикнул со сцены: «Мщю за царскую семью и за Россию». После убийства хотел бросить оружие и сдаться полиции, но до этого дело не дошло, так как он был задержан толпой. Таборицкий сообщил, что должен был привести в исполнение план убийства Милюкова, если бы это не удалось Шабельскому-Борку, но он считал, что последний как старший товарищ имел на это «преимущественное право». Он категорически отрицал наличие сообщников, заявив, что речь идет о своего рода «кавказской семейной мести».

На допросе выяснилось прошлое задержанных. Шабельский-Борк показал: он родился 5 мая 1893 года в Кисловодске в дворянской семье и до 1918 года носил фамилию Попов. Настоящие его родители – помещик доктор Борк и Эльза Шабельская – были до событий 1917 года сотрудниками «Русского знамени» – печатного органа «Союза русского народа».

Состоял в «Союзе русского народа» и сам Шабельский-Борк.

Петр Шабельский-Борк-Попов поступил в Харьковский университет, где пробыл три курса до начала Первой мировой войны, на которую ушел добровольцем. И он, и другой будущий убийца Набокова, Сергей Таборицкий, служили в Кавказской туземной конной дивизии в Ингушском конном полку. Во время войны Шабельский-Борк был трижды ранен. После Февральской революции оставил армию, формально по ранению, фактически – из ненависти к новым порядкам.

В декабре 1917 года, после большевистского переворота, оказался в «Крестах», где близко сошелся с одним из вождей черносотенного подполья, бывшим шталмейстером двора, полковником Федором Винбергом. Выпущен большевиками по амнистии.

В 1918 году Петр Николаевич под фамилией Шабельский участвовал в тайном походе в Екатеринбург, целью которого было спасение царской семьи. Оpoznательным знаком монархической организации, по заданию которой действовал Попов, был «индийский знак», то есть свастика. В декабре 1918 года вместе со своим фронтовым другом Сергеем Васильевичем Таборицким защищал гетмана Скоропадского от петлюровцев, после поражения оба были интернированы в Киеве и в январе 1919 года высланы в Германию. Там под руководством полковника Федора Винберга развернулась их бурная литературно-политическая борьба с «мировым жидомасонством, погубившим Россию».

В это же время возникает и Национал-социалистическая немецкая рабочая партия во главе с Адольфом Гитлером. Идеи Винберга как нельзя близки к идеологии нацизма.

Жили однополчане Шабельский-Борк и Таборицкий сначала в Берлине, а с 1920 года – в Мюнхене. Оба занимались редакторской деятельностью в журнале «Луч света» и газете «Призыв».

Именно Шабельский-Борк с единомышленниками перепечатал в 1920 году «Протоколы сионских мудрецов» (они вскоре были переведены на немецкий язык, выдержали множество изданий и стали настольной книгой всякого образованного штурмовика). Там, в Германии, в газете «Призыв» и журнале «Луч Света» популяризируется и имя Елизаветы Шабельской. А в своем фундаментальном сочинении, где была впервые декларирована необходимость «окончательного решения еврейского вопроса», Винберг глухо, но почтительно упомянул крестную мать своего ближайшего соратника.

В 1922 году берлинский суд вынес приговор убийцам

Владимира Набокова: 12 лет каторжных работ Шабельскому-Борку, 14 лет – Таборицкому.

Но отбыли они только по 5 лет: весной 1927 года их освободили за примерное поведение. Шабельский-Борк стал писателем, печатавшимся под псевдонимом «Кирбеевич». Его сочинения посвящены, по преимуществу, любимому им императору Павлу I и монаху Авелю, пророчествовавшему об установлении в России «жидовского ига».

После прихода в Германии к власти нацистов, смертельная борьба с «мировым жидомасонством» стала официальной идеологией германского государства. И Шабельский-Борк, и Таборицкий получили посты в Управлении делами русской эмиграции. Шабельский-Борк стал секретарем белого генерала Антона Васильевича Туркула, активного сторонника Гитлера. Петр Николаевич получал еще и специальную пенсию от немецкого правительства. Ему удалось переиздать роман «Сатанисты XX века» (в предисловии к рижскому изданию 1934 года утверждалось, что автор «проникла каким-то образом в сокровеннейшие тайны масонства и использовала их полностью в своем романе»).

При приближении Красной армии к Берлину Петру Шабельскому-Борку удалось бежать в Аргентину, где он и умер в 1952 году.

Итак, Петр Шабельский-Борк продолжил дело Елизаветы Александровны Шабельской и довел его до логического завершения. Единственный оставшийся вопрос – кем они приходились друг другу. Была ли Шабельская крестной матерью Петра или его родной матерью.

Осведомленный Александр Амфитеатров не сомневался: Петр – сын Элизы: «Мать – истеричка почти клинической неуравновешенности. Отец – невропат и “медиум”».

Мать – алкоголичка и морфинистка. Отец – “шампаньолик”. Жизнь матери – сплошная цепь буйных эксцессов, не раз скользивших по грани уголовного. Жизнь отца – тяжелый меланхолический туман... Какого иного плода можно ждать от подобного союза, кроме угрюмого и опасного дегенерата...»

Что же... Вполне возможен такой вариант. В 1893 году Шабельская в Берлине рождает от Максимилиана Гардена ребенка. Отдает его на воспитание каким-то то ли родственникам, то ли знакомым в Кисловодск. Там мальчик получает фамилию Попов. А когда Шабельская меняет свою жизнь и становится супругой Алексея Борка, то усыновляет родного сына.

Любопытно, что Максимилиан Гарден погиб после избиения штурмовиками, друзьями Петра Шабельского-Борка.

Глава 4

Госпожа министерша

Когда в феврале 1917 года пало самодержавие, многие считали: в свержении монархии повинны, по преимуществу, три роковые женщины: императрица Александра Федоровна, ее ближайшая приятельница, фрейлина Анна Вырубова, и жена военного министра Екатерина Сухомлинова. Императрицу и фрейлину обвиняли в потакании «темным силам» – прежде всего Григорию Распутину. Никто не считал их корыстолюбивыми или бесчестными. А вот Екатерину Сухомлинову вину во взятках и интригах, приведших к тому, что ее муж, генерал от кавалерии Владимир Сухомлинов, был приговорен к пожизненной каторге как изменник и вор.

Бесприданница

Киев – не столица, но в старейшем русском городе кипит жизнь. Сюда едут паломники со всех концов Российской империи – в первый русский монастырь Киево-Печерскую лавру. В городе многонациональное население: украинцы, русские, евреи, поляки. Здесь влиятельные газеты, университет, богатейшие промышленники и сахарозаводчики, штаб военного округа, гусарские полки. Киев – город красивый и полный соблазнов.

Екатерина Викторовна Сухомлинова. 1914 год

Фундуклеевской гимназии – самого известного киевского учебного заведения для девочек. Через несколько лет после Гошкевич эту гимназию закончит и Анна Горенко (Ахматова).

Екатерина – дочь Виктора и Клавдии Гошкевичей. Все предки отца, Виктора Ивановича, по мужской линии – священники, а Иван Антонович, дед Кати – ректор, преподаватель логики, психологии и латинского языка, догматического и нравственного богословия в Киевской духовной семинарии, настоятель Цареконстантиновской церкви. Брат Ивана Антоновича, Иосиф – герой «Фрегата “Паллада”» Ивана Гончарова, первый российский дипломат в Японии, составитель японско-русского словаря.

Катин отец, Виктор Иванович, окончил семинарию, но священником не стал. Он прошел курс в Киевском университете Святого Владимира, где учился сразу на двух факультетах: математическом и историко-филологическом. Страстью его была археология. Вместе со своим учителем Н. И. Петровым на территории Киево-Печерской лавры он устроил музей Церковно-археологического общества. Откопал летописный город Городец.

Но археология не кормила, а у него были жена и дочь. Для заработка Виктор Иванович писал в газеты статьи на исторические темы, служил в университетской обсерватории.

Мать Кати – Клавдия Александровна, дочь сельского священника – еще совсем молодая и очень красивая женщина; дочь она родила в 19 лет (в 1882 году).

Живут Гошкевичи бедно, в маленькой двухкомнатной квартире. Но в их доме всегда шумно и весело. Тут завтракают, обедают, спорят, ночуют, похмеляются друзья хозяина дома – киевская богема, местные «звезды». Маленькая Катя – единственный ребенок в семье, хорошенькая, как ангел, в центре внимания. Девочка растет абсолютно счастливым ребенком.

В середине 1880-х годов в Киеве расписывали Свято-Владимирский собор и Кирилловскую церковь. Консультировал художников знаменитый специалист по древнерусскому искусству, профессор Киевского университета Адриан Плахов, учитель Виктора Гошкевича. Профессор Плахов познакомил художников со своим учеником, и они дружески сошлись. Гошкевич отличался какой-то особенной ветхозаветной красотой. В 1884 году Михаил Врубель во фреске Кирилловской церкви «Сошествие Святого Духа» использовал портретные черты Виктора Ивановича для изображения одного из апостолов.

В 1887 году Виктор Васнецов написал портрет Гошкевича маслом (он хранится ныне в коллекции Русского музея), а затем сделал Виктора Ивановича моделью для работы над образом библейского Моисея во Владимирском соборе. Тогда же Васнецов

работал над изображением Богоматери, писавшимся на стене за алтарем Владимирского собора (из-за этого она и называется Запрестольной). Моделью для Предвечного Младенца, сияющего своими всевидящими очами со стены киевского храма, стала наша героиня, маленькая дочь Виктора Ивановича – Катя.

Все в судьбе девочки переменялось в 1890 году, когда Кате исполнилось 8 лет. Отец ушел из семьи, уехал из Киева в Херсон, где служили его братья Михаил и Леонид. Виктор Иванович устроился секретарем Херсонского губернского статистического комитета.

В Херсоне Виктор Гошкевич становится знаменит. Крупнейший археолог Новороссии, редактор газеты «Юг», основатель местного музея, который до сих пор носит его имя. Он пережил единственную дочь и умер в Херсоне в 1928 году. Его могила почитаема до сего дня и находится на территории Херсонского областного краеведческого музея.

Виктор Гошкевич исчез из жизни дочери и жены бесследно и навсегда. А вместе с ним исчезли многочисленные друзья, бесконечное веселье и какие-никакие деньги. Гошкевич оставил семью без средств к существованию.

Катина мать идет учиться на курсы, становится акушеркой, чтобы прокормить дочь и себя. Практичная женщина понимает: единственный Катин шанс – удачное замужество. Но для этого нужно попасть в круг, где водятся хорошие женихи. И мать старается изо всех сил: хорошее образование, иностранные языки, манеры. Но главное у юной Кати Гошкевич уже есть от природы: она ослепительно хороша!

Киев – город маленький, все всех знают. Гошкевичи снимают комнату в квартире секретарши газеты «Киевлянин», самой известной в Киеве. А квартира эта находится в том же доме, что и редакция.

Хорошо знавший Катю журналист газеты и депутат Государственной думы Василий Шульгин вспоминал: «Кем же она была в то время? Машинисткой у одного киевского нотариуса. Она получала двадцать пять рублей в месяц, имела только одно приличное платье, и притом черное. Но она была больше, чем королева, она была Васнецовское дитя. Я не думаю, что в Екатерине Викторовне сознательно таилось убеждение о каком-то своем превосходстве над другими людьми. Это было, скорее, только чувство, но основано оно было на легенде, связанной с Васнецовым. Для нее это не была легенда. Этот рассказ мог исходить только от матери, естественно так гордившейся тем, что дочь увековечена на стене собора. Девочка, подрастая, невольно выпитывала преклонение матери перед чудесной дочкой. Так

должно было быть».

Екатерина служила машинисткой у нотариуса Рузского. К тому, что вокруг всегда было много мужчин, она привыкла с юности. Когда-то кавалеры толпились у дверей гимназии, теперь они окружали ее в редакции «Киевлянина» и в нотариальной конторе.

Россия в начале XX века – абсолютно мужской мир. И чтобы управлять им, нужно было управлять мужчинами. Этим талантом Екатерина Гошкевич одарена сполна.

Обаятельная, умная и очень красивая, она быстро понимает, какой силой обладает. Эта сила, умноженная на амбиции, еще сыграет свою роль и в Катиной судьбе, и в судьбе Российской империи.

Но пока до этого далеко. Пока что секретарь нотариуса Екатерина Гошкевич терпеливо ждет, когда на горизонте появится достойный жених.

Молодые холостяки с состоянием и положением в Киеве, вообще говоря, есть: наследники крупных состояний, помещики, офицеры... Катя Гошкевич внимательно слушает мамини наставления и точно знает, кто именно ей нужен. Катя ждет богатого суженого, но влюбляется, как это бывает, в красивого студента.

Рассказывает Шульгин: «Екатерина Викторовна бывала на благотворительных вечерах не для того, чтобы развлекаться. Она тут зарабатывала деньги, но не для себя, а для бедных. Очевидно, эта строгая девушка, редко кого дарившая улыбкой, нравилась. Около нее толпились стар и млад. Шампанское продавалось бокалами. Цены не было. Меньше пяти рублей, мне кажется, не давали. Десять рублей считалось ценой приличной. Но улыбка, насколько помню, дарилась двадцатипятирублевым жертвователям. Сторублевики сверх улыбки получали ласковое “благодарю”, сопровождаемое сиянием васнецовских глаз».

Так она нашла молодого поляка, помещика не без средств. По окончании вечера он попросил разрешения отвезти ее домой ввиду очень скверной погоды. Она согласилась. Стали встречаться. Поляк сделал ей предложение. Она – приняла. Но мать жениха объявила сыну: если он женится на русской, православной, она проклянет и его, и жену.

Катя неделю прорыдала в подушку, оплакивая свою первую и последнюю чистую любовь. Но потом пришла в себя и начала мстить несправедливому миру.

Где девушка приличная, но бедная может найти достойного мужа? Там, где водятся богатые женихи. Идеальное место – все тот же благотворительный базар, где светские дамы торгуют

разными поделками и шампанским в пользу сирот и убогих. Базары проводятся повсеместно, и Киев – не исключение. Для правящего класса Российской империи благотворительность – дело почти обязательное. Все члены императорского дома возглавляют попечительские советы какого-нибудь общества. Благотворительный базар – мероприятие не только и не столько богоугодное, сколько... светское.

Здесь модно «бывать». В скромном черном платье Катя торгует шампанским в пользу больных чахоткой. Покупают у красивых, а она – самая хорошенькая. И вот появляется новый ухажер: молодой, богатый, холостой. Точное попадание. Быстрый успех. Ей делает предложение помещик Владимир Бутович. Катя Гошкевич меняет судьбу.

На этот раз никаких сложностей с родными жениха. Свадьбу с размахом отмечают в Киеве. Сразу после нее госпожа Бутович уезжает с мужем в свой новый дом в Полтавской губернии – в имение Великий Круполь. Мечты сбываются. Муж – человек порядочный, страстно влюблен в супругу. Правда, она к нему совершенно равнодушна, но ничего: стерпится – слюбится.

Помещица

Бутович принадлежал к малороссийской аристократии. Его предок, переяславский протопоп Григорий Бутович, 8 января 1654 года подписал постановление Переяславской рады о воссоединении Украины и России. Его прадеды и деды – генеральные есаулы, бунчуковые товарищи, губернаторы.

Владимир Николаевич Бутович 28-ми лет – более чем состоятельный помещик, у него 2,5 тысячи десятин земли в Полтавской губернии. Выходец из старинного украинского рода, он владеет имением в самой плодородной части Российской империи. А зерно тогда, как нефть сегодня, – главный доход Российского бюджета.

Бутович – выпускник Московского университета, инспектор народных училищ Бессарабской губернии, перспективный чиновник. 16 декабря 1907 года его причислили к министерству народного просвещения. У него отличные связи в Москве, Киеве, Кишиневе. В звании инспектора молодые богатые люди начинали свою карьеру. Это было звание почетное, а служба – необременительная и интересная. Объезжая губернию, инспектор знакомился не только со школами, но и с деревней вообще, крестьянами, помещиками, приобретал житейскую опытность и необходимые связи.

Замужняя дама Екатерина Викторовна Бутович, как о страшном сне, забывает о старой жизни, в которой у нее было одно жалкое черное платье. Платьев теперь – десятки, одно краше другого. Бутович обожает молодую жену и не отказывает ей ни в чем! Но в этой сбывшейся мечте Кате становится все тоскливей.

В имении Владимира Бутовича Великий Круполь

Образцовый помещик Владимир Бутович светскую жизнь не любит. Он увлечен сельским хозяйством, украинской историей, выборами в земство. Кате не интересно обсуждать цены на зерно с приятелями мужа, за которого она вышла с радостью, но без особой любви. От скуки Катя придумывает в поместье собственную светскую жизнь – привозит сюда многочисленных

родственников, которые охотно льнут к разбогатевшей и щедрой Кате. Но этого мало амбициозной госпоже Бутович.

Скоро у Бутовичей рождается сын Юрий. Владимир счастлив. Екатерину ребенок не радует: теперь свободы станет еще меньше. Но именно сын, к которому Катя не проявляет особенной нежности, подарил ей шанс выбраться из крупольского болота. У молодой матери неожиданное последствие родов – пиелонефрит – тяжелое воспаление почек. Опасное и очень болезненное. Но Катя довольна! В те годы почти все недуги лечили простым и приятным способом – поездками на европейские курорты с минеральными источниками.

Простодушный Бутович готов на любые траты, лишь бы вылечить красотку-жену. Сам он остается в Круполе – помещью нужен хозяин, но Катю отпускает в Европу с легким сердцем, не зная, что вернется она оттуда уже совсем другим человеком.

После Пасхи российский бомонд разъезжался по курортам и имениям. Русской Ривьере предпочитали иностранную: из Парижа – в Ниццу, Монако, Антиб. Демонстрации мод, драгоценностей, роскошные виллы, рестораны, игра на рулетке. Дамы во Франции шили себе наряды на целый сезон вперед, потом приезжали в Россию и модничали. Говорили: «В России найти хорошую портниху – это целая история. Мужа проще найти».

Со времен Александра II «русским» курортом стал Биарриц – маленький городок на берегу Бискайского залива, во французской части Страны Басков. Сюда приезжала императрица Мария Федоровна, морганатическая вдова Александра II княгиня Юрьевская, герцог Лейхтенбергский, отдыхали московские миллионеры Морозов и Рябушинский. У побережья знаменитый церковный архитектор Никонов возвел русский православный храм в византийском стиле.

Из письма Антона Чехова, посетившего Биарриц в 1897 году: «...стоит только выглянуть солнцу, как становится жарко и очень весело. Plage интересен; хороша толпа, когда она бездельничает на песке. Я гуляю, слушаю слепых музыкантов; вчера ездил в Байону, был в Casino на «La belle Hélène»... Русских очень, очень много. Женщины еще туда-сюда, у русских же старичков и молодых людей физиономии мелкие, как у хорьков, и все они роста ниже среднего. Русские старики бледны, очевидно, изнемогают по ночам около кокоток; ибо у кого импотенция, тому ничего больше не остается, как изнемогать. А кокотки здесь подлые, алчные, все они тут на виду – и человеку солидному, семейному, приехавшему сюда отдохнуть от трудов и суеты мирской, трудно удержаться, чтобы не пошалить».

Особенно ценили Биарриц родители с детьми. Малыши резвились на обширных песчаных пляжах. Владимир Набоков писал: «Вдоль променада, по задней линии пляжа, глядящего в блеск моря, парусиновые стулья заняты были родителями детей, играющих впереди на песке... Щегольские белые штаны мужчин показались бы сегодня комически осевшимися в стирке; дамы же в летний сезон того года носили... легкие манти с шелковыми отворотами, широкополые шляпы с большими тульями, густые вышитые белые вуали, – и на всем были кружевные оборки – на блузках, рукавах, парасолях... Профессиональные бенъеры, дюжие баски в черных купальных костюмах, помогали дамам и детям преодолевать страх и прибой».

Весной 1905 года Екатерина Бутович с сыном Юрой, француженкой-гувернанткой, горничной и таксой Азором выехала в Европу. Госпожа Бутович посетила лучших врачей Вены и Берлина. Лучших портных Парижа. Осенью 1905-го нарядная и прекрасная 23-летняя замужняя дама, Екатерина Викторовна Бутович, прибывает в Биарриц.

1905-й – Россия объята революцией. Уже проиграна война с Японией, пережиты Кровавое воскресенье и восстание на «Потемкине». Повсюду – бунты... В столице впервые всерьез говорят о создании парламента. Но в Биаррице – как будто другая планета! Жизнь здесь беспечная и красивая. Русских полным-полно. Здесь легко быть счастливым вдали от реалий родины, здесь приятные люди ведут друг с другом приятные беседы и предаются только приятным занятиям. Катя отдыхает душой. Среди ее новых знакомых – джентльмены с положением, титулами, изящные, предупредительные, веселые. Она наслаждается жизнью, даже не вспоминая о тоскливом Круполе. Новые поклонники не дают скучать. И среди них вдруг появляется тот, кто кардинально изменит ее жизнь – командующий войсками Киевского округа, генерал-лейтенант Владимир Александрович Сухомлинов.

«Солнечный удар» генерала Сухомлинова

Генералу Сухомлинову в 1905 году – 57 лет. Он выпускник знаменитого Николаевского кавалерийского училища в Петербурге. Служил в лейб-уланах, закончил Академию Генерального штаба, командовал эскадрой лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка. Герой Русско-турецкой войны 1877–78 годов. За боевые отличия награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и золотым оружием.

Когда Катя Бутович родилась, 34-летний полковник Сухомлинов был уже профессором Академии Генерального штаба, преподавал тактику и военную историю великим князьям. К 42 годам он – генерал-майор, начальник Офицерской кавалерийской школы, обучает наследника, будущего Николая II тактике. В 49 лет Сухомлинов командует кавалерийской дивизией, в 56 – Киевским военным округом.

Генерал Сухомлинов

Современник пишет о Сухомлинове: «...блестящий, образованный и вдумчивый кавалерист. Обладая бойким

литературным пером и природным юмором, он обращал на себя внимание... талантливыми фельетонами на военные темы, которые он подписывал псевдонимом Остап Бондаренко. Общительный, умевший не только ладить с людьми, но даже их обвораживать...»

К 1905 году Владимир Сухомлинов вдов и бездетен.

Первой его женой была Любовь Фердинандовна, урожденная баронесса Корф, по словам мемуариста, «высоко порядочная, прекрасная женщина, и вся его (Сухомлинова. – Л. Л.) жизнь, как служебная, так и семейная, проходила в вполне нормальных условиях».

Но баронесса скончалась на второй год их брака. После ее смерти Сухомлинов стал ухаживать за Елизаветой Корейш, женой инженера Корейша (впоследствии директора института инженеров путей сообщения), послужил причиной их развода и женился на Елизавете Николаевне. По словам хорошо их знавшего Владимира Гурко, «вторая жена Сухомлинова всем своим прошлым принадлежала к богеме. Близкая к театральному миру Харькова, Киева и Одессы, она привыкла проводить время за веселыми ужинами в ресторанах и домашними попойками. Словом, жизнь Сухомлинова со времени его второй женитьбы радикально изменилась. Дом его оказался открытым для самой разнообразной публики. Обеды сменялись ужинами, за которыми вино лилось рекой. Сопряженные с этим расходы далеко превосходили средства хозяев. Денежные затруднения становились все острее, и, надо полагать, уже с того времени он попал в руки людей, ссужавших его деньгами, но одновременно чем-то помимо долговых обязательств его связывавших».

В начале 1904 года в Киеве разразился скандал. В местном отделении Красного Креста, попечительницей которого была Елизавета Николаевна, исчезла изрядная сумма – 40 тысяч рублей. Молва обвиняла в растрате генеральшу. На это намекала и влиятельная «Киевская газета». И хотя последовавшая ревизия растраты не обнаружила, горожане считали: растроченные деньги восполнили задним числом. Елизавета Николаевна в одночасье умерла. Как считают многие в Киеве, она отравилась, не в силах перенести позора.

Надо сказать, что в жизни Сухомлинова было два увлечения, которым он предавался, пренебрегая подчас служебными обязанностями: рыбалка и женщины. «Большой любитель женского пола», как сказал о нем Сергей Витте, Владимир Александрович, вскоре после смерти второй жены, утешился с киевской каскадной певичкой Каплан.

Все поменялось, когда Сухомлинов приехал в Биарриц.

Представленный Екатерине Викторовне, генерал-лейтенант мгновенно потерял голову. По словам Василия Шульгина, «произошло то, что Бунин изобразил в своем рассказе “Солнечный удар”. Генерал влюбился в прекрасную киевлянку. Потом он рассказывал своим друзьям, что это произошло потому, что она до удивительности напоминала ему его первую жену, урожденную баронессу Корф. Хотя я и упомянул о бунинском “Солнечном ударе”, но это был удар односторонний, то есть ударило генерала, а Екатерину Викторовну на ту пору пощадило. Она была слишком гордая дама, чтобы идти на сомнительную авантюру без достаточных оснований».

Внимание командующего войсками округа, конечно, импонирует. Екатерина Бутович забывает и про болезнь почек, и про законного супруга, оставленного в далеком полтавском имении. Сухомлинов на 34 года старше Кати, и не блещет красотой: низкорослый лысый крепыш с животиком. Но зато он, как говорят англичане, *charming* – великолепный рассказчик, умеющий развеселить, растрогать, выслушать. У него есть апломб, но никакого начальственного хамства: и с министрами, и со слугами он ровно любезен. А как сидит на нем гусарская венгерка, как он щедр, как внимательно и деликатно ухаживает, как умеет развлечь маленького Юру. А такса Азор вообще в нем души не чает, при первом случае прыгает на генеральские колени.

Между Круподем и Киевом

Была ли Катя действительно влюблена в генерала, никто теперь не скажет наверняка. Но то, что она увлеклась этим зарождающимся романом как новым жизненным проектом – очевидно. Здесь важно было не спешить. Сухомлинов – это выигрыш в лотерею, сказочное везение. С ним она сможет подняться на самый верх. Но торопиться не надо: пусть влюбится еще сильнее, сделает предложение. Тогда можно будет подумать и о разводе.

Катя идет на этот флирт, переросший в платонический роман, сознательно и расчетливо. Все развивается по ее плану, генерал совсем теряет голову – и вдруг...

Их милое общение с Владимиром Александровичем прерывается резко. Сухомлинов срочно отозван в Киев. Там революция. 19 октября 1905 года Сухомлинов указом государя назначен на пост Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора. На Украине хаос: мужицкие бунты, террор, забастовки. В Киеве – еврейский погром.

Генерал вспоминал: «...прибыла нешифрованная (телеграмма), от председателя Совета министров Булыгина, с уведомлением о моем назначении киевским генерал-губернатором. Через Париж – Вену я выехал сейчас же в Волочиск, пограничную станцию между Россией и Австро-Венгрией, где и получил я первые известия о событиях в Киеве.

Никто не ожидал такого скорого моего приезда. На станции Волочиск жандармы попрятались, и только под угрозой мне удалось получить локомотив и вагон. В штатском костюме я отправился в свою резиденцию.

Мой въезд в Киев в роли генерал-губернатора происходил соответственно состоянию Юго-Западного края – вне обычных рамок...

Чтобы сейчас же ознакомиться с размерами причиненных погромом убытков и опустошений, я в открытой коляске медленной рысью проехал по Бибиковскому бульвару и Крещатику.

То, что я увидел, было ужасно: разбитые окна магазинов, заколоченные двери и ворота, на мостовой – остатки товаров, там и сям – лужи крови. Я понял всю серьезность выпавшей на мою долю задачи и то личное одиночество, в котором находился».

Владимир Сухомлинов проявил мужество и распорядительность. Погромщиков разогнали, произвели аресты, на улицах установился относительный порядок.

У генерала – отличное политическое чутье: насилие он употребляет в исключительных случаях, а успокоить может и бунтующих студентов, и босяков, громящих еврейские магазины, и купцов-иудеев. Личная смелость Сухомлинова восхищает: он всегда первым выезжает туда, где происходят беспорядки. Его трижды пытались убить террористы (одно из покушений, кстати, готовила Фанни Каплан, которая позже будет стрелять в Ленина).

Когда через два месяца Катя вернется домой, она поймет: чутье не подвело – судьба свела ее с удивительным мужчиной. Теперь Владимир Сухомлинов – генерал-губернатор. Неслыханное жалование – 50 тысяч рублей в год, в 3 раза больше, чем у любого министра. Прекрасные отношения с государем. Сухомлинов – богат, свободен, перспективен и по-прежнему страстно влюблен. Новый знакомый не только успешно справился с киевскими беспорядками, но и в очередной раз готов взлететь по карьерной лестнице, его акции в Петербурге поднимаются.

Но Катя в свои 23 года прошла слишком трудный путь, чтобы не задумываясь броситься на шею влюбленному генералу. Лучше синица в руке, чем журавль в небе. И до поры до времени она живет с мужем в Великом Круполе. Тем более что здоровье ее все еще расстроено. Из-за почек она много времени проводит в кровати, лишь изредка наезжая к киевским докторам.

А Сухомлинов со счастливым ужасом понимает: вот она – последняя любовь. И начинает вести себя неосторожно. Вот что рассказывает Василий Шульгин: «Он стал ездить к Бутовичам довольно часто. Екатерина Викторовна, конечно, видела, что генерал влюблен, но, быть может, тогда у нее еще не было никаких планов, как отнестись к этому чувству человека уже в годах... А Владимир Николаевич Бутович, ее супруг, пока что смотрел на эти частые визиты благосклонно, не видя в них ничего дурного. Может быть, он даже был польщен, что такой видный сановник к нему зачастил. Но далее дело пошло серьезнее. Владимир Александрович стал вести себя не так, как надо было в его все-таки ответственном положении... Например, стал известен и случай, который очень повредил генерал-губернатору в глазах его подчиненных. Побывав у Бутовичей, он ехал домой, то есть в Киев, полный мыслей о прекрасной даме и даже о ее собаке. Кончилось же это тем, что на одной станции генерал приказал своему адъютанту отправить телеграмму на имя Екатерины Викторовны. И не нашел ничего лучшего, как подписать эту нежную телеграмму для вящей конспирации собачьей кличкой – Азор. Разумеется, на следующий день все стало известно, сначала в военных кругах, а затем во всем городе».

Их открытый флирт уже становился неприличным, несчастный Бутович являлся персонажем светских анекдотов, но как часто бывает с обманутыми мужьями, догадался об этом последним.

В 1906 году отношения между генерал-губернатором и молодой помещицей становятся более тесными, почти интимными. Встречи в Круполе, свидания в Киеве. Речи становятся все откровеннее. Генерал предлагает руку и сердце. Но Катя не отвечает ни «да», ни «нет» и не сжигает корабли. Тем более что именно в 1906 году ей предстоит тяжелая хирургическая операция по ампутации почки.

Между тем, положение генерала становится еще более блестящим. 6 декабря 1906 года командующий войсками Киевского военного округа, генерал-губернатор, генерал-лейтенант Владимир Сухомлинов производится в генералы от кавалерии и получает звание «почетного старика» Богоявленской станицы Области войска Донского.

Вот как Сухомлинов описывает свою резиденцию в Киеве: «В нижнем этаже находились большая зала, гостиные, столовая, приемная, кабинет и гардеробная комната с ванной. На верхнем – жилые комнаты, спальни. Вся усадьба обнимала семь десятин, большую часть фруктового сада. В последнем было огромное дерево грецкого ореха, дававшее несколько пудов крупных плодов. Две кухни, зимняя и летняя, прачечная, конюшня, сарай, парники, оранжерея и вся совокупность хозяйственных построек среди зелени превращали дом в настоящую загородную усадьбу. На окраине ее находился овраг, в котором было несколько ключей. Это дало мне мысль запрудить его. Возведена была прочная плотина, и получился глубокий пруд, в целую десятину, с двумя островками. Купальня, пристань для двух лодок, домик с двумя черными лебедями на пруде, в который пущено было много рыбы, павильон для трапез в саду и фонтан перед ним дополняли воображение о жизни вне города.

Рыбное население пруда так расплодилось, что завелись даже хищные, желтые крысы, охотившиеся на карпов. Жили они в норках по берегу и свободно плавали, имея перепонки на лапках, как у плавающих птиц.

Для меня получалась двойная охота: из монтекристо на крыс и на удочку – на карпов, отдельные экземпляры которых доходили уже до десяти фунтов веса».

Екатерина Бутович часто бывала в этом сказочном дворце. Муж считал, что она задерживалась в Киеве у матери. Между тем, об отношениях Кати и киевского проконсула знали в городе решительно все.

Зимой 1906–1907 годов Владимир Бутович, наконец, осознает: он обманут. Катя понимает: пора делать выбор. Ставка серьезная. Риск колоссальный. Но игра стоит свеч. Муж запретил Кате выезжать из Крупполя и отказал Сухомлинову от дома. Но Екатерина Бутович нашла возможность обмениваться с генерал-губернатором письмами, а когда летом 1907 года Владимир Бутович по служебным делам отправился в Кишинев, пошла на решающий шаг.

Она отправилась в Киев и провела ночь у Владимира Александровича Сухомлинова. Генерал как благородный человек настаивал на ее разводе и готов был венчаться. Катя бросила имение, мужа, ребенка и окончательно переехала к любовнику. Было только одно «но». Катя жила с генералом, но юридически оставалась женой Бутовича. Это скользкое обстоятельство захлопывало перед ней двери в высший свет, который казался уже таким близким...

В июле 1907 года Екатерина Викторовна потребовала развод. Она хотела, чтобы Бутович взял вину на себя, отказался от сына в ее пользу и выплатил единовременно 200 тысяч рублей. Молодой чиновник вряд ли станет портить отношения со всемогущим генерал-губернатором.

Ответ Бутовича

Владимир Сухомлинов и Екатерина Бутович были уверены: муж все условия выполнит и развод даст. Ссориться – себе дороже, в руках удачливого соперника армия, полиция, да и все местное чиновничество.

Но Владимир Бутович уперся. Он был искренне возмущен случившимся: холодным эгоизмом супруги, коварством Сухомлинова, полтора года игравшего роль друга дома. На стороне Бутовича было и общественное мнение, и полтавское дворянство, и монархические организации, и, главное, закон.

Василий Шульгин писал: «Тяжелая супружеская драма сделала его подлинным маньяком. Он потерял способность говорить и интересоваться чем бы то ни было, кроме своей жены. Если она утверждала, что он ужасный человек, то он твердил, что она ужасная женщина... Слишком уж цинично были попораны закон и правда. И я, конечно, думаю, что Екатерина Викторовна виновата перед Владимиром Николаевичем. Она пошла за него не любя, только для того, чтобы отомстить человеку, которого любила. Мне кажется совершенно ясным, что она Владимира Николаевича просто и за человека-то не считала. А он? Чем он был виноват, что ее первый роман был неудачен?»

В Российской империи брак и развод были делом церкви. Разрешение на развод давало высшее церковное учреждение – Святейший синод и делал это крайне неохотно и только по строго перечисленному кругу причин: доказанное прелюбодеяние; двоеженство (двоемужество); наличие добрачной болезни, препятствующей супружеским отношениям; осуждение за тяжкое преступление, включающее ссылку или лишение прав состояния; длительное (более 5 лет) безвестное отсутствие супруга; пострижение в монашество (только при отсутствии малолетних детей). После развода виновная сторона чаще всего не имела права вступать в новый брак. В результате таких строгостей по переписи 1897 г. в Российской империи на 1 000 мужчин приходился только один разведенный, на 1 000 женщин – две.

Наглость генерала и изменницы жены заключалась в том, что невинный Бутович должен был принять вину на себя: признаться в несуществующем прелюбодеянии, лишиться единственного сына, да еще и заплатить огромную денежную сумму.

В ответ инспектор народных училищ Бутович вызвал генерал-губернатора на дуэль. Вызов принят не был. Тогда Владимир Николаевич принялся писать Сухомлинову оскорбительные письма и грозил при встрече набить морду.

Шульгину Бутович объяснял свое поведение так: «Я бы дал развод, пусть уходит, куда хочет. Но когда Владимир Александрович Сухомлинов, генерал-губернатор и командующий войсками, пробовал мне угрожать, требуя развода, я вспомнил, что мой предок Бутович подписал решение Переяславской рады. Бу-то-ви-ча-ми не командуют, хотя бы Сухомлиновы, и им не угрожают. И я ответил отказом: не дам развода!»

Рисковала не только Катя. Рисковал и сам генерал. Открытое сожителство с замужней дамой в России на рубеже XIX и XX веков сулило большие неприятности. К тому же у Бутовича были влиятельные родственники, связи в Киеве и Петербурге. Скандал мог серьезно испортить карьеру генерал-губернатору. Сухомлинов, пускаясь в любовную авантюру, едва ли осознавал, какой удар по репутации – жить, наперекор общественному мнению, с чужой женой. Если бы она развелась, вышла за него замуж, генерала бы в конце концов простили. Слишком доверяли Сухомлинову при дворе. К тому же именно он восстановил порядок на юго-западе Империи. Но Катю свет не принимал. Она не жена. Куртизанка! И из этого положения не было выхода. Вполне могли отправить в отставку, и это тогда, когда карьера Владимира Александровича находилась на подъеме.

И генерал дрогнул. Он предложил Кате оставаться его наложницей, не раздувая скандала. Он готов купить ей хоть сегодня прелестный особнячок в Конча-Заспе. Или все же ей следует вернуться к мужу и лично уговорить его дать развод. Кате стало по-настоящему страшно: покаяться и вернуться к нелюбимому и ненавидящему ее мужу – обречь себя на вечное унижение. Стать любовницей Сухомлинова... Разве она мечтала о карьере куртизанки?

Но выхода не было. Екатерина Викторовна переломила себя и, униженная, отправилась в Круполь. Осень 1907 года она проводит на Полтавщине, уговаривая Владимира Бутовича освободить ее от супружеских уз. Владимир Николаевич оскорблен и на уступки идти не желает. Тем более что Екатерина Викторовна временами уезжает в Киев: говорит – к матери, на самом деле, он уверен, – к любовнику. И Бутович прав.

Екатерина понимает: она идет по лезвию ножа. Возврат к семье невозможен, муж никогда не простит измены. А Сухомлинов слаб: карьерные мотивы могут перевесить любовный интерес. Значит, надо всеми силами поддерживать в генерале и любовный огонь, и чувство ответственности: он не может бросить ее – это не по-дворянски, не по-офицерски.

В ноябре 1907 года Екатерина Бутович, после очередного отказа в разводе, принимает большую дозу опиума и

отказывается проглотить рвотное, на чем настаивает вызванный в имение врач. Было ли это реальной попыткой самоубийства или его имитацией, мы не узнаем, но состояние ее здоровья резко ухудшилось, и зиму 1907–1908 годов она провела за границей, по преимуществу в санатории под Ниццей.

Екатерина Викторовна добилась своего. Мысль о расставании стала для Сухомлинова невыносима. Злоключения любовницы вызвали у него острое чувство вины, и генерал теперь твердо решил жениться на Кате, несмотря ни на какие преграды. Для начала он оплатил ее полугодовое пребывание в Европе.

В мае 1908 года Сухомлинов и Катя встретились в Карлсбаде. К этому времени генерал-губернатор нанял для Екатерины Викторовны лучшего в Киеве адвоката – присяжного поверенного Виктора Неметти и поручил ему вести бракоразводный процесс.

Адвокату удастся склонить Бутовича к компромиссу: тот готов взять вину на себя, дать жене развод, но отказывается отдавать сына, и не готов платить изменнице ни копейки. Екатерина Викторовна соглашается на разлуку с Юрием, но вот от 200 тысяч рублей отказаться не в силах. Эти деньги дали бы ей возможность существовать самостоятельно даже в случае нового предательства Сухомлинова.

Между тем Владимир Бутович, доведенный всем происходящим до умоисступления, продолжал скандалить. Он жаловался в министерства – военное и внутренних дел – на безнравственность Сухомлинова и превышение им власти. О «деле Бутовича» заговорили газеты.

Помощник военного министра Алексей Поливанов делал личный доклад государю о неприятностях генерал-губернатора. Николай II, относившийся к Сухомлинову с большой симпатией, решил никакого расследования не начинать, хотя, по его словам, все происходящее было «неудобно» для генерал-губернатора.

В начале августа 1908 года Екатерина Викторовна подает прошение о разводе на высочайшее имя. И вскоре статс-секретарь, барон Александр Будберг, главноуправляющий канцелярией Его Императорского Величества по принятию прошений пишет официальную бумагу:

«Господину обер-прокурору Святейшего синода.

Жена дворянина Владимира Бутовича обратилась к Государю Императору со всеподданнейшим прошением о покровительстве в деле о расторжении ее брака с мужем. Государь Император, по всеподданнейшему докладу по поводу настоящего дела, отнесся участливо к тяжелому положению Екатерины Бутович, 6 августа, Высочайше повелеть соизволил: передать ее прошение Вашему Высокопревосходительству вместе с произведенным по

канцелярии Его Императорского Величества по принятии прошения дознанием, для доклада Его Величеству.

Во исполнении таковой Монаршей воли, имею честь препроводить при сем Вам, Милостливый государь, всеподданнейшее прошение Екатерины Бутович с протоколами дознания.

Главнoуправляющий, статс-секретарь, барон Будберг».

9 сентября 1908 года Сухомлинов обращается к обер-прокурору Синода Петру Извольскому с неформальным письмом:

«Глубокоуважаемый Петр Петрович, во время Вашего пребывания в Киеве я затруднял Ваше внимание делом, которое в жизни моей имеет такое громадное значение. В. Н. Бутович продолжает свое бессердечное дело с беспримерным озлоблением, – пишет на меня ложные доносы и ведет себя во всех отношениях некорректно.

В Вашей власти, глубокоуважаемый Петр Петрович, направить это дело к благоприятному его разрешению, к чему, благодаря несомненной своей невинности, так настойчиво препятствует Владимир Николаевич.

Три человека страдают одновременно, из них последний не понимает, что разводом, он сам – успокоится. Я решаюсь еще раз просить Вас, при докладе Государю Императору, – присоединить мою всеподданнейшую просьбу оказать исключительное Монаршее Милосердие в этом возмутительном деле. Надежда на то, что его Императорское Величество не откажет в этом, дает мне силы работать без устали, в нелегких условиях моего настоящего служебного положения. Очень и очень прошу Вашей помощи, и верьте, что я страдаю жестоко.

Глубокоуважающий и искренне преданный Вам В. Сухомлинов».

Ответ Извольского и Будбергу, и Сухомлинову был отрицательный: единственная возможность официального развода – предоставление доказательств прелюбодеяния Владимира Бутовича. Для этого Синоду следовало представить данные под присягой свидетельства двух очевидцев измены.

Так как реальных свидетелей не было, оставался один выход: подлог.

Друзья познаются в несчастье

Правила тогдашнего социального этикета не позволяли людям семейным посещать дом, хозяин которого открыто жил с чужой женой. Семейные люди не могли приглашать их в свои дома, Светское общение даже с подчиненными Сухомлинову офицерами было для Кати исключено. Для того чтобы поддерживать отношения с Сухомлиновым и Бутович в интимной обстановке, нужно было сознательно нарушить табу. Но речь-то шла не о каком-нибудь мелком чиновнике, а о генерал-губернаторе.

И конечно, нашлись люди, «пренебрегшие светскими условностями»: для них Екатерина Викторовна, жившая вместе с генералом, и была его супругой. Кто-то понимал, что от Владимира Александровича зависит его карьера, для других являлось очевидным: рано или поздно Екатерина Викторовна станет Сухомлиновой. И отблагодарит тех, кто поддерживал ее в тяжелые годы.

Сухомлинову было на кого опереться. Вокруг генерал-губернатора Юго-Западного края образовалась дружественная компания, готовая на все ради любимого начальника.

В этом небольшом кругу главную роль играли: тогдашний начальник киевского охранного отделения Николай Николаевич Кулябко (приобретший позже, после убийства Петра Столыпина, широкую известность), двоюродный брат Екатерины Бутович – Николай Гошкевич с супругой Анной (урожденной Грек), Наталия Червинская и Ольга Дараган (кузины Владимира Бутовича, перешедшие на сторону бросившей его жены).

Самым, как бы сейчас сказали, креативным из друзей невенчанной пары был Александр Альтшиллер, почетный консул Австро-Венгрии в Киеве.

Дружба с консулом страны – потенциальной противницы России в грядущей войне – для командующего Киевским военным округом, как минимум, странность. К тому же Альтшиллер – еврей, хотя и перешедший в лютеранство. Но это Сухомлинова не смущает, среди его приятелей немало иудеев. Известный юдофоб Михаил Меньшиков даже опубликовал в газете «Новое время» фельетон, в котором назвал генерал-губернатора «еврейским батенькой», потому что он будто бы очень покровительствует евреям.

Альтшиллер жил в России уже лет 40. Преуспевающий коммерсант, он владел пакетом акций сахарного производства Бродских, руководил фирмой, ввозившей в Россию

сельскохозяйственные машины, являлся исполнительным директором и совладельцем Южно-русского машиностроительного завода. Его ежегодный доход был в два раза выше, чем у генерал-губернатора: 120 тысяч рублей в год.

Жесткий делец, великий комбинатор, Альтшиллер разыгрывал в Киеве роль эдакого чудака-иностранца: модника, шутника, хлебосольного хозяина, полиглота. Он был вхож во все лучшие киевские дома, и в его особняке регулярно собиралось избранное общество.

Владимир Сухомлинов познакомился с Александром Альтшиллером в 1899 году через свою вторую жену Елизавету Николаевну, и с тех пор они оставались близкими приятелями.

Как писал об этой странной дружбе русского генерала и австрийского дипломата Василий Шульгин, «вместе с ним он ездил за границу, запросто играл в карты, «по небольшой», и говорил, что в его обществе «время для него идет незаметно». Альтшиллеру был открыт полный доступ в кабинет Сухомлинова. Он мог на свободе рыться там в его бумагах. В присутствии Альтшиллера просили не стесняться в разговорах, хотя бы речь касалась и военных тем, – «он ведь свой человек, при нем все можно!»

Альтшиллер стал конфиденнтом Сухомлинова не случайно: оба они были умны, беспринципны и обаятельны. Оба сделали карьеру наперекор обстоятельствам: еврей, ставший почетным консулом и мелкопоместный дворянин, опередивший в своей военной карьере сверстников из лучших родов российского дворянства. К тому же Сухомлинову, человеку военному и карьерному, надо было иметь какого-то разумного советчика вне сферы его службы. А интересам Альтшиллера соответствовали служебные успехи Владимира Александровича.

Киевские жандармы доносили в департамент полиции о подозрительном друге генерал-губернатора. Частые поездки почетного консула в Вену и Берлин, близость к официальному австро-венгерскому консулу и орден Франца Иосифа, полученный Альтшиллером неизвестно за какие заслуги перед Австро-Венгерской монархией, дали основание контрразведке взять его под наблюдение как вероятного шпиона.

Прокурор Киевской судебной палаты Кукуранов говорил, что он не понимает, как могло случиться, что Альтшиллера приняли в доме командующего войсками округа. О странном приятеле генерал-губернатора болтали в газетных редакциях. Только дружба с Сухомлиновым, в доме которого он считался своим человеком, мешала окончательному разоблачению австрийца.

Александр Альтшиллер стал главным советчиком в

бракоразводном деле Екатерины Викторовны Бутович.

Осенью 1908 года доверенные люди Сухомлинова (среди них называли будущего убийцу Петра Столыпина – анархиста и агента киевского жандармского управления Дмитрия Богрова) отправились в Ниццу. Там в отеле «Шато де Бометт» останавливались Бутович с сыном Юрием и гувернантка мальчика Вера Лоранс.

Вскоре в распоряжении Сухомлинова оказались нотариально заверенные показания метрдотеля гостиничного ресторана Адольфа Гибандо: «Месье Бутович по ночам неоднократно заходил в номер мадемуазель Лоранс и оставался там часами. Его обращение с гувернанткой настолько фамильярно, что ни у меня, ни у других служащих нет сомнений: Бутович и Лоранс – любовники».

Екатерина Викторовна снова обращается в Синод. Теперь у нее есть правовые аргументы для развода. Однако процесс обещает быть длинным. Положение влюбленной парочки в Киеве, где их терроризирует Бутович, неприятное.

Военный министр Редигер писал: еще весной 1908 года ему стало известно, что «...Сухомлинов вследствие амурных историй хочет покинуть Киев. Выяснилось, что затеянный им развод четы Бутович не удастся, поэтому он даже думал выйти в отставку».

Но в отставку выходить не пришлось, служебное положение генерала Сухомлинова внезапно решительно поменялось, его карьера снова начала развиваться стремительно. В 1908 году в военном ведомстве произошли решительные преобразования.

Из Киева в Петербург

В 1905 году, когда неудача в войне с Японией стала всем очевидна, управление вооруженными силами России перестроили. И армию, и флот подчинили Совету государственной обороны, главой которого император назначил своего двоюродного дядю – великого князя Николая Николаевича, человека властного, мстительного, склонного к интриге. При этом Николай Николаевич оставался командующим войсками гвардии и Петербургского военного округа.

Роль военного министра (им стал Александр Редигер) резко снизилась. Генштаб теперь подчинялся не ему, а непосредственно императору. Но фактически – Николаю Николаевичу, потому что во главе Генерального штаба встал его протеже – генерал Федор Палицын. Не подчинялись Редигеру и генерал-инспекторы родов войск, среди которых были великие князья: генерал-инспектор по инженерной части – Петр Николаевич (брат председателя Совета обороны), генерал-инспектор артиллерии – Сергей Михайлович. Военными учебными заведениями руководил Константин Константинович.

По единодушному мнению мемуаристов и историков, реформа оказалась неудачной. Увеличилась переписка в канцеляриях. Распыление власти, в прошлом принадлежавшей министру, привела к безответственности на местах. Генералы стали роптать.

Между тем доверие и любовь Николая II к своему дяде поубавилось. Если прежде великий князь Николай Николаевич был частым гостем у императора, то с 1908 года его почти не принимали.

В ухудшении отношений, вероятно, виновна прежде всего императрица Александра Федоровна, всегда чутко относившаяся ко всем, кто «заслонял» мужа. А Николай Николаевич (и это подтвердила история) при случае мог сыграть самостоятельную политическую роль. В руках его была сосредоточена огромная власть. Как писал хорошо осведомленный начальник канцелярии министерства императорского двора Александр Мосолов, «Николай Николаевич Младший был, вероятно, единственным из великих князей, кто пытался играть важную роль в политической жизни государства. Он был также единственным, кто при определенных обстоятельствах мог бы возглавить оппозицию Николаю II».

27 мая 1908 года в Государственной думе выступил лидер партии октябристов, председатель комиссии по государственной

обороне Александр Гучков. В своей речи он указал на некомплект офицеров, потребовал строительства новых военных заводов. Касаясь состояния высшего военного управления, Гучков сказал: «Если до войны высшее управление нашей армии сосредоточивалось в руках военного министра, который облечен был обширной властью, со времени войны в этом отношении пошли по ложной дороге». О Совете государственной обороны во главе с великим князем Николаем Николаевичем депутат выразился так: «Этот Совет является серьезным тормозом в деле реформы и улучшения нашей государственной обороны». Наибольший фурор произвел выпад против великих князей, которых он называл «безответственными лицами» (так как критиковать их запрещалось) и намекнул на их коррумпированность: «Постановка их во главе ответственных важных отраслей военного дела является делом совершенно ненормальным... Мы должны потребовать только всего – отказа от некоторых земных благ и некоторых радостей тщеславия, которые связаны с теми постами, которые они занимают».

26 июля 1908 года последовал Высочайший рескрипт на имя великого князя Николая Николаевича об отставке того от должности председателя Совета государственной обороны. Соответственно, и на место его ставленника, начальника Генерального штаба генерала Палицына, требовался новый человек.

Генерал Редигер вспоминал: «Я остановился на Сухомлинове: человек способный; быстро схватывает всякий вопрос и разрешает его просто и ясно. Службу Генерального штаба знал отлично, так как долго был начальником штаба округа. Сам он не работник, но умеет задать подчиненным работу, руководить ими, и в результате оказывалось, что работы, выполнявшиеся под его руководством, получались очень хорошие. Сухомлинов отлично знал множество офицеров Генерального штаба и умел выбирать среди них лиц, которые хорошо выполняли его поручения».

Сухомлинова вызвали в Петербург. Вот его воспоминания: «На вокзале меня встретил адъютант военного министра, генерала Редигера, с просьбой последнего сейчас же отправиться к нему. Редигер передал, что государь ждет меня на другой же день. Я был поражен, узнав, что мне предложено будет принять должность начальника Генерального штаба.

На следующий день я был в Царском Селе. Государь встретил меня исключительно ласково и, глядя в упор своими добрыми глазами, сказал: «Как я рад, что вы приехали. Я прошу вас принять должность начальника Генерального штаба».

Из хозяина самостоятельного приходилось переходить в

работника, зависимого от военного министра. Дело, налаженное и для меня симпатичное, в прекрасных климатических условиях Юго-Западного края, предстояло променять на работу среди придворных интриг человеку, за 10 лет отсутствия в Петербурге утратившему всякую связь с жизнью столицы».

«Я знаю, – говорил мне государь, – что это для вас из попов в дьяконы, но я прошу все-таки вас на это согласиться, а во мне вы найдете во всем поддержку. Ваше трудное положение я вполне понимаю, но здесь, в столице, можно добиться того, чего не сделаешь в провинции».

Я ответил на это его величеству, что перемену, мне предстоящую, считаю переходом даже из попов в дьячки, а не в дьяконы, но не могу допустить, чтобы государь меня просил, а повеление высочайшее не исполнить считал бы для себя преступлением».

В декабре 1908 года на имя генерала от кавалерии В. А. Сухомлинова последовал высочайший рескрипт: «Владимир Александрович. Высоко ценя ваш обширный служебный и боевой опыт по прежней вашей деятельности на должностях Генерального штаба, я признал необходимым, для пользы дела, поручить вам ответственный пост начальника Генерального штаба.

Вместе с тем изъявляю вам искреннюю мою признательность за труды ваши по командованию и боевой подготовке войск Киевского военного округа и по управлению Юго-Западным краем в должностях командующего войсками сего округа и Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора. Пребываю к вам неизменно благосклонный и благодарный Николай».

В декабре 1908 года Владимир Сухомлинов и Екатерина Бутович перебираются в столицу. Жить вместе официально они не могут. Начальник Генерального штаба занимает служебную квартиру на Дворцовой площади в построенном Карлом Росси здании, а неподалеку, на Большой Морской, располагается квартира Екатерины Викторовны.

В должности министра

Каждый вторник в Александровском дворце Царского Села нового начальника Генерального штаба принимал император. И всякий раз радовался своему выбору: Владимир Сухомлинов – человек знающий, с прекрасной памятью, остро слов. Самые сложные и запутанные проблемы в его изложении выглядели понятными и имеющими простое решение. Указания он понимал с полуслова, докладывал сжато суть всякого дела. А сколько Владимир Александрович знал анекдотов и любопытных историй из армейской жизни!

Он понимал все слабости государя, никогда не утомлял, умел волновать и радовать своими докладами. Как это приятно контрастировало с манерами военного министра, генерала Редигера. Тот – сухарь, зануда, мизантроп. Постоянно на ножах с военными моряками: считает лишними в сухопутной России траты на линкорный флот. А государь в душе относил себя именно к морской среде. Редигера хорошо было бы снять. И тут подвернулся повод.

В марте 1909 года октябристы опять подняли бучу на военной комиссии Думы. Особенно усердствовал все тот же Александр Гучков. Он опять напал на «безответственных лиц», определяющих назначения на высшие командные посты. Дескать, назначают своих бывших сослуживцев и подчиненных, а не тех, кто выдвинулся в минувшей войне с Японией. «Вы мне скажите, есть ли во главе всех округов люди, которые могут в мирное время воспитывать нашу армию к тяжелому боевому опыту и могут повести наши войска к победе?» А Редигер не только не возразил, но практически согласился с Гучковым.

Одновременно происходил так называемый Боснийский кризис, когда Австро-Венгрия самовольно расширила владения на Балканах, присоединив к себе Боснию и Герцеговину, на которую претендовала давнишняя союзница России Сербия. Выяснилось, что Россия при тогдашнем состоянии ее вооруженных сил не могла дать австриякам отпор. Козлом отпущения выбрали Редигера.

11 марта 1909 года государь уволил Редигера и назначил военным министром Сухомлинова.

Забегая вперед, скажем: Владимир Александрович оставался одним из приятнейших министров для Николая II долгие годы. На своем посту он продержался для того времени почти рекордный срок. Как писал о его дальнейшей карьере Василий Шульгин, «Сухомлинов во всех министерских составах был самым

влиятельным членом Кабинета. Это объясняю тем, что все свои дарования он направил к завоеванию личности монарха и эту личность полонил целиком». Шесть лет Владимир Сухомлинов определял судьбу Российской императорской армии.

А что же Екатерина Викторовна? Она вместе со своим спутником перебралась на набережную Мойки, 57 в особняк из 40 комнат, положенный военному министру по должности.

В силу того что Синод еще не приступил к слушанию дела о разводе ее с Бутовичем, светское положение Кати оставалось неопределенным. Но старые друзья ее не оставляли.

Вслед за дочерью в столицу перебралась мать Екатерины Викторовны – Клавдия Гошкевич. В Петербург переехали супруги Анна и Николай Гошкевичи. Николай (кузен Екатерины Викторовны), благодаря протекции Сухомлинова, стал чиновником министерства торговли и промышленности.

В конфликте Владимира Бутовича и Екатерины Викторовны двоюродная сестра брошенного мужа Наталия Илларионовна Червинская, как отмечалось ранее, предпочла дружить с обманщицей-женой. Она тоже переехала из Киева в столицу и поселилась на правах близкого друга прямо в особняке военного министра.

Не оставлял Сухомлинова своим вниманием и Александр Альтшиллер: многожды приезжал из Киева в Петербург; пока Владимир Александрович уходил в присутствие, прогуливался с Екатериной Викторовной. Бывал с ней и в Мариинском театре, и в ресторане «Контан», ездил провожать закат и встречать рассвет на Стрелку (место – моднейшее). А главное – регулярно дарил роскошные подарки, по преимуществу меха, на которые она была большая охотница.

По просьбе спутницы министра, Альтшиллер основал в Петербурге на Большой Зелениной улице филиал своего Южно-русского машиностроительного завода, а руководителем этой конторы сделал кузена Екатерины Викторовны, Николая Гошкевича. Тот уволился из министерства: Альтшиллер платил ему не 100 рублей в месяц, как казна, а 400, и предоставлял бесплатную квартиру.

Итак, старые друзья были рядом, но появились и новые.

Владимир Сухомлинов писал о Кате и об их окружении: «В петербургском обществе она чувствовала себя чуждой. Нам обоим приходилось очень считаться с непосредственно окружающим нас личным составом секретарей, адъютантов, ординарцев, частью оставшихся после моего предшественника, частью прибывших со мною из Киева. У старых петербургских – был свой тесный кружок, которому они протезировали и слишком усердно

выставляли на авансцену моего кругозора».

Итак, по мнению Сухомлинова, адъютанты отпадали (впрочем, позже мы сможем убедиться: это не совсем верно). Екатерина Викторовна создала свой кружок из людей, хотя и не допущенных в великосветское общество, но богатых, со связями.

Владимир Александрович встретил в Петербурге своего давнего знакомого и сверстника, генерала от инфантерии Николая Николаевича Маслова. После долгой службы военным прокурором Николай Николаевич теперь заседал в Государственном совете и, на глазах всей столицы, жил с неразведенной супругой сенатора Дмитрия Викторова – Лидией Николаевной.

Сухомлинова и Катю Лидия Николаевна привечала и сочувствовала их злоключениям: у нее самой был опыт невенчанной жены. На Сергиевской у Викторовой собиралась пестрая компания, в которой частыми гостями были отставной жандармский подполковник 45-летний Сергей Мясоедов и его жена Клара Самуиловна (урожденная Гольдштейн).

Мясоедовы оказались бесценной находкой для Екатерины Викторовны. Ведь она не знала Петербург. Уязвленная своим сомнительным светским положением, Катя хотела компенсировать его, как говорится, «демонстративным потреблением», то есть быть самой красивой, самой модной, не экономить на предметах роскоши. Именно Сергей и Клара ввели ее в ресторанный мир, объяснили, что в заведения надо ходить только «гвардейские», то есть такие, где не зазорно бывать кавалергардам и конногвардейцам («Пивато», «Донон», «Медведь», «Контан»). Что необходимо иметь годовые абонементы во французский Михайловский и Мариинский театры. Что пирожные могут быть только от Буше, цветы – от Эйлерса, драгоценности – от Фаберже, устрицы и вино – от Елисеева, а меха – от Мертенса. Что шикарным считается мотор с шофером. Что надо бывать на публике в сопровождении адъютантов мужа, посещать красносельские скачки и скетинг-ринк на Марсовом поле. Когда Анна Гошкевич поинтересовалась у Екатерины Викторовны, почему она так сблизилась с Мясоедовым, та ответила: «Это прекрасный человек. Никто так не умеет устроить обед или дешево купить что-то».

Между тем, в июне 1909 года дело о разводе, наконец, дошло до Консистории (первая инстанция в бракоразводных процессах). На основании письменных, заверенных нотариусом показаний метрдотеля гостиничного ресторана в Ницце Адольфа Гибандо и еще нескольких официантов, Екатерина Викторовна доказывала, что ее муж сожительствовал с гувернанткой Лоранс.

Однако Владимир Бутович тоже не терял времени зря, он написал жалобу в Синод, где утверждал: показания свидетелей не выдерживают ни малейшей критики. По закону, для возбуждения дела необходимы показания двух *очных* свидетелей прелюбодеяния. А в распоряжении Консистории – только показания Гибандо: он де видел, как Бутович ночью входил в комнату Лоранс.

Мало того, обманутый муж сам отправился на Ривьеру, передопросил свидетелей, и те (за исключением одного официанта) дружно отказались от своих прежних показаний. Между тем Гибандо, как выяснилось, уже не было в живых – он покончил жизнь самоубийством в припадке белой горячки. Стоило ли доверять такому сомнительному свидетелю?

Ситуацию усугубляло и другое обстоятельство. Бутович, маниакально желавший насолить жене и разлучнику, стал постоянно бывать в Петербурге, наладил связи среди правых депутатов Думы и журналистов. Обстоятельства скандального бракоразводного процесса стали достоянием прессы. А недоброжелателей у военного министра хватало.

И хотя желание императора развести Бутовичей Синоду было известно, чиновники отправили дело на исследование, считая аргументы истицы недостаточными.

Но тут вдруг появилась новая ключевая свидетельница – Анна Гошкевич. Жена кузена Екатерины Викторовны вспомнила: в 1906 году, в Круполе, Владимир Бутович пытался ее изнасиловать. Они с мужем проводили в имении медовый месяц, и вот хозяин Крупполя неожиданно на нее напал и пытался овладеть. Она дала отпор, но мужу ничего не рассказала: Николай страшно ревнив, мог вспыхнуть никому не нужный скандал. Муж был способен просто убить развратника. Теперь же, видя, как мерзкий Бутович мучает Екатерину Викторовну, она готова дать против него показания под присягой.

Дело снова пошло в Синод. Напрасно Бутович и его адвокаты настаивали на абсурдности запоздалых признаний Гошкевич. Указывали на тот факт, что ее законный муж, Николай Михайлович, благодаря протекции Сухомлинова, летом 1909 года стал директором петербургского представительства принадлежавшего Альтшиллеру Южно-русского машиностроительного завода. Все было тщетно.

Синоду не хотелось противоречить государю, который желал развода, и показания Анны Гошкевич стали для чиновников духовного ведомства чрезвычайно полезными. Бутовича объявили прелюбодеем, и 11 ноября 1909 года Екатерина Викторовна, наконец, стала свободной женщиной.

13 ноября министр венчался со своей избранницей. Госпожа Бутович стала госпожой Сухомлиновой. На скромной церемонии в церкви присутствовали ближайшие друзья – Гошкевичи, Мясоедовы, Альтшиллер.

Расходы министерши

Итак, Екатерина Викторовна Сухомлинова – 27-летняя красавица, жена самого могущественного министра в кабинете Петра Столыпина. Ее муж гордо вспоминал: «В театре со всех сторон направляли бинокли на нашу ложу, когда моя жена появлялась в ней, и она была везде центром внимания, когда бывала в обществе или присутствовала на деловых собраниях».

Но в высшем свете Екатерину Сухомлинову так и не признали. Все помнили слова Антония, петербургского митрополита, о ее разводе: «Военный министр женился, дабы спокойно работать, но каково будет положение Синода, если все министры, дабы спокойно работать, пожелают иметь по чужой жене?»

К тому же, как писал министр, дамы попросту ревновали к этой ослепительной красавице: «Екатерина Викторовна по происхождению не была из так называемого аристократического общественного круга, признаваемого в Петербурге, из которого, несмотря на кажущийся в России либерализм, гвардейские офицеры должны были выбирать себе невест, если желали быть принятыми затем благоприятно в обществе. Она происходила из малороссийского гражданского рода и получила прекрасное образование, которым могла затмить многих дам высокого и высочайшего рода. Главный порок ее заключался в удивительной красоте и грации, на что царь даже обратил внимание, когда мне однажды пришлось ему ее представить. К сожалению, это не бывало особенно часто, ибо она много болела и уезжала за границу».

В 1909 году Екатерина Викторовна стала законной супругой военного министра Сухомлинова

Эйфория от получения официального статуса лишает Катю – теперь Екатерину Викторовну – последних тормозов.

Компенсацией за социальную уязвленность становится роскошь, которой окружает себя министерша. Хотя официальное жалование военного министра совсем небольшое, она тратит денег больше, чем Матильда Кшесинская или кто-либо из великих княгинь. В год Екатерина Викторовна покупает больше чем на 7 тысяч рублей русских мехов, жемчугов – на 20 тысяч. Наряды ей шьют только в Париже, у самых дорогих портных мира. В один из сезонов она заказала 13 платьев у знаменитого кутюрье Бера и 12 у его конкурента Бернара, – самое дешевое платье стоило не меньше 800 рублей (годовое жалование школьного учителя). В тот же сезон она купила десяток шляп, по 200–300 рублей каждая. Полгода Екатерина Викторовна проводит за границей: Ницца, Париж, Венеция, Карлсбад, Берлин, Алжир, Египет, Марокко, Смирна. Лучшие отели (летом на заграничных курортах Сухомлиновы занимали помещение в 12–15 комнат), роскошные лайнеры, салон-вагоны, многочисленная прислуга. Лечат ее европейские знаменитости с баснословными гонорарами. Словом, в год Сухомлинова тратит не менее 100 тысяч рублей.

В свете недоумевали: откуда у этой вульгарной женщины, выскочки, такие огромные деньги? И действительно, объяснить это рационально было невозможно. Ко дню своего назначения на должность начальника Генерального штаба Сухомлинов имел сбережений не более 50 тысяч рублей. У самой Екатерины Викторовны личных средств вовсе не было. Жалование Сухомлинова как военного министра было ниже, чем тогда, когда он был Киевским генерал-губернатором и по совместительству командующим округом. В Киеве Владимир Александрович получал 50 тысяч рублей, в Петербурге военному министру платили 18 тысяч рублей жалования, 3 600 разъездных и около 8 тысяч на экстраординарные расходы. Конечно, по должности ему полагались огромные льготы – бесплатный особняк, командировочные, автомобиль, карета, но все равно, даже если «капитализировать» эти льготы, получается в год тысяч 50.

При этом трат в Петербурге было больше, чем в Киеве. Например, за свой счет Сухомлинов содержал 16 слуг, устраивал почти каждую неделю приемы в резиденции на Мойке. Сам Владимир Александрович был человеком скромным: в отсутствие супруги пользовался скидкой при покупках в Гвардейском экономическом обществе, а домоправительнице Марии Кюнье приходилось буквально вымаливать у него лишний рубль на хозяйство.

Но, несмотря на огромные траты Екатерины Викторовны, генералу Сухомлинову удалось внести за период со 2 декабря

1908-го до 3 сентября 1915 года в различные кредитные учреждения столицы 702 737 рублей. За этот же период он снял в банках больше 336 тысяч рублей, и к сентябрю 1915 года у него оставалось на счетах 323 тысячи рублей и еще 44 тысячи – на руках. Наличие таких средств не может быть объяснено и удачной биржевой игрой (занятие для министра вообще странное), как это пытался сделать в разговоре со знакомыми Сухомлинов – бухгалтерской экспертизой установлено: доходы от биржевых операций Сухомлинова составляли всего 55 тысяч рублей.

Финансовые махинации

Россия – государство военное. 814 миллионов рублей в год (примерно пятая часть всех государственных расходов) тратится на армию и флот. Все знают: возможно, скоро придется воевать, и не с Турцией, и даже не с Японией. А с Германией и Австро-Венгрией. Расходы военного ведомства растут ежегодно. Царь Сухомлинову доверяет безоговорочно.

Почти полуторамиллионной армии, помимо орудий, пулеметов, дредноутов и винтовок требуются кальсоны бязевые, гимнастерки, сапоги, консервы, палатки. Деньги, которые Екатерина Сухомлинова тратит на платья и драгоценности – это в том числе и деньги, на которые Россия должна готовиться к войне. Генерал Сухомлинов давно уже не контролирует ситуацию, живет одним днем, много работает, подчиняется воле государя и пожеланиям Екатерины Викторовны.

Воровство в военном ведомстве – не редкость. Правда, плутни министерских чиновников редко разоблачали. Но весной 1912 года в Петербурге прошел шумный судебный процесс. В военно-окружном суде несколько недель рассматривали дело интендантских чиновников, обвинявшихся в многомиллионных взятках. Был вскрыт механизм хищений в Главном интендантском управлении, размещавшемся в знаменитом доме Лобанова-Ростовского, парадный вход которого по сей день украшают два мраморных льва. (На одном из них пушкинский Евгений из «Медного всадника» переживал разрушительное наводнение 1824 года.)

Перед судом предстали полковники Акимов, Дутов, Миткевич, трое их подчиненных, подполковников, надворный советник Кислинский и вдова камер-юнкера Сапиенца, сожительница одного из обвиняемых, подполковника Цветкова.

Свидетелями обвинения выступали владельцы крупнейших компаний, директора заводов, генералы от инфантерии. Ревизия привела к арестам всего руководства 1-го отделения интендантства.

Варшавская фирма Тиле, участвовавшая в поставке армии формы, за 10 лет заплатила интендантам около 20 миллионов рублей взяток. Бухгалтерия московской фирмы Алафузова для обозначения такого рода платежей придумала даже специальное обозначение: взятки проходили по кассовым книгам как гонорар некоему «Обираловкину». Деятельность интендантов только при поставке котелков, фляг и чарок принесла казне убытки в 100 тысяч рублей.

Чиновники торговали прежде всего информацией. При объявлении торгов они вскрывали пакеты с предлагаемой той или иной фирмой ценой на поставку, затем снова заклеивали их, чтобы торжественно вскрыть запечатанный конверт на публичных торгах. Между тем условия, предлагавшиеся конкурентами, сообщались излюбленной фирме, хозяева которой, естественно, за это платили.

Варшавские и московские фабриканты и их доверенные лица «выходили» на интендантов либо через некую госпожу Сапиенцу, либо шли в увеселительный сад «Аквариум», где чуть ли не жил, как говорилось в обвинительном заключении, надворный советник Кислинский. Летом Кислинский отправлялся в Ниццу, откуда писал в Варшаву комиссионеру Телепневу такие письма: «Продулся, сижу в Ницце. Прошу вас по старой дружбе выручить. Переведите 500 франков, я в Ницце с дамой, вам известной».

Сапиенца содержала «высоко барский салон с девицами легкого поведения». Само посещение этого салона обходилось заинтересованным лицам в 500 рублей.

За услуги, предоставляемые госпожой Сапиенцой и ее сердечным другом полковником Цветковым, платить надо было постоянно, как деньгами, так и борзыми щенками, говоря языком Гоголя. Интендантские чиновники любили за счет поставщиков обедать в отдельных кабинетах роскошных ресторанов, где бутылка коньяка обходилась в 75 рублей; чиновников и их подруг одевали и обували. Цветков требовал, чтобы еще и чинили его обувь и нижнее белье.

Конкуренты лодзинских и варшавских фабрикантов – московские купцы – содержали даже интендантского швейцара Михеева, платя ему ежемесячное жалование в 100 рублей. По бухгалтерским книгам московских и польских предпринимателей выходило, что от 2,5 до 5 % суммы подряда шло на взятки. Игра стоила свеч. Казна же переплачивала по сравнению с реальными ценами иногда вдвое.

Итак, полковники и подполковники получали миллионы на одном обмундировании, а Екатерина Викторовна имела влияние на весь оборонный заказ.

Исход тендеров на поставку оружия и амуниции для армии – теперь в руках госпожи Сухомлиновой. Ей удастся раз за разом убеждать мужа отдавать заказы тем, кому советует она – родственникам и знакомым. Много десятилетий спустя появится термин «откаты». Фактически систему откатов в военном ведомстве отшлифовывает госпожа Сухомлинова.

Прежде всего, Сухомлинова создает сеть посредников, выбирающих из потенциальных поставщиков тех, кому можно

доверять и кто не поскупится на «вознаграждение» за выгодный контракт.

Южно-русская машиностроительная компания Александра Альтшиллера теперь располагается в офисе из шести комнат на аристократической улице Гоголя. Альтшиллер – свой человек в доме Сухомлиновых; с генералом он на «ты». Военный министр называет его «папой» или «Сашечкой». Альтшиллер не вылезает из кабинета Владимира Александровича и даже отвечает на телефонные звонки.

Нужные люди знали: именно Александр Альтшиллер считался в военном министерстве главным специалистом по вопросам недвижимости (покупка частновладельческих земель под полигоны и казармы), он мог организовать подряд на поставку военному ведомству по заоблачным ценам всего чего угодно; даже ненужного хлама. Не брезговал он и более простыми заказами: внеочередное производство в следующий чин, вспоможение из казны, повышенная пенсия.

Сын Альтшиллера Оскар получил выгоднейший контракт на поставку оружейных лафетов.

Связи с богатейшей английской оружейной компанией «Виккерс» осуществлял знаменитый инженер (он выдвинул проекты строительства метрополитена в Москве и Петербурге), агент фирмы в России, Петр Балинский. В результате, пулеметы российская армия получала по цене на 43 % выше, чем та, которую запрашивали на тульских заводах. Министерство активно поддерживало заказами царицынский завод, где у Виккерса был существенный пакет акций.

Интересы французской оружейной компании «Жиро» представлял старинный приятель Сухомлинова Николай Федорович Свирский. Это был владелец знаменитой мебельной мастерской, изготовившей обстановку для дворца великого князя Владимира Александровича, для Александровского и Зимнего дворцов, для императорской яхты «Полярная звезда». Свой человек при дворе, он легко провернул с Сухомлиновым сделку на производство двенадцатидюймовых снарядов и артиллерийских запалов.

Теперь Екатерина Викторовна не нуждалась в деньгах, могла себе ни в чем не отказывать. Сложнее было с репутацией.

Окружение четы Сухомлиновых

Конечно, Екатерина Викторовна хотела стать светской петербургской дамой, которую бы приглашали «везде». На высочайшие приемы «разводок» не звали. Но, например, Матильда Витте, жена экс-премьера, крещеная еврейка, по слухам, попросту выкупленная Сергеем Юлиевичем у предыдущего мужа, имела свой салон, который посещали и министры и, даже, великие князья. Не страдала от светского одиночества и Матильда Кшесинская, любовница великих князей Сергея Михайловича и Андрея Владимировича.

Но в Екатерине Викторовне и во всей затянувшейся и шумной истории ее развода было для Петербурга, видимо, что-то невыносимо вульгарное.

Вот что пишет бывший военный министр Александр Редигер: «Сухомлинов надумал познакомиться с нами, чтобы доставить своей жене, положение которой продолжало оставаться двусмысленным, какой-либо круг знакомых.

Андроников (о нем речь *впереди*. – Л. Л.), предупредив по телефону, приехал к нам и предложил мне вопрос, предполагаем ли мы вести знакомство с Сухомлиновыми? Я ему категорически ответил, что я, а тем более моя жена не можем бывать в одном доме с бывшей содержанкой, а теперь женой Сухомлинова. Андроников, по-видимому, вовсе не ожидал такого ответа и, когда за чаем увидел мою жену, сказал и ей, с каким вопросом он обратился ко мне. Я тотчас повторил жене уже данный мною недвусмысленный ответ».

Редигеру вторит генерал А. С. Лукомский (позднее ставший ближайшим соратником Антона Деникина): «Этот брак принес Сухомлинову несчастье. Екатерина Викторовна, хотя и была очень неглупой женщиной, но была довольно аморальна и, по-видимому, свой брак со стариком решила использовать вовсю, как в смысле положения, так и в смысле возможности широко жить. Еще ее сильно сдерживала ее болезнь почек... а то бы она показала секунды... Но и при своей болезни она очень дорого стоила Сухомлинову, а своей легкомысленной жизнью (приемы у себя и вечерние посещения всяких театров и кабаков) она совсем нарушила Сухомлинову его привычный уклад жизни».

Пожалуй, единственный по-настоящему важный столичный салон был открыт для семейства Сухомлиновых – их охотно принимали супруги Анна и Евгений Богдановичи.

Генералу Евгению Васильевичу Богдановичу шел девятый десяток, он ослеп и не выходил из дома. Вот уже 40 лет отставной

генерал был старостой Исаакиевского собора, на который глядели окна его барского трехэтажного особняка. Генерал был человек необыкновенно ловкий, умевший получить казенные деньги на издание «кратких, но от сердца идущих» монархических брошюр и журнала «Кафедра Исаакиевского собора». Особняк Богдановича (сейчас в нем петербургская прокуратура) охотно посещали министры, губернаторы, влиятельные депутаты Думы. С ним считался император. Да и как было не любить человека, писавшего: «Нужен Царь, заботящийся о народе; народ честный, трудолюбивый, религиозный, любящий Царя; нужен порядок, нужно уважать власть. Зачем тут Дума, амнистия, патриаршество, конституция? И довольно, – и подпись, – и ура, всенародное ура за нашего Государя».

Екатерина Викторовна вела себя с Богдановичем как заботливая дочь, кормила его с ложечки, слушала патриотические речи, льстила в глаза. Дружба с Богдановичами со стороны Сухомлиновой была, конечно, чисто показной. Выслушивать елейные речи старца ей было смертельно скучно, но положение обязывало.

Но были у Екатерины Викторовны и любимые приятели. Вот что пишет в своих воспоминаниях генерал Михаил Бонч-Бруевич (брат известного большевика): «Очень красивая, хитрая и волевая женщина, она в противовес холодному отношению «света» создала свой кружок из людей, хотя и не допущенных в великосветское общество, но занимавших благодаря своим деловым связям и большим средствам то или иное видное положение».

Главным гостем и единственным аристократом в ее салоне стал Михаил Андроников, сын адъютанта наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича, по матери (в девичестве Софии Унгерн фон Штернберг) он происходил из знатного остзейского дворянства.

Учился князь в Пажеском корпусе, откуда его с позором выгнали за педерастию. В средствах он не нуждался, связей имел множество, устроился в министерство внутренних дел чиновником по особым поручениям и даже получил придворный чин камер-юнкера. Но главной его специальностью было то, что сейчас называется HR: работа с «человеческими ресурсами». Еще грубее, – князь обеспечивал «доступ к телу», – услуга в России всегда актуальная и высоко оплачиваемая.

Андроников до предела циничен и развратен. В его спальне за особой ширмой – подобие часовни, с распятием, аналоем, столиком с чашей для освящения воды, кропилом, иконами, священническим облачением и даже терновым венцом. И в той же

спальне на своей двуспальной постели он предается самому гнусному педерастическому разврату с молодыми людьми. Многие из них уступали домогательствам князя, ожидая протекции. Но большинство любовников оказывались ни с чем и горько жаловались потом, что он обманул их в своих обещаниях.

Вот как характеризовал Андроникова большой знаток душ человеческих, жандармский генерал Александр Спиридович: «Княжеский титул, неимоверный апломб, беглый французский язык, красивая остроумная речь, то пересыпанная едкой бранью, то умелой лестью и комплиментами, а также бесконечно великий запас сведений о том, что было и чего не было – все это делало князя весьма интересным и для многих нужным человеком. И его принимали, хотя за глаза и ругали».

Андроников подкупал фельдъегерей, возивших высочайшие приказы, и просматривал документы первым, узнавая о наградах и назначениях. Князь, не стыдясь, рассказывал: «Как только какой-нибудь Икс назначается директором какого-нибудь департамента, я посылаю ему следующее письмо: “Наконец-то воссияло солнце правды над Россией. Безумное правительство, которое вело нас к гибели, наконец-то поняло хотя бы, что судьбы этого департамента надо вручить в благородные руки. Да хранит Вас Господь на Вашем трудном пути”. И тогда сей Икс, который и слыхом обо мне не слыхивал, начинает названивать мне и готов принять меня по нужному мне поводу».

Он знал всех и вся, в его услугах нуждались, с ним боялись ссориться. Когда Сухомлинов появился в Петербурге, Андроников немедленно нанес ему визит.

Это позже, уже в отставке, Владимир Александрович напишет о князе Андроникове: «один из мерзейших плодов старой петербургской жизни», а пока он польщен знакомством с этим пронырой.

Впоследствии князь вспоминал о встрече с Сухомлиновым: «Наши отношения завязались. Он начал плакаться, что ему так тяжело, что про него пишут гадости, что Бутович причиняет ему столько неприятностей, что он хочет осчастливить бедную женщину, которая много страдала от своего первого мужа, Бутовича...

Я ответил, что я ничем помочь ему не могу. Тогда он мне говорит: “Вы в хороших отношениях с духовенством?” Я говорю: “Да”. – “Может быть, вы поговорите кое с кем из архиереев, которые идут против меня, получая сведения от Бутовича, идущие против меня? Может быть, вы поможете мне в этом деле?”

Помню, был тогда еще епископ рязанский Димитрий, ныне

покойный. Съездил я тогда к этому епископу – он вылетел чуть ли не с посохом. Когда я сказал о Сухомлинове, он говорит: “Он негодяй – какая-то нечистая сила!.. Нет, нет! Это дело грязное: я его видеть не могу и слышать не могу”.

Я приехал к Сухомлинову и сказал, что я потерпел полное фиаско, ничего не мог сделать: “Но, если хотите, я поговорю с протопресвитером Янышевым” (Он мой духовник, член Синода). Так что Сухомлинов считал, что я ему оказал любезность, услугу, что я сердечно относился к его горю, его семейному делу».

В сложном петербургском бюрократическом мире не было проводника лучше Андроникова. Князь знал, кто пользуется устойчивым благорасположением государя и государыни, а кто обречен на неожиданную отставку. Благодаря ему для Сухомлиновых открылись дома командира гвардейских гусар Владимира Воейкова (он был к тому же зятем министра Двора Фредерикса) и гофмейстерины Высочайшего Двора Елизаветы Алексеевны Нарышкиной (известной при дворе под прозвищем Зизи). Зизи проживала в Зимнем дворце и охотно принимала в своей служебной квартире Екатерину Викторовну Сухомлинову.

Связи имели для военного министра необычайную значимость. Несмотря на постоянную приязнь государя, Сухомлинов понимал: коллеги по Совету министров, царедворцы, политики его не любят или даже ненавидят. Чтобы выстоять, быть готовым нейтрализовать любую интригу, необходима информация из стана противника. Иначе – отставка, полный крах: не просто карьерный, но и личный (Екатерина Викторовна выходила замуж за министра, а не за отставного генерала).

Знакомство с князем было взаимовыгодным: Андроников прорвал блокаду светского отчуждения, окружавшего семью министра, а взамен получил важную информацию и множество услуг. Князь мог попросить министра произвести кого-либо из полковника в генералы, представить к внеочередному ордену, помочь какой-нибудь фирме в заключении договора с военным ведомством. Князь покупал министру ложу в Мариинском театре, обсуждал с Екатериной Викторовной последние светские сплетни. Близость с Сухомлиновым князь всегда подчеркивал. В отличие от барочной спальни, где Андроников предавался разврату среди икон, его кабинет выглядел министерским. По словам современника, – «...удобная кожаная мебель. Большой письменный стол весь заложен аккуратно сложенными папками с бумагами. Много книг. Свод Законов в прелестных переплетах. Стены сплошь завешены фотографиями разного размера иерархов, Церкви, бывших министров, дам. Большие фотографии генерала Сухомлинова и его красавицы жены».

Красавец-мужчина Мясоедов

Мясоедовы, Гошкевичи и Александр Альтшиллер продолжали оставаться ближайшими друзьями Екатерины Викторовны и Владимира Александровича.

Приятелей Сухомлиновых избегал даже Андроников: «Для меня не представляли интереса его провинциальные родственники и родственницы. С первого раза они произвели на меня самое отталкивающее впечатление... Когда мне сказали, что это родственники жены, я сказал: “Если все такие родственники, они даром мне не нужны!” ...Появился вдруг Мясоедов. Вот я этого никак не мог переварить! Тут я сразу заявил Сухомлинову, что я считаю, что этот жандарм не может бывать у него в доме. На меня тут же набросилась его жена и заявила, что это все вздор, что это милейший, прекрасный человек, самый лучший человек из всех, кто у них бывал!»

Сергей Мясоедов

Напомню, с Сергеем Мясоедовым и его супругой Кларой

Сухомлиновы познакомились еще до свадьбы, в 1909 году. Мясоедовы развлекали Екатерину Викторовну, помогали ей чувствовать себя тонной петербургской дамой, госпожой министершей.

После венчания супружеские пары еще больше сблизились. Лето 1910 года провели вместе в лучшей гостинице Карлсбада «Пупп». Мясоедов превратил эти летние дни в праздник – с поездками в имения и замки, пикниками, посещением венской оперы. По возвращении в Петербург Мясоедов стал бывать у Сухомлиновых запросто и даже мог позволить себе прикорнуть на турецком диване в кабинете военного министра. Ну как было не помочь милому другу в его проблемах. А проблем у Сергея Николаевича хватало.

Мясоедов начинал службу пехотным офицером в Оренбурге и обратил на себя благосклонное внимание начальства. Он был мужчина представительный, обладал огромной физической силой и резким истинно военным характером. Мясоедовы – хорошая дворянская семья, и на фоне своих товарищей по полку Сергей Николаевич выделялся свободным знанием немецкого языка, воспитанностью и стремлением сделать настоящую карьеру. Но тогдашняя армия быстрой карьеры не обещала, и Сергей Николаевич перешел в корпус жандармов.

Знание немецкого языка здесь ценилось, и вскоре Мясоедов получил назначение помощником начальника жандармского управления пограничной с Германией железнодорожной станции Вержболово. Через семь лет он станет начальником управления. Мясоедов встречал и провожал всех русских сановников и западных дипломатов, отправлявшихся в Европу или возвращавшихся домой, и познакомился тем самым с чрезвычайно влиятельными людьми. Сергей Николаевич был представлен государю. Скромный жандармский подполковник стал кавалером 26 орденов и медалей, включая польский орден Белого Орла.

Превосходный охотник, он часто стрелял лосей и оленей с немецкими друзьями по ту сторону границы. Ведь в нескольких десятках верст от Вержболова, в Восточной Пруссии, располагался Роминген – немецкая Беловежская пуца, охотничьи угодья кайзера Вильгельма II. Мясоедов четырежды приглашался в Роминген, удостоивался обедов в высочайшем присутствии и получил на память фотографический портрет Вильгельма II.

Сергей Мясоедов – человек хитрый, способный, настоящая продувная bestия. За руку его никто не ловил, но было общеизвестно, что «нужные» люди всегда могли провезти через Вержболово без всякой пошлины любые товары. В 1906 году

Мясоедов сумел убедить Генеральный штаб выделить ему средства на приобретение новейшей модели автомобиля «Бенц». На этой машине, под предлогом разведки немецких оборонительных сооружений на границе, он неоднократно совершал поездки в Германию. В багажнике «Бенца» находился специальный тайник, где хранились секретные документы. Но были ли это шпионские сведения, как полагали коллеги Мясоедова по департаменту полиции, или обыкновенная контрабанда – неизвестно.

Главный доход подполковнику Мясоедову приносили эмигранты. В годы службы подполковника в Вержболове только в Америку из России выезжало ежегодно по 100 тысяч человек, по преимуществу евреев.

Получение заграничного паспорта, покупка билета на пароход – все это для несчастных, чаще всего почти не говоривших по-русски бедняков, становилось огромной проблемой. Им приходилось давать взятки и полиции, и пограничному контролю, многократно переплачивать за пароходные билеты или уходить через границу нелегально.

Зарабатывать на потоке эмигрантов было необыкновенно выгодно, и в этом бизнесе существовала огромная конкуренция. Мясоедов не безвозмездно «крышевал» несколько контор, занимавшихся организацией переселения: бюро обмена валюты Отто Гринберга, агентство пароходных билетов «Герце, Гринберг и Левинсон», эмиграционную компанию «Карлсберг, Спиро и Ко».

В 1895 году Мясоедов женился на Кларе, дочери Самуила Гольдштейна – виленского промышленника, владельца кожевенного завода, прусского подданного. Хотя Самуил Гольдштейн и утверждал, что крестился в Германии, брак Мясоедова автоматически исключал его из высшего общества, настроенного преимущественно антисемитски. Однако служба в пограничном Вержболове полностью устраивала его, а женитьба на Кларе принесла прекрасное приданое – 115 тысяч рублей. У них было два дома: в Вержболове и Вильне (дом в Вильне они сдавали воинской части). У супругов двое детей – мальчик и девочка. Брак не стеснял свободы Сергея Николаевича, – красавец-мужчина, он всегда имел сердечные увлечения на стороне.

Видимо, многогранная деятельность Сергея Николаевича вызывала зависть, и даже ненависть у многих его коллег. В 1906 году, получив очередной донос на Мясоедова, директор департамента полиции Михаил Трусевич решил покончить со своим подчиненным сомнительной репутации. Возможно, он искренне полагал, что если Мясоедов провозит контрабандой

вино и оружие, то за деньги он мог перевозить через границу и грузы для революционеров.

В Вержболово Трусевич отправил жандармского ротмистра Пономарева. Работал тот грубо: дважды пытался подложить в «Бенц» Мясоедова оружие и дважды был словлен за руку. От отчаянья ротмистр решил раскрыть целую шайку «контрабандистов», заказав одиннадцати жителям Вержболова перевоз через границу мешков, в которые вложил пистолеты, эсеровские и анархистские газеты. Потом он этих людей задержал. И они были преданы военно-полевому суду, и им всем угрожал смертный приговор.

Обозленный преступными ухищрениями Пономарева, Мясоедов дал на суде показания, разоблачившие ротмистра как очевидного провокатора. Подсудимых оправдали. Пономарев был вынужден уйти в отставку. И тогда Трусевич пожаловался на Мясоедова премьер-министру и по совместительству министру внутренних дел Петру Столыпину.

Столыпин считал провокацию вполне разумным методом борьбы с революционерами и счел показания Мясоедова предательскими по отношению к коллеге жандарму. Он приказал перевести Мясоедова из Вержболова «куда-либо во внутренние губернии, но во всяком случае не ближе меридиана Самары». Подполковник отдельного корпуса жандармов Сергей Мясоедов в сентябре 1907 года был вынужден подать в отставку.

Он, теперь уже легально, продолжил заниматься бизнесом на эмиграции в «Северо-западной пароходной компании». Числился совладельцем, но выполнял функции начальника службы безопасности, пытаясь охранять интересы настоящих владельцев, братьев Фрейбергов, от конкурентов и алчных чиновников. Владельцы даже сняли супругам Мясоедовым служебную квартиру в Петербурге на Колокольной улице.

Мечтал отставной подполковник о восстановлении своего честного имени и продолжении карьеры на государственной службе. Но все его попытки в этом направлении заканчивались неудачей. Петр Столыпин запомнил Сергея Мясоедова и передал ему: пока он, Столыпин, – премьер, Мясоедов на государственную службу принят не будет.

Знакомство и дружба с военным министром Владимиром Сухомлиновым давала Мясоедову шанс. Он уже уговорил Владимира Александровича взять его на военную службу и определить к себе адъютантом. Но этому воспротивилась Екатерина Викторовна, справедливо полагавшая: это вызовет ревность уже имеющихся адъютантов и зависть гвардейских офицеров со связями, мечтающих занять эту должность.

Тогда Владимир Александрович, желая помочь молодому другу, придумал другую, тоже довольно рискованную операцию. Он попросил Столыпина принять Мясоедова на жандармскую службу, с тем чтобы он был немедленно откомандирован в военное министерство. Ответ Столыпина опять был резко отрицательным. И тогда военный министр через голову премьера обратился непосредственно к Николаю II. Узнав об этом, Столыпин был в ярости и, заручившись поддержкой министра финансов Владимира Коковцова, заблокировал и этот путь.

Мясоедову пришлось ждать год. 1 сентября 1911 года Дмитрий Богров (то ли как полицейский агент, то ли как революционер, то ли просто как психопат) смертельно ранил Столыпина в Киевской опере. А уже 28 сентября Мясоедов стал жандармским подполковником и чиновником особых поручений при военном министре. И, конечно, всем было ясно: это решение «продавил» Сухомлинов под влиянием супруги. Та проводила осень в Кап д'Эле на Лазурном берегу, куда признательный Мясоедов послал ей подарок – дорогую соболью муфту.

Для Сергея Николаевича была придумана специальная должность: он должен был получать у российских контрразведчиков сведения о подозреваемых в шпионаже и сообщать их военному министру.

Репутация у Сергея Мясоедова и среди военных, и в департаменте полиции оставалась очень плохой. Он являлся соучредителем совместного с германскими подданными акционерного общества, имел множество подозрительных знакомых. Его траты никак не соответствовали доходам. В своей роскошной квартире на Колокольной улице он хранил мраморные бюсты, полный сервиз на 24 персоны, 700 томов книг, 60 бутылок коллекционного вина, столовое серебро и 12 ружей, одно другого дороже. Он содержал и официальную семью, и любовницу – жену жандармского офицера Евгению Столбину, с которой устраивал романтические свидания то в Белостоке, то в Варшаве. По Петербургу пошли слухи, что государственные тайны доверяют человеку, с треском выгнанному со службы Столыпиным, состоящему на службе у немецких евреев, субъекту расточительному и безнравственному. Даже князь Михаил Андроников отзывался о нем: «большой гешефтмахер, вообще человек подозрительный».

В Рождественский сочельник 1911 года Мясоедовы пригласили чету Сухомлиновых в гости. На званый ужин кроме министра пришли Анна и Николай Гошкевичи, прусский подданный Эдуард Валентини, коммерсант, адъютант министра полковник Николай Каменев с супругой. А вот трое других

адъютантов – Виктор Боткин (сын знаменитого лейб-медика), Лев Булацель и штабс-капитан Дмитрий Коломнин – вечер у Мясоедовых демонстративно проигнорировали.

Узнав о намерении военного министра провести сочельник у Мясоедовых, Мария Коломнина, жена штабс-капитана, со слезами отговаривала Екатерину Викторовну от этой идеи, объясняя: Мясоедова считают темной личностью и подозревают в шпионаже. Но вошедший во время этого разговора в комнату Сухомлинов, узнав о причине слез Коломниной, стал ее успокаивать: слухи о Мясоедове не имеют оснований.

Не пришел на сочельник и многолетний друг и издатель Сухомлинова Владимир Березовский, а его супруга Александра Андреевна заранее говорила знакомым: «К Мясоедову не пойдем, так как не желаем сидеть вместе с ним на скамье подсудимых».

Сухомлиновым следовало задуматься о причинах этой демонстрации и держать ухо востро, но они чувствовали себя неуязвимыми. Поэтому вокруг них все больше роились какие-то неприятные личности.

Клубок змей

Как мы уже говорили, кузен Екатерины Викторовны Николай Гошкевич с помощью Александра Альтшиллера стал директором представительства Южно-русского машиностроительного завода. Фактически же он занимался тем, что «заносил» Екатерине Викторовне деньги за выгодные для подрядчиков коммерческие контракты с военным ведомством. Слава о его удачливости вскоре стала широко известна в узких кругах.

К Гошкевичу обратился рекомендованный Александром Альтшиллером владелец экспортно-импортной конторы Максим Ильич Веллер, в прошлом русский шпион в Германии. Впрочем, там он провалился, был арестован и выслан на родину. У него имелись широкие связи с европейскими оборонными заводами и, быстро вникнув в суть дела, Веллер сделал Гошкевичу заманчивое предложение: жалование и 50 % прибыли от любого заказа, принятого военным министерством. Гошкевич с радостью согласился и устроил деловой обед в ресторане «Контан», где свел своего нового нанимателя с личным секретарем военного министра Афанасием Зотимовым и офицером Главного артиллерийского управления штабс-капитаном Василием Ивановым.

Веллер стал частым гостем у супругов Гошкевичей и вскоре начал строить куры жене Николая Анне. Как мы помним, именно эта женщина рассказывала синодальным судьям: побоялась жаловаться на приставания Бутовича мужу – тот так ревнив, что может убить. Но Николай Гошкевич не только не осудил своего делового компаньона, но заключил с ним сделку: сдал ему жену в долговременную аренду. Гошкевичи продолжали жить под одним кровом, а Максим Ильич, человек женатый, иногда к ним заезжал. Втроем (за счет Веллера) ездили они и за границу.

Веллер платил Анне Гошкевич ежемесячное содержание в тысячу рублей, арендовал квартиру на Николаевской улице и снял дачу на Каменном острове. Там, кстати, белыми ночами бывали и супруги Сухомлиновы – поесть раков на Островах.

Гошкевич устроил Веллеру подряд на поставку военному ведомству двухколесных повозок и седел. И получал теперь за посредничество по 50 тысяч рублей в год.

Южно-русская машиностроительная компания тоже стала одним из поставщиков военного министерства; кроме того, за отдельную плату Александр Альтшиллер помогал клиентам продавать казне по «хорошим» ценам земли под полигоны, казармы, шоссированные и железные дороги.

Сухомлинов продолжал оставаться в фаворе. Екатерина Викторовна не нуждалась в средствах, купалась в удовольствиях. Ничто не обещало неприятностей.

Отставка Мясоедова

Действие равно противодействию.

С 1909 года, когда Сухомлинов стал министром, кабинет значительно поменялся. Не было больше премьера Петра Столыпина, глава кабинета теперь – Владимир Коковцов; министром внутренних дел стал Александр Макаров; в Адмиралтейство на смену адмиралу Воеводскому пришел адмирал Григорович; в министерстве народного просвещения Кассо поменял Шварца; в министерстве торговли и промышленности – Тимашев вместо Тимирязева.

А вот Сухомлинов – все на своем месте и в привычной силе. При этом недостатки и пороки его видны всем: старый, ленивый, подкаблучник, окружен сомнительными дельцами. России скоро воевать, и такой министр просто опасен. Сухомлинова в бюрократических сферах считали человеком некомпетентным.

Премьер-министра Владимира Коковцова от него, что называется, трясло. Задачей Коковцова было беречь бюджет, а Сухомлинов бесконечно просил денег на армию. Друг и бывший однополчанин Сухомлинова командир Отдельного корпуса жандармов генерал Курлов писал в своих мемуарах: «Сделавшись председателем Совета министров, В. Н. Коковцов не скрывал вражды против своего коллеги по кабинету. Однако эта “бюрократическая” война не была в состоянии окончательно сломить положение генерал-адъютанта Сухомлинова и служила только помощью его политическим врагам».

Коковцов чувствовал: на Россию и оборону военному министру наплевать, он способен натворить много бед. 1912 год – Балканская война. Сухомлинов настаивает на мобилизации русской армии против Австро-Венгрии (через два года это решение приведет к Первой мировой войне и, в конечном счете, краху империи). От мобилизации решили отказаться из-за возражений Коковцова и других министров.

Из воспоминаний В. Н. Коковцова: «Государь... подавая руку Сухомлинову, сказал ему: “И Вы должны быть очень благодарны Владимиру Николаевичу, так как можете спокойно ехать за границу”. Эти последние слова озадачили всех нас... Рухлов и я спросили Сухомлинова, о каком его отъезде упомянул Государь? Каково же было наше удивление, когда Сухомлинов самым спокойным тоном ответил нам: “Моя жена за границей, на Ривьере, и я еду на несколько дней навестить ее”. На мое недоумение, каким же образом, предполагая мобилизацию, мог он решиться на отъезд, этот легкомысленнейший в мире

господин, безо всякого смущения и совершенно убежденно, ответил: “Что за беда, мобилизацию производит не лично военный министр, и пока все распоряжения приводятся в исполнение, я всегда успел бы вернуться вовремя”».

Великий князь Николай Николаевич не мог простить Сухомлинову расформирование Совета государственной обороны. Министра ненавидели влиятельные генералы, полагавшие, что они гораздо лучше справились бы с его обязанностями. Среди них были новый командующий Киевским военным округом генерал Николай Иванов, командующий кавалерийской дивизией Василий Гурко, сын прославленного фельдмаршала, и, наконец, товарищ (заместитель) Сухомлинова генерал Алексей Поливанов.

Государственную думу Сухомлинов избегал, полемистом он был неважным. Патриотически настроенные депутаты считали: не появляется потому, что боится отвечать на вопросы, не знает цифр и боевого расписания войск. Глава Думы октябрист Александр Гучков отзывался о военном министре так: «Циничная беспринципность, глубокое нравственное безразличие, ветреное легкомыслие в связи с материальной стесненностью и необходимостью прибегать к нечистоплотным услугам разных проходимцев и, наконец, женское влияние, которое цепко держало Сухомлинова в рабстве, – все это делало его легкой добычей ловких людей. Само собой разумеется, что я не мог оставаться равнодушным. Я решил бороться и довести дело до конца...»

Сухомлинова не любили жандармы – он покровительствовал Мясоедову, изгнанному с позором из их ведомства. Более того, он нарушил монополию департамента полиции: находясь на службе в военном министерстве, занимался сыском. И, наконец, недовольство возвышением Мясоедова выражали адъютанты министра: Булацель, Боткин и Коломнин. А все это были люди со связями: брат Булацеля – известный черносотенный публицист; брат Боткина – лейб-медик, а по жене он в родстве с Гучковыми; наконец, Коломнин – внук знаменитого издателя Алексея Суворина. Мясоедов стал ахиллесовой пятой министра.

Весной 1912 года по просьбе Булацеля департамент полиции составляет досье на Сергея Мясоедова: контрабандист, совмещает официальную службу с бизнесом, водится с подозрительными евреями и германскими подданными. Министр внутренних дел Макаров пишет военному министру официальное письмо: «Мясоедову нельзя доверять военные тайны». Благодаря Поливанову содержание письма Макарова становится известным Коковцову, Гучкову и другим врагам Сухомлинова. Родственник адъютанта военного министра Коломнина – хозяин издательского

дома «Новое время» Борис Суворин. 13 апреля 1912 года в его газете «Вечернее время» появляется статья «Кому поручена в России военная контрразведка?». В ней имя Мясоедова прямо не упоминается, но описан он весьма узнаваемо. Утверждается: жандармский полковник, которому доверены государственные секреты – человек во всех смыслах сомнительный, едва ли не шпион. 14 мая другая газета суворинского холдинга, «Новое время», публикует интервью с Александром Гучковым, где тот прямо называет полковника – Сергей Николаевич Мясоедов.

Сухомлинов защищал Мясоедова вяло и неубедительно. Сам же полковник был в ярости: он публично избил Бориса Суворина и вызвал на дуэль Гучкова (поединок 22 мая 1912 года закончился мирно, никто не пострадал).

Сергею Николаевичу пришлось выйти в отставку. Пала тень и на репутацию военного министра, покровительствовавшего человеку сомнительной нравственности. Хуже другое, давно забытое, казалось бы, дело о разводе Екатерины Викторовны с Бутовичем снова оказалось в центре внимания.

Бутович возвращается

Весной 1912 года, когда скандал с Мясоедовым был в самом разгаре, в Петербурге вновь появился бывший муж Сухомлиновой. В серии статей, опубликованных черносотенной газетой «Земщина», он напомнил обстоятельства развода, в которых министр активно использовал свое служебное положение. Якобы, в подкупе свидетелей «прелюбодеяния» участвовали не только Альтшиллер и полковник Кулябко, но и убийца Столыпина Дмитрий Богров.

Но, главное, Бутович привез из Франции удивительный документ. Тамошние врачи обследовали мадемуазель Лоранс, обвиненную в прелюбодеянии с Бутовичем, и обнаружили: гувернантка невинна. Обманутый муж подал иск в судебные инстанции с просьбой признать развод с Екатериной Викторовной и ее последующий брак незаконными.

Вот что пишет Василий Шульгин, к этому времени влиятельный депутат Государственной думы: «На Западе внимательно следили за Россией, в особенности за такими лицами, как военный министр. И вдруг в газетах, смаковавших бракоразводное дело Екатерины Викторовны, появилось сообщение, что такая-то француженка, имярек, обвинена в Петербурге в прелюбодеянии, с таким-то, то есть с Владимиром Николаевичем Бутовичем. Можно представить себе все возмущение и негодование этой девушки, которую иностранный военный министр опозорил на весь свет! Чтобы защитить свою честь, она потребовала ни более ни менее как медицинского освидетельствования. Врачи удостоверили, что мадемуазель такая-то не могла совершить прелюбодеяния, ибо она девица. Не удовлетворившись этим, энергичная парижанка обратилась к правительству с заявлением, в котором обвиняла русского военного министра В. А. Сухомлинова и его новую жену в возведении на нее поклепа. Она просила правительство Франции принять соответствующие меры для восстановления ее поруганной девичьей чести. Французское правительство приказало своему послу в России сделать все необходимое. Французский посол обратился к русскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову, а последний переговорил об этом деле с министром юстиции И. Г. Щегловитовым... Все это в высшей степени волновало Государственную думу, но пока мы воздерживались от выступлений с кафедры. Однако произошло еще нечто, переполнившее чашу терпения. Дело о В. А. Сухомлинове было выкрадено из министерства юстиции.

Компрометирующие военного министра документы – бесследно исчезли. Всем было ясно, что кража произошла по наущению самого Сухомлинова и его супруги Екатерины Викторовны.

Скандал разразился невероятный. Василий Алексеевич Маклаков, знаменитый оратор и юрист, представлявший в Думе кадетов, 2 мая 1912 года заявил с трибуны Таврического дворца: «Мы знаем об одном громком бракоразводном процессе, о той неправде, которая была сделана в нем. Но этому мы не удивляемся: наши иерархи сами скорбят о несовершенстве бракоразводного дела, они знают сами, что без обмана, без лжи, без подлогов там ничего не делается. И если даже такие подлоги перешли границы дозволенного, то все же эта вещь в порядке этого учреждения и мы не удивляемся.

Но когда мы узнали, что явился человек, оклеветанный этим процессом, явилась женщина, имя которой опозорено, и подала жалобу на военного министра, обвиняя его в том, что он создал эту неправду, что он причина лжесвидетельства в этом процессе, что же сделало министерство юстиции?.. Дело это истребовано министерством юстиции, и компрометирующие документы там пропадают... И пусть теперь министерство скажет, куда оно их дело?»

Министр юстиции Иван Щегловитов отвечал Маклакову крайне неубедительно. И тогда заговорил сам Василий Шульгин: «Не то ужасно, что документы украли, а то, что их выгодно было украсть, и то, что тот, кому выгодно было это сделать, как говорит молва, тот стоит на такой высоте, на какой только может стоять русский сановник. Вот эта вещь, по-моему, ужасна. Но еще ужаснее то, что, быть может, молва ошибается, быть может, этот человек, этот русский министр, этот военный министр, чего я от всего сердца желаю, быть может, он ни к чему подобному даже тени прикосновения не имеет. Но ужасно тут то, что тень падает все же не без основания, и не без основания потому, мы все это знаем, что эту тень бросает несправедливое, нехорошее дело, которое совершилось и которое оправдать нельзя.

По окончании заседания Думы Щегловитов подошел к Шульгину и сказал: «Я прекрасно понял, о чем вы говорили». То есть даже он считал поведение своего коллеги по кабинету скандальным и преступным.

Итак, в 1912 году Владимир Сухомлинов в глазах всей России становится фигурой одиозной. Именно он устроил служить в контрразведку подозрительнейшего Сергея Мясоедова. И всем теперь понятно: развод и брак Екатерины Викторовны – результат лжесвидетельств и хищений документов.

Формально, между тем, ничего не меняется: Владимир

Александрович остается любимым царским министром. Екатерина Викторовна может продолжать не стеснять себя в расходах.

Из дневника журналиста М. К. Лемке: «Сухомлинов – это знамя, это хоругвь плеяды лиц, большой группы предателей родины, государственных маклаков, шарлатанов, людей, не имеющих ничего святого в своей общественной и политической деятельности. Он не хуже и не лучше трех-четырех сотен сановников всякого ранга, он только первым попался на зуб общественной справедливости и чести».

С него не сводят глаз, стоит ему оступиться – и он погиб. Но Екатерину Викторовну сплетни о муже ничуть не волнуют. Она уверена: ее «старикашка» (так она за глаза называла супруга) – непоколебим. Государь никогда не разлюбит его, а он всегда будет обожать свою супругу.

Кампания против Сухомлинова

В 1914 году, еще до начала Первой мировой войны, Сухомлиновы поссорились со своим давним приятелем князем Михаилом Андрониковым.

Сам князь причины размолвки не объяснял, он просто ее констатировал: «Нужно сказать, что до войны у меня с Сухомлиновым совершенно отношения испортились. Частью была виной г-жа Сухомлинова, которая тому способствовала. Она находила, что я совершенно лишний и ненужный человек в их доме».

Большинство мемуаристов полагают, что Андроников (которого Екатерина Викторовна, заметим, абсолютно справедливо не любила) решил открыть глаза министру на похождения его супруги. А слухов о ее интимных связях в обществе существовало немало. За границей ее видели путешествующей с адъютантами министра Назимовым и Булацелом, с вороватым кузеном Гошкевичем и, наконец, с одним из богатейших людей России – нефтяным королем Леоном Манташевым. Свечу, что называется, никто не держал, но убеждение в неверности Екатерины Викторовны было всеобщим и, вероятно, справедливым.

Владимир Сухомлинов отказался выслушивать сплетни о поведении жены и указал Андроникову на дверь. Князь, не желая ссориться с могущественным министром, попытался исправить ситуацию. И даже послал ему подарок на именины – прекрасные золотые запонки. Однако его по-прежнему не принимали, и, что самое обидное, запонки Сухомлинов не вернул, а преспокойно носил.

Ссориться с князем было опасно. Он знал многое и умел вести интригу. Вскоре Сухомлинов это почувствовал. Как говорил об Андроникове хорошо информированный жандармский генерал Белецкий, «у него были записки с некоторыми фактами об интимной жизни Сухомлинова, и затем разоблачения мадам Сухомлиновой, из-за которой произошла ссора».

По словам генерала Редигера, «теперь Андроников рассказывал про взятки, которые берет Сухомлинов (через некоего Свирского и родственника жены Гошкевича), и про любовников Мадам (Булацель, Гошкевич, Манташев)».

Князь создал целый штаб по компрометации Владимира Сухомлинова. В него вошла бывшая ближайшая приятельница Екатерины Викторовны Наталия Червинская.

О ней Владимир Сухомлинов в своих мемуарах сообщает:

«Наталия Илларионовна Червинская была вторым человеком, причинявшим нам много огорчений. Моя жена пригласила ее в наш дом, когда она переселилась из Киева в Петербург и не нашла еще себе квартиры. Эта дама изучила весь строй нашей жизни и своим мизерным мозговым аппаратом сочиняла фантастичные бредни, с которыми и носилась по городу, распространяя сплетни по провинциальной своей привычке».

Изгнанные Сухомлиновым адъютанты – Боткин, Коломнин, Булацель – охотно присоединились к кампании против Сухомлинова. Но самым опасным для министра стало участие в этой коалиции Григория Распутина.

Григорий Распутин приближался тогда, в 1914 году, к зениту своего могущества. Он и вслед за ним императрица делили государственных деятелей на тех, кто охотно выслушивал поучения «старца» и выполнял его многочисленные просьбы, и тех, кто им пренебрегал или даже пытался вывести на чистую воду.

Сухомлинов Распутина презирал, отказывался принимать, не отвечал на его многочисленные записки. Ему, человеку светскому и военному, сибирский вахлак был отвратителен, а близость к царю, казалось, гарантировала защиту от каких-либо неприятностей.

Андроников вспоминал: «Я решил, что быть может мне придется воспользоваться Распутиным для того, чтобы в Царском Селе раскрыть некоторые действия Сухомлинова. Распутин решил Сухомлинову мстить... Так он мне, по крайней мере, рассказывал».

Война и падение

Леон Александрович Манташев – наследник знаменитого рода нефтепромышленников, владелец лучших ипподромов, богатейший человек в России. Теперь у Екатерины Сухомлиновой целых два источника доходов. Взятки идут на пополнение банковского счета Сухомлинова, а текущие расходы осуществляются за счет любовника, – Катя бережет семейный бюджет.

А сам генерал Сухомлинов ведет себя еще беспечнее. Столичные интриги, похождения жены, – ничего этого он не знает. Генерал занят делом государственной важности: готовит страну к войне. Он почти не бывает дома, живет фактически на казарменном положении. В начале лета 1914 года Сухомлинов опубликовал сенсационную статью «Россия хочет мира, но готова к войне». 1 августа 1914 года война действительно началась. А Сухомлинову еще припомнят его самоуверенность.

За пару недель до войны Александр Альтшиллер исчезает из Петербурга и объявляется в Вене. Изгнанный с позором со службы, Сергей Мясоедов по протекции Сухомлинова назначается в разведку 10-й армии, которая действует против Германского рейхсвера.

К началу войны у военного министра – множество могущественных врагов. Среди них – главнокомандующий русской армией, великий князь Николай Николаевич, министр внутренних дел Николай Маклаков, глава влиятельной партии октябристов Александр Гучков. А еще и Распутин, и Андроников. Это значит: воевать Сухомлинову придется сразу на нескольких фронтах. И с внешними, и с внутренними врагами.

А Катя – Екатерина Викторовна – практичная и ловкая, даже из войны – беды для всей страны – извлекает для себя выгоду.

Как когда-то тяжелая болезнь вывела ее из провинции в Европу, так теперь всеобщая болезнь – война – дала Сухомлиновой шанс попасть, наконец, в высший свет. Катя в светском обществе изгой, но ведь и первая леди страны – императрица Александра Федоровна – в непростых отношениях со светом. У нее свои политические игры. Императрица использует Катю с определенной целью: опека над Сухомлиновой – это оскорбление. Адресовано оно Гучкову, Николаю Николаевичу и другим недругам царицы.

Екатерина Сухомлинова теперь заведует Складом имени императрицы Александры Федоровны и огромным лазаретом для раненых. Ее фотографии – наконец-то – в иллюстрированных

журналах, она – гранд-дама, принятая при дворе.

Леон Манташев жертвует на лазарет полтора миллиона рублей. Но главное, он требует, чтобы Екатерина Викторовна развелась с Сухомлиновым, и делает ей официальное предложение. Она отказывается, министершу увлекает обретенная близость ко двору. Но она еще пожалеет об отказе Манташеву.

На фронте – ежедневные огромные гекатомбы, лазареты переполнены ранеными. Солдаты, потерявшие руки и ноги, ослепшие от газовых атак, стонут от боли. Не хватает ружей, снарядов, пушек, обмундирования. Фронтное офицерство и командование – в отчаянье. А банковский счет Сухомлиновых разбухает от денег военных подрядчиков.

Во время войны Екатерина Сухомлинова заведует Складом имени императрицы Александры Федоровны и огромным лазаретом для раненых

Днем Катя в скромном платье, выражение лица – скорбное, фотографируется на фоне умирающих. А вечером – в роскошном французском наряде весело кутит в ресторанах с кавалерами.

Ненависть к Сухомлиновым – всеобщая. Но поссорить с ними царицу может только один человек – Григорий Распутин. И он это делает. Счастье Катиной придворной жизни продолжается недолго. Под влиянием Распутина императрицу начинает все больше раздражать Катина активность и слава. Ведь это ее

лазарет, Ее Царского Величества, – ее, а не какой-то безродной девки!

26 ноября 1914 года Сухомлинова организовала сбор средств в пользу раненых.

Царица по этому поводу написала мужу, находящемуся на фронте: «Я не желаю Сухомлинову зла, наоборот, но его жена в самом деле очень *mauvais genre* и всех, в особенности военных, очень озлобила, так как она меня “подвела” своим 26-го. Она говорила, что этот день очень подходит и что певцы хотят даром петь в ресторанах, чтобы собрать деньги для ее склада. И я позволила. К моему ужасу, я увидела в газетах объявление, что во всех ресторанах и кабаре (с дурной репутацией) будут продавать напитки в отдел ее склада (мое имя помещено большими буквами) до трех часов утра (теперь все рестораны закрываются в 12), будут танцевать танго и другие танцы в ее пользу. Это произвело убийственное впечатление. Ты запрещаешь (слава Богу) вино, а я, выходит, способствую пьянству ради склада. Это ужасно, и все имели право быть в ярости, раненые также. А адъютанты министра должны были собирать деньги. Уже не было возможности остановить это, поэтому мы просили Оболенского приказать, чтобы рестораны были закрыты в 12, за исключением только приличных.

Лазарет для раненых воинов Шведского благотворительного Общества.

В середине издана, посланник генер. Э. Брен-
стрем, справа от него г-жа Э. де-Гейденстам
и г-жа Нордьяк; слева дочь посланника м-ль Элиза
Брендстрем. Сидит в костюме сестры милос-
сердия Э. М. Скалан.

ПЕТРОГРАДЪ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Въ Зимняя Дворецъ.

Среди присутствующих: Е. В. Сухомлинова, баронесса Енг. Фед. Кюорингъ,
Н. Н. Мокрицкая, Э. Л. Казанова,
Е. И. Хравоминская, А. Ф. Рауль-фонъ-
Траубенбергъ и др.

Вагонъ имени Екат. Викт. Сухомлиновой.
Слева направо: Л. А. Манташевъ (директоръ
средствъ на оборудованіе вагоновъ), А. В.
Яковлева, жена военнаго министра Е. В.
Сухомлинова и адъютантъ военнаго мини-
стра, кн. А. С. Гагаринъ.

Фотографии Екатерины Викторовны публикуются в
иллюстрированных журналах

Эта б... вредит своему мужу и ломает себе шею. Она
принимает деньги и вещи на мое имя, а выдает их от своего
имени. Она ему очень вредит, так как он ее слепой раб. И все это
видят...»

В начале 1915 года Сухомлинова находилась в Львове, сразу

после занятия его русскими войсками, и раздавала подарки. Вскоре австрийцы и немцы отбили город у русской армии.

Царица об этом писала так: «Вчера я видела м-м Гартвиг, она рассказала мне много интересных вещей о том, как они оставили Львов, и печальные впечатления о солдатах, приунывших и говоривших, что они больше не вернутся, чтобы драться с врагом голыми руками. Ярость офицеров против Сухомлинова безмерна. Бедняга – они ненавидят самое его имя и жаждут, чтобы его прогнали. Ну, в его собственных интересах, прежде чем поднимется скандал, было бы лучше так и сделать. Это авантюристка-жена совершенно разрушила его репутацию. Он страдает из-за ее взяточничества и т. д. Говорят, что это его вина, что нет снарядов, – а теперь это наша гибель (проклятие).

Я тебе это говорю, чтобы показать тебе, какие впечатления она привезла».

С ранней весны 1915 года русская армия терпит одно за другим ужасные поражения. Главный, роковой для фронта удар немцев приходится на долю 10-й армии, в которой служит Сергей Мясоедов. В Думе, обществе и Ставке уверены: поражение – следствие измены. Сергею Мясоедову предъявляют обвинение в шпионаже в пользу Германии. Он отрицал свою вину до конца, но 18 марта 1915 года его приговорили к смертной казни и повесили.

Многие историки считают: именно эта ночь стала роковым поворотом в судьбе русского самодержавия. Казнь Мясоедова по обвинению в предательстве бросила тень на его многолетнего покровителя Сухомлинова. Имя военного министра связали с разоблаченным шпионом. А ведь был еще Александр Альтшиллер... Военным министром великой Российской империи не может быть покровитель предателя.

Кадетский Цицерон Павел Милюков спрашивает в своей знаменитой речи депутатов Думы: «Что это – глупость или измена?» Депутаты хором отвечают: «Измена!»

Не только депутаты Думы, но и солдаты на фронте обсуждали: что же это за император, если у него военный министр – шпион? Генерала теперь ненавидят решительно все. Даже император не в силах ему помочь. Последней каплей стало «разочарование» Александры Федоровны в Кате Сухомлиновой. Государь, по собственным словам, страшился истерики жены больше, чем неверного политического жеста. В июне 1915 года, меньше чем через год после начала войны, Сухомлинова отправляют в отставку.

Сухомлиновы покидают свой роскошный особняк и переезжают в квартиру на Офицерской улице. Ни министерства,

ни лазарета.

Генералу обещают место в Государственном совете и хорошую пенсию. Но обещанное не сбывается. Их теперь не принимают нигде. Почти все друзья отворачиваются. Даже Катин любовник Манташев находит себе другую пассию. Эта опала напоминает Кате детство. Так уже было однажды. Когда из семьи ушел ее отец.

Наконец случилось то, чего в России страстно желали многие. В апреле 1916 года Сухомлинова арестовали и провели на его квартире многочасовой обыск. Владимир Александрович оказался в одиночке Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Его обвинили в преступном бездействии, коррупции и главное – в государственной измене. Английские дипломаты иронически удивлялись: «Видно, силен ваш государь, если он арестовывает своего военного министра».

У Сухомлинова не остается покровителей. Спаси его может только Катя. Сухомлиновой к тому времени – 33 года, она в расцвете своей красоты. Единственным выходом может стать протекция всемогущего Распутина. И генеральша отважно отправляется к нему на Гороховую улицу. Слежка зафиксировала более 30 посещений Сухомлиновой квартиры Распутина. Старец перед смертью говорил, что он любит только двух женщин, кроме «мамы» (так он называл императрицу): Анну Вырубову и Екатерину Сухомлинову.

После встреч Екатерины Сухомлиновой с Григорием Распутиным случилось невероятное. Посреди войны с немцами министра, обвиненного в шпионаже в пользу врага, отпустили из тюрьмы под домашний арест. Екатерина Викторовна умела добиваться своего. В собственной уютной квартире Сухомлинов провел 4 месяца. Но это освобождение было всего лишь отсроченной гибелью. Вокруг Сухомлиновых, непривычно притихших, по кирпичику рушилась империя. Освобождение старого генерала стало для Думы сигналом к атаке на власть.

Самодержавие теряло равновесие.

Начало 1917 года. На фронте – все плохо. Убит Распутин. Императора и особенно императрицу теперь самих подозревают в измене.

Чуть ли не первым из царских сановников 70-летнего Сухомлинова арестовали. Военным министром новой свободной России стал его заклятый враг Александр Гучков.

В августе 1917 года в доме армии и флота на Литейном судили супругов Сухомлиновых. Атмосфера в зале была оскорбительна для обвиняемых. Присутствовало много солдат, готовых растерзать судей в случае оправдательного приговора.

Против Сухомлиновых свидетельствовали их бывшие нахлебники и деловые партнеры. Обвинение в государственной измене хотя и было признано доказанным, но выглядело неубедительным, зато факты коррупции подтверждались документально.

При чудовищной неразборчивости в связях и преступном легкомыслии Сухомлинова, все кто мог получить военные секреты от министра, их получали. И если мы вслед за Милюковым спросим: что это – глупость или измена? – ответ будет: глупость.

Бывшего военного министра приговорили к пожизненной каторге, Катю оправдали.

После процесса Сухомлинов оказался в хорошо знакомых казематах Петропавловской крепости.

Екатерина Сухомлинова – красивая, сложная, волевая женщина, наплевав на общественное мнение, носила передачи мужу все время его заключения. Редкие сохранившиеся знакомые будут удивляться: ее невозможно сломать, внутренняя сила и жажда жизни в ней никуда не пропали!

Пока Владимир Сухомлинов сидел в тюрьме, страна, за которую он еще недавно воевал, полностью изменилась. Провалился заговор Корнилова, выстрелила знаменитым холостым залпом «Аврора», Керенский сбежал из Петрограда, а большевики, захватившие власть, заключили странный мир с австрийцами и немцами. Новая власть сковала все в стране своей железной диктатурой. Старый мир ушел навсегда.

Владимир Александрович Сухомлинов, бывший военный министр империи, которой больше не было, хорошо знал свою жену. И не надеялся на ее верность. В марте 1918 года большевики неожиданно объявили амнистию. Старик Сухомлинов оказался на воле, у ворот тюрьмы его никто не встречал. Через немногих оставшихся в Петрограде знакомых он выяснил адрес Кати и обнаружил, что его не ждут. Екатерина Викторовна любила жить весело и в достатке и сошлась с практичным грузинским офицером Габаевым. В условиях военного коммунизма он умудрялся заниматься крупной спекуляцией сахаром. Именно деньги за сахар и кормили генерала в тюрьме.

Это – последняя супружеская измена Кати Сухомлиновой. Ей больше не нужен ее старый генерал. Впрочем, он не нужен теперь никому. Бывший военный министр Сухомлинов эмигрирует в Германию, где проживет в полной нищете еще несколько лет. Зимой 1926 года тело замерзшего 78-летнего старика найдут на скамейке парка Тиргартен.

Катю Сухомлинову и Габаева, по слухам, чекисты расстреляют за спекуляцию в 1919 году.